
**ВОРОНЕЖСКИЙ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК**
ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МОСКОВСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД
Институт перспективных российских исследований им. Кеннана
(США) при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и
Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США)

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Научное издание

Воронеж

2001

Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание/Под редакцией И. А. Стернина. – Воронежский государственный университет, 2001. – с. 182.

ISBN 5-9273-0130-4

В сборнике рассматриваются актуальные проблемы методологии и методики исследований в области когнитивной лингвистики.

Рассмотрены основные теоретические понятия современной когнитивной лингвистики, методологические принципы анализа когнитивной сферы языковыми методами, методика исследования когнитивных процессов концептуализации и категоризации, методы и приемы описания отдельных типов концептов.

Для специалистов в области теоретического языкознания и когнитивных исследований, философов, психологов, культурологов.

Научный редактор –
доктор филологических наук, профессор И. А. Стернин

Компьютерная верстка,
подготовка оригинал-макета – **И. А. Стернин**

Поддержка данного проекта была осуществлена Московским общественным научным фондом совместно с Министерством образования РФ, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) за счет средств, предоставленных Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов программы.

ISBN 5-9273-0130-4

© Коллектив авторов, 2001
© Воронежский МИОН, 2001
© Воронежский
государственный
университет, 2001

Воронежский межрегиональный институт общественных наук был создан в феврале 2001 г. в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках». Программа реализуется Московским общественным научным фондом, Министерством образования РФ, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при содействии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США).

Программа призвана способствовать расширению сферы научных исследований российских ученых-обществоведов, повышению качества фундаментальных и прикладных исследований, развитию уже существующих научных школ и становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечению тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Данное издание – одно из первых, подготовленное Воронежским межрегиональным институтом общественных наук, который был создан в феврале 2001 г. в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках». Программа реализуется Московским общественным научным фондом, Министерством образования РФ, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при содействии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т.Мак-Артуров (США).

Программа призвана способствовать расширению сферы научных исследований российских ученых-обществоведов, повышению качества фундаментальных и прикладных исследований, развитию уже существующих научных школ и становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечению тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Предлагаемый вниманию читателя сборник представляет собой результат обсуждения методологических проблем когнитивной лингвистики на одноименном семинаре, который был организован Воронежским межрегиональным институтом общественных наук 29–31 марта 2001 г. в рамках направления «Межкультурная коммуникация и взаимопонимание культур».

В сборнике рассматриваются актуальные проблемы методологии и методики исследований в области когнитивной лингвистики. Рассмотрены основные теоретические понятия современной когнитивной лингвистики, методологические принципы анализа когнитивной сферы языковыми методами, методика исследования когнитивных процессов концептуализации и категоризации. На примере анализа отдельных типов концептов продемонстрированы конкретные методы и приемы лингвокогнитивного анализа.

В сборнике участвуют как крупные ученые, известные своими теоретическими исследованиями в рамках когнитивной лингвистики, так и молодые ученые, работающие в рамках когнитивной проблематики над диссертационными исследованиями.

В ходе семинара широко и заинтересованно обсуждались проблемы методологии и методики лингвокогнитивного анализа, результатом чего стали статьи, подготовленные участниками семинара. Многие статьи отличаются от сделанных докладов и отража-

ют следующий этап развития концепции их авторов с учетом результатов обсуждения на семинаре. Для статей сборника характерна достаточно высокая степень согласованности в области теоретических и методических принципов лингвокогнитивных исследований, что является прямым результатом совместных обсуждений на семинаре.

Основным теоретическим выводом из обсуждений на семинаре и из материалов данного сборника следует считать понимание концепта как единицы невербального в своей основе мышления, а лексических и фразеологических единиц языка – как средств опредмечивания, вербализации, объективации концепта. Лингвокогнитология рассматривается как наука, лингвистическими методами изучающая структуру и содержание концептов как мыслительных единиц.

Статьи сборника сгруппированы в несколько разделов по единству проблематики: методология когнитивных исследований, методика лингвистического описания содержания концептов, методика исследования процессов концептуализации и категоризации, методика исследования возрастных концептов, исследование концептов на материале художественного текста.

Редакционная работа над статьями сборника была минимальной и сводилась преимущественно к стилистическому редактированию. В статьях сохранена авторская система сносок.

Полагаю, что данный сборник представит интерес для специалистов в области когнитивной лингвистики, для философов, психологов, культурологов, психолингвистов, а также будет способствовать развитию теоретических основ и исследовательских методик когнитивной лингвистики.

*И. А. Стернин,
научный редактор*

МЕТОДОЛОГИЯ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

З. Д. Попова

Воронежский государственный университет

ИЗ ИСТОРИИ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА В ЛИНГВИСТИКЕ

В когнитивной лингвистике мы видим новый этап изучения сложных отношений языка и мышления. Начало такому изучению положили нейрофизиологи, врачи, психологи (П. Брока, К. Вернике, И. М. Сеченов, В. М. Бехтерев, И. П. Павлов и др.). На базе нейрофизиологии возникла нейролингвистика (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия). Стало ясным, что языковая деятельность протекает в мозгу человека, что разные виды языковой деятельности (освоение языка, слушание, говорение, чтение, письмо и др.) связаны с разными отделами головного мозга.

Следующим этапом развития проблемы соотношения языка и мышления стала психолингвистика, в рамках которой изучались процессы порождения и восприятия речи, процессы изучения языка как системы знаков, хранящейся в мозгу человека, соотношение системы языка и ее использования, ее функционирования (американские психолингвисты Ч. Осгуд, Т. Себеок, Дж. Гринберг, Дж. Кэррол и др., российские лингвисты А. А. Леонтьев, И. Н. Горелов, А. А. Залевская, Ю.Н. Караулов и др.).

Когнитивная лингвистика складывается в последние два десятилетия XX века, но ее предмет - особенности усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков - был намечен уже в первых теоретических трудах по языкознанию в XIX веке. Рассматривая теорию В. Гумбольдта о народном духе, А. А. Потебня признает вопрос о происхождении языка вопросом о явлениях душевной жизни, предшествующей языку, о законах его образования и развития, о влиянии его на последующую душевную деятельность, то есть вопросом чисто *психологическим* (Потебня, 38).

А. А. Потебня понимает, что в душевной деятельности есть понятия сильнейшие, выдвигаемые вперед, и понятия, остающиеся вдали (Потебня, 83). Именно сильнейшие представления участву-

ют в образовании новых мыслей (закон апперцепции Гербарта). А. А. Потенбня хорошо видит роль ассоциации и слияния ассоциаций в образовании рядов представлений. Разнородные представления, воспринятые одновременно, не теряя своей цельности, могут слагаться в одно целое. При слиянии два различных представления воспринимаются как одно (Потенбня, 91).

Иначе говоря, А. А. Потенбня прекрасно понимал роль языка в процессах познания нового, в процессах становления и развития человеческих знаний о мире на основе психологических процессов апперцепции и ассоциации, на основе разных по силе представлений человека о явлениях, имеющих названия в языке.

Еще более очевиден предмет когнитивной лингвистики в следующем высказывании И. А. Бодуэна де Куртенэ: «...Из языкового мышления можно выявить целое своеобразное языковое знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психологического и социального (общественного)» (Бодуэн де Куртенэ, 312).

Размышления об участии языка в познании мира можно найти в трудах мыслителей разных времен и народов от античности до наших дней. Их обзоры сделаны Л.Г.Зубковой (Зубкова, 2000) и Н. А. Кобриной (Кобрина, 2000).

Однако обращение к этому предмету исследования, начало его фронтальной разработки произошло лишь в последние десятилетия XX века.

Становление современной когнитивной лингвистики связывают с трудами американских лингвистов Джорджа Лакоффа, Рональда Лангакера, Рэя Джакендорффа и ряда других. Подробнейшим и детальнейшим образом охарактеризованы труды этих ученых и развитие проблематики когнитивной лингвистики в работах Е. С. Кубряковой (Кубрякова, 1994, 1997, 1999). Труды Кубряковой стали фундаментальными, они легли в основу когнитивной лингвистики в России.

Особенно подробно и развернуто представлен научный аппарат американской когнитивной лингвистики в «Кратком словаре когнитивных терминов» под ред. Е. С. Кубряковой, М., 1996. В России в это же время разрабатывались теории значения слова на основе компонентного анализа. Семантические параметры, найденные Ю. Д. Апресяном, И. А. Мельчуком, А. К. Жолковским, позволили начать составление семантических словарей, поиски семантических первоэлементов. Эти первоэлементы, как теперь все более

проясняется, лежат в сфере когнитивной деятельности человека и содержат те же категории, к которым приводят работы американских авторов. В этой связи надо упомянуть и работы польской исследовательницы Анны Вежбицкой (Вежбицка, 1996).

Оба направления развивались независимо друг от друга и пользовались разной терминологией, однако открытые в результате их исследований категории во многих отношениях пересекаются. Разнообразные толкования и определения предмета когнитивной лингвистики и ее категорий предлагают авторы, специально занимающиеся этими проблемами (Розина, 1994; Демьянков, 1994; Худяков, 1996; Фрумкина, 1996; Рузин, 1996; Баранов, Добровольский, 1997; Болдырев, 1998, 1999, 2000; Залевская, 1998, 2000; Шарандин, 1998; Шаховский, 2000; Красных, 2000 и др.).

Широкий круг проблем, которыми занимается когнитивная лингвистика, был хорошо представлен на Первой международной школе-семинаре по когнитивной лингвистике. Школа состоялась в Тамбове 26–30 мая 1997 года. Она была организована институтом языкознания РАН и Тамбовским госуниверситетом. Материалы этой школы-семинара (Когнитивная лингвистика, 1998) представляют следующие направления когнитивных исследований:

- когнитивная лингвистика: проблемы методологии и направления исследования;
- когнитивные аспекты грамматики;
- лексика в когнитивных исследованиях;
- категории языковых единиц в системе и функционировании;
- когнитивные аспекты номинации и словообразования.

На второй школе-семинаре в Тамбове, проходившей 11–14 сентября 2000 года, эта проблематика получила дальнейшее развитие и конкретизацию. Помимо общих вопросов, организаторы конференции предложили ее участникам такие проблемы:

- концептуализация в историческом аспекте;
- концептуализация в ментальных пространствах текста и дискурса, природа концепта и концептуальный анализ;
- языковая концептуализация мира, концептуальный анализ грамматических категорий (Когнитивная семантика, 2000).

Вся проблематика когнитивной лингвистики вращается вокруг ее основных категорий **КОНЦЕПТ**, **КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ**, **КАТЕГОРИЗАЦИЯ**, **КОНЦЕПТОСФЕРА** или **КАРТИНА МИРА**.

Труды, посвященные концептам и концептуализации, многочисленны, и мы их рассмотрим далее специально. Здесь укажем несколько работ, посвященных категоризации (Болдырев, 1998, 2000;

Булыгина, Шмелев, 1997) и картине мира (Ольшанский, 1996; Харитончик, 1999, Тарасов, 2000). Но в ходе разработки основных категорий когнитивной лингвистики ученые обнаружили множество новых аспектов изучения языка как в системе, так и в речевом функционировании.

Определился лингвистический подход к изучению символа (Шелестюк, 1997), предложено понимание терминологии как фреймовой структуры (Новодранова, 1998). Найдены когнитивные подходы к изучению словообразования (Раевская, 1999, Аликаева, 1999). Оказались возможными когнитивные трактовки грамматических категорий (Болдырев, 1998, 1999; Кравченко, 1998). Определяются синтаксические концепты разных типов (Сусов, 1998).

Выстраивается когнитивное изучение текстов. Обзор таких работ см. в (Кибрик, 1994). Обнаружение концептов в художественных текстах проливает новый свет на понимание литературного творчества (Кибрик, Духбенбурс, 1996; Мелерович, 2000; Шаховский, 2000; Слышкин, 2000; Красных, 2000).

Новый взгляд на метафору привел к разработке категории КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ. Выяснилось, что метафора играет большую роль в категоризации концептов, показывая, как новое познается человеком через известное. Такой подход дал новый мощный импульс к изучению метафоры (Метафора..., 1998; Теория..., 1990; Пирирайнен, 1997; Нухов, 1999; Урубкова, 2000; Орлова, 2000; Новодранова, Алексеева, 2000 и др.). Метафора определена как ключ к пониманию форм репрезентации знаний (Шахнаров, 2000).

Проникновение в концептосферу позволяет лучше понимать их миропонимание и поведение людей, раскрывает универсальные черты, присущие концептосферам всех народов и национально специфические черты (Гришаева, 2000). Выявлены такие категории общечеловеческого самосознания, как ГОВОРЯЩИЙ и НАБЛЮДАТЕЛЬ (Кравченко, 1998). Поставлена задача компьютерного миропорождения (Богуславский, 1991).

Интересные результаты в толковании миропонимания древних народов дает когнитивный подход к изучению концептуальной основы древних языков (Топорова, 1993, 1996, 1998, 2000; Шаховский, 1997; Михальчук, 1997).

Когнитивный подход позволяет более основательно поставить старую, но не проясненную проблему возможностей невербальной коммуникации (Аристов, 1998), которая может осуществляться с

помощью фонации, кинесики, визуальных средств, тактильной коммуникации, молчания и др.

Наряду с общетеоретическими разработками категории концепта, исследователи делают попытки представить конкретные описания тех или иных концептов. Рассматриваются концепты лексические, фразеологические, синтаксические. Рассматриваются и объединения концептов - целые лексико-семантические, лексико-фразеологические, лексико-грамматические и синтаксические поля.

Основополагающий вклад в изучение концептов через соотношения с материалом языка внесли московские лингвисты под руководством Н. Д. Арутюновой. С 1988 года труды этой группы публиковались в серии сборников «Логический анализ языка». Уже вышло в свет 14 сборников (последний датируется 2000 годом). Первые выпуски этой серии проанализированы в обзоре (Плунгян, Рахилина, 1991). Наряду с широким кругом общетеоретических проблем языкознания, авторы статей представили и широкий спектр описания конкретных концептов. Так, только в сборнике 1991 года с подзаголовком «Культурные концепты» описаны концепты: *истина, правда, ложь, долг, творчество, причина, судьба, добро и зло, закон и порядок, красота, свобода, время и пора, память, человек и личность, свое и чужое, милосердие, вопрос.*

По интерпретации авторов, все эти концепты взаимосвязаны и замыкаются друг на друга.

Рассмотрены также концепты *уныние, меланхолия, задумчивость, забвение, радость и удовольствие*, концепт *язык* и некоторые другие. Об этих же концептах авторы писали и в других изданиях (Лукин, 1993; Михайлова, 1993; Яковлева, 1995 и др.).

Самым ярким описанием концептов в рассматриваемом направлении стал, на наш взгляд, фундаментальный труд Ю. С. Степанова (Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры) М., 1997.

Назовем основные концепты, содержание которых раскрыто в книге Ю. С. Степанова:

Культура, концепт, константа.

Вечность, мир, менталитет мира.

Слово, вера, любовь, радость, воля.

Правда, истина, партийность. Знание, наука.

Число, счет, письмо, алфавит. Закон, власть.

Свои, чужие. Русь, Родина.

Цивилизация, человек, душа. Мир (община). Интеллигенция.

Большую серию концептов из сферы интеллектуальной и эмоциональной деятельности человека рассмотрел С. Г. Воркачев: *безразличие, удивление, любовь, презрение* и некоторые другие (Воркачев, 1992 (1), 1992 (2), 1993, 1995, 1997). Отдельным концептам из сферы эмоций посвящены публикации Добровольского, Арутюновой и др. (Добровольский, 1996, Арутюнова, 1997).

Появляются работы, авторы которых стараются постичь содержание иноязычных концептов (Карнаухова, 1999; Яскевич, 2000).

Укажем еще несколько «концептов», ставших объектом рассмотрения в последние годы. Таковы, например, *факт* (Гончарова, 1999), *мир и закон* у Пушкина и Л. Толстого (Звездова, 1999), *душа* у Тютчева (Тильман, 1999), *обман* (Шаховский, Панченко, 1999), *закон* (Бут, 2000), *Бог* (Печенкина, 2000), *снег* (Рамза, 2000), *памятник* (Караулов, 2000), *счастье* (Савенкова, 2000), *игра* (Гажева, 2000), *благо* (Борзенкова, 2000), *желание* (Алтабаева, 2000), *пространство, место, предмет* (Кубрякова, 2000).

Список можно продолжать, но остановимся на этом. Уже и из приведенного перечня видно, какой широкий спектр «концептов» интересует лингвистов и уже вошел в круг их рассмотрения.

К настоящему времени написаны десятки работ, в которых говорится о концептах. Однако понимание содержания этого термина колеблется. В одних случаях оно ничем не отличается от традиционного «значения слова» (Гажева, 2000). Оно может быть истолковано как логическая категория, которая выражается целым набором языковых средств, наконец, концепт понимается и как чистая ИДЕЯ, напрямую с языковыми средствами не связанная (см. об этом также: Залевская, 2000).

Нет сомнений, что роль когнитивной лингвистики в наши дни значительна и она постоянно возрастает.

1. *Аликаева Г. В.* Единицы деривационного уровня, состоящие из словообразовательных гнезд и словообразовательных рядов // ФН, 1999. №1. С. 35–40.

2. *Алтабаева Е. В.* Семантические параметры концепта «желание» в современном русском языке // Русский язык вчера, сегодня, завтра. Воронеж, 2000. С. 32–33.

3. *Аристов С. А.* Когнитивные аспекты языковой коммуникации, включающей невербальные конститuenty // Когнитивная лингвистика. Ч.1. Тамбов, 1998. С. 108–110.

4. *Арутюнова Н. Д.* О стыде и стуже // ВЯ, 1997. №2. С. 59–70.

5. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Постулаты когнитивной лингвистики // Изв. РАН, 1997. №1. С. 11–21.

6. *Богуславский И. М.* Лингвистический процессор и локативные обстоятельства // ВЯ, 1991. №1. С. 69–78.

7. *Бодуэн де Куртене И. А.* Количественность в языковом мышлении // И. А. Бодуэн де Куртене Избранные труды по общему языкознанию. Т.1. М, 1963. С. 311–324.

8. *Болдырев Н. Н.* Категоризация событий и специфика национально-го сознания // Язык и национальное сознание. Воронеж, 1998. С. 29–30.

9. *Болдырев Н. Н.* Системные и функциональные связи языковых единиц как результаты категоризирующей деятельности языкового сознания // Связи языковых единиц в системе и реализации. Тамбов, 1998. С. 5–16.

10. *Болдырев Н. Н.* Концептуальные структуры и языковые значения // Филология культура. Материалы международной конференции 12–14 мая 1999 г. Тамбов, 1999. С. 62–69.

11. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.

12. *Борзенкова М. О.* Концепт «благо» в диалоге культур // Когнитивная семантика. Ч. 2. Тамбов, 2000. С. 43–45.

13. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики), М., 1997. С. 574.

14. *Бут А. М.* Семантика слова ЗАКОН в русских пословицах // Фразеология – 2000. Тула, 2000. С. 53–55.

15. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 412.

16. *Воркачев С. Г.* «Первая из всех страстей»: адмиративная оценка и средства её выражения в испанском языке // Изв. РАН, 1992. №2. С. 81–89.

17. *Воркачев С. Г.* Безразличие VS презрение (на материале испанского языка) // ВЯ, 1992. №1. С. 79–86.

18. *Воркачев С. Г.* Речевые постулаты и оценка моральных качеств личности: показатели безразличия в психологических отношениях // ФН, 1993. №3. С. 85–91.

19. *Воркачев С. Г.* Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // ФН, 1995. №3. С. 56–66.

20. *Воркачев С. Г.* Безразличие как этносемантическая характеристика личности. Опыт сопоставительной паремиологии // ВЯ, 1997, №4, с.115-124.

21. *Гажева И. Д.* Опыт концептуального анализа имени ИГРА // ФН, 2000. № 4. С. 73–81.

22. *Гончарова Н. Ю.* Концепт «факт» в представлении человека // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Тамбов, 1999. С. 48–52.

23. *Гришаева Л. И.* Перевод как источник знаний о концептуализации внеязыковой действительности // Перевод: язык и культура. Воронеж, 2000. С. 29–31.

24. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ, 1994. №4. С. 17–33.
25. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // ВЯ, 1996. №1. С. 71–93.
26. Духбенбурис Д. Дискурсивный анализ и семантическая структура // ВЯ, 1996. №2. С. 141–155.
27. Залевская А. А. Когнитивизм, когнитивная психология, когнитивная наука и когнитивная лингвистика // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. Ч.1. Тамбов, 1998. С. 6–9.
28. Залевская А. А. Когнитивный подход к слову и тексту // Языковое сознание содержание и функционирование. XIII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2000. С. 91.
29. Звездова Г. В. О языковых концептах МИР и ЗАКОН в творчестве А.С.Пушкина и Л.Н.Толстого // Русская словесность: теория и практика. Липецк, 1999. С. 29–34.
30. Зубкова Л. Г. Эволюция представлений о языковой категоризации мира // Когнитивная семантика. Ч. 2. Тамбов, 2000. С. 176–180.
31. Караулов Ю. Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание. Содержание и функционирование. М., 2000. С. 107–109.
32. Карнауков О. В. Концепт «Marketing» и его эквиваленты в немецком языке (на материале англо-американских заимствований в немецком бизнес-языке) // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. Вып. 2. Тамбов, 1999. С. 115–120.
33. Кибрик А. А. О некоторых видах знаний в моделях естественного диалога. // ВЯ, 1991. №1. С. 61–68.
34. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // ВЯ, 1994. №5. С. 126–139.
35. Кобрин Н. А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика. Ч. 2. Тамбов, 2000. С. 170–175.
36. Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. Ч.1 и ч.2. Материалы первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. Тамбов, 1998. Ч.1 С. 196. Ч.2. С. 160.
37. Когнитивная семантика: Материалы второй международной школы-семинара. Ч.1. Тамбов, 2000.
38. Когнитивная семантика: Материалы второй международной школы-семинара. Ч.2. Тамбов, 2000.
39. Кравченко А.В. Лингводидактический аспект когнитивного подхода к грамматике (на материале английского языка) // Когнитивная лингвистика. Ч. 1. Тамбов, 1998. С. 122–125.
40. Красных В.В. Строение языкового сознания: фрейм-структуры // Когнитивная семантика. Ч. 1. Тамбов, 2000. С. 53–55.

41. Красных В. В. Фрейм структуры как единицы языкового сознания // Языковое сознание содержание и функционирование. М., 2000. С. 128–129.
42. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика-психология-когнитивная наука // ВЯ, 1994. №4. С. 34–47.
43. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
44. Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Изв. РАН, 1997. №3. С. 22–31.
45. Кубрякова Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Материалы международной конференции. Тамбов, 1999. С. 6–13.
46. Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 84–92.
47. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
48. Лукин В. А. Концепт ИСТИНЫ и слово ИСТИНА в русском языке (опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // ВЯ, 1993. №4. С. 63–86.
49. Лукин В. А. Слово ИСТИНА и идея тождества // Изв. РАН, 1993. №1. С. 35–48.
50. Мелерович А. М. Концептообразующее функционирование фразеологических единиц в художественной речи // Фразеология – 2000. Тула, 2000. С. 172–175.
51. Метафора в языке. М., 1988.
52. Михайлова Т. А. О понятии «правый» и лингвоментальной эволюции // ВЯ, 1993, №1, с.52–63.
53. Михальчук И. П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие «закон») // Изв. РАН, 1997. №4. С. 29–39.
54. Новодранова В. Ф. Когнитивные аспекты терминологии // Когнитивная лингвистика. Ч.1. Тамбов, 1998. С. 13–16.
55. Новодранова В. Ф., Алексеева Н. И. Формирование теории научной метафоры и метафорических номинаций в медицинской терминологии // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. М., 2000. С. 82–88.
56. Нухов С. М. О когнитивных исследованиях метафоры // Теория поля в современном языкознании. Материалы научно-теоретического семинара. Уфа, 1999. С. 34–35.
57. Ольшанский И. Г. Когнитивные аспекты лексической многозначности (на материале современного немецкого языка) // ФН, 1996. №5. С. 85–93.
58. Орлова Н. М. Морфологическая категоризация в языке международных отношений // Когнитивная семантика: Материалы второй международной школы-семинара. Ч. 2. Тамбов, 2000. С. 122–124.
59. Печенкина О. Ю. О периферии концепта «бог» в текстах пословиц и поговорок русского народа, собранных В.И. Далем // Фразеология – 2000. Тула, 2000. С. 113–115.

60. Пишайнен Е. «Область метафизического отображения» – метафора – метафорическая модель (на материале фразеологии западно-мюнстерландского диалекта)//ВЯ, 1997. № 4. С. 92–100.
61. Плунгян В. А., Рахилина Е. В. О сборниках статей проблемной группы «Логический анализ языка»//ВЯ, 1991. №2. С. 126–139.
62. Потемня А. А. Мысль и язык. Киев, 1993.
63. Раевская О. В. К вопросу об ономастических категориях//ФН, 1991. №1. С. 22–28.
64. Рамза Т. В. Ассоциативные потенции слова в поэтическом тексте//Языковое сознание. Содержание и функционирование. М., 2000. С. 202–203.
65. Розина Р. И. Когнитивные тенденции в таксономии. Категоризация мира в языке и тексте.//ВЯ, 1994. №6. С. 60–78.
66. Рузин И. Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов//ВЯ, 1996. №5. С. 39–50.
67. Савенкова А. Б. Концепт «счастье» в русских поговорках//Фразеология – 2000. Тула, 2000. С. 103–106.
68. Слышкин Г. Г. От текста к символу. Лингвистические концепты прецедентных текстов в слушании или дискурсе. М., 2000. С. 124.
69. Степанов Ю. С. Концепты. Словарь русской культуры. М., 1997.
70. Сузов И. П. Интеграционный этап в развитии лингвистической теории и сущность вклада когнитивной лингвистики//Когнитивная лингвистика... Ч.1. Тамбов, 1998. С. 16–21.
71. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования//Языковое сознание содержание и функционирование. XIII междунар. Симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2000.
72. Теория метафоры. М., 1990.
73. Тильман Ю. Д. «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф.И.Тютчева//Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 203–212.
74. Топорова Т. В. Древнегерманские представления об идеальном пространстве и времени//Изв. РАН, 1993. №5. С. 43–49.
75. Топорова Т. В. О типах познания в древнегерманской мифопоэтической модели мира//ВЯ, 2000. №2. С. 35–46.
76. Топорова Т. В. Об архетипе «воды» в древнегерманской космогонии//ВЯ, 1996. №6. С. 91–99.
77. Топорова Т. В. Об оппозиции «темный мир» – «светлый мир» в древнегерманской космогонии//ВЯ, 1998. №6. С. 39–47.
78. Урубкова Л. М. Роль метафоры в концептуализации//Когнитивная семантика: Материалы второй международной школы-семинара. Ч.2. Тамбов, 2000. С. 137–139.
79. Фрумкина Р.М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике//ВЯ, 1996. №2. С. 55–67.
80. Харитончик З.А. О принципах единства и целостности категорий//Филология и культура. Ч. 1-2. Междунар. конференция 12-14 мая 1999 г. Тамбов, 1999. С. 21–22.

81. Худяков А. А. Концепт и значение//Языковая личность: культурные концепты. Волгоград - Архангельск, 1996. С. 97–103.
82. Шарандин А. Л. Прототипические характеристики лексико-грамматических разрядов русского глагола//Когнитивная лингвистика. Ч.1... Тамбов, 1998. С. 129–131.
83. Шахнаров А. Л. Психолингвистика: когнитивные аспекты//Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания. М., 2000. С. 120–122.
84. Шаховский В. И. Текст как способ экспликации эмоциональности языкового сознания//Языковое сознание. Содержание и функционирование. М., 2000. С. 274–275.
85. Шаховский В. И., Панченко Н. Н. Национально-культурная специфика концепта «обман» во фразеологическом аспекте//Фразеология в контексте культуры. М., 1999, с.285-288.
86. Шелестюк Е. В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы)//ВЯ, 1997, №4, с.125-142.
87. Яковлева Е. С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира//ВЯ, 1993. №4. С. 48–62.
88. Яковлева Е. С. Фрагмент русской языковой картины времени//ВЯ, 1994. №5. С.73–89.
89. Яскевич Т. В. Репрезентация фрейма «выбор» в современном английском языке//Филология и культура. Материалы междунар. конференции 12-14 мая 1999 г. Тамбов, 1999. С. 196–203.

А. С. Кравец

Воронежский государственный университет

ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СМЫСЛА

Смысл многогранен и поэтому раскрыть его сущность в каком-то одном определении трудно. Проще всего определить его как мысль, содержащуюся в некотором выражении.

В семиотике смысл связывают со значимостью знака, который и является носителем смысла. Однако, говоря о значимости знака, можно иметь в виду два ее аспекта. Можно говорить, что знак нечто *обозначает*, и что он нечто *означает*.

Когда говорят, что знак нечто обозначает, то имеют в виду отношение знака к предмету, заменителем или представителем (репре-

зентантом) которого и является данный знак. То, что знак обозначает, называют денотатом (референтом). Итак, денотат – это то, что соответствует знаку. Г. Фреге говорил, что денотат – это вещь, на которую знак указывает, хотя под вещами он часто имел в виду весьма абстрактные объекты (точки, числа и т. п.).

Вместе с тем, для того, чтобы соотнести знак с денотатом, необходимо указать способ этого соотнесения. Соотнесение знака с денотатом является его *означением*. Знак приобретает значимость благодаря той информации, которая позволяет раскрыть отношение знака к денотату. Эта информация и есть тот смысл (сигнификат), благодаря которому люди понимают, что означает тот или иной знак или знаковое выражение.

Чтобы проиллюстрировать понятие смысла, Г. Фреге рассматривал индивидуальные имена, т. е. имена единичных предметов (событий, лиц и т. п.). Например, имя «пересечение двух прямых» является знаковым выражением, его сигнификат *означает* некоторую мысль (то, что является пересечением двух прямых), которая указывает на вполне определенный и единственный денотат – точку. Имя $\sqrt[3]{9}$ описывает операцию извлечения кубического корня из числа девять (это описание и есть сигнификат имени), и ему тоже соответствует определенный денотат – число 3.

Каким же образом знак может *означать* нечто? Выяснилось, что любое означение осуществляется через какие-либо характеристики обозначаемого предмета или явления, т. е. смысл является мыслью, характеризующей каким-либо образом обозначаемое явление или предмет. Денотат, как показал Г. Фреге, всегда определяется (задается) смыслом выражения и вне этого смысла ничего вообще нельзя сказать о денотате знака. Таким образом, денотат всегда вторичен по отношению к смыслу, зависит от него. Как показал позже Б. Рассел, процесс денотации (референции), на основе которого устанавливается денотат (референт), есть не что иное, как характеризующее (индивидуализирующее) описание (дескрипция), т. е. некоторое высказывание (предложение).

Б. Рассел установил, что индивидуальным именам соответствует определенная дескрипция (вернее он говорил, что все индивидуальные имена являются дескрипциями), а общим именам – неопределенная дескрипция. Различие между индивидуальными и общими именами заключается в том, что первые имеют единственный денотат, а вторые – целую область референции, называемую экстенционалом имени (1).

Как уже указывалось, смысл существует через свое выражение, имеющее знаковую природу. Смысл скрывается за выражением. В языке такими носителями смысла являются слова, предложения (высказывания) и тексты. Если в качестве знакового выражения брать высказывание «S есть P», то оно содержит логический (грамматический) субъект (в предложении он соответствует подлежащему) и его характеристику, называемую предикатом (свойством). Любое высказывание, таким образом, содержит предмет мысли (отвечает на вопрос, *о чем* высказывается мысль) и несет некоторую информацию об этом предмете (т. е. указывает на то, *что* собственно говорится об этом предмете). Субъекту соответствует некоторый денотат, а информация об этом субъекте выражает смысл сказываемого (сигнификат).

Анализ смысла разумно было начать с самой элементарной его единицы. Такой элементарной единицей, существующей в системе языка (лексиконе нации), естественно является слово.

Смысл слова раскрывается в его толкованиях, подобно тем, которые мы встречаем в толковых словарях. В ходе семиологического анализа слов было установлено различие между семантикой слов, выражающих имена предметов (или просто имена) и предикатными именами (или просто предикатами). Семантическая функция имен состоит в обозначении предметов, а семантическая функция предикатов в обозначении их свойств. Уже Аристотель ввел гиперо-гипонимическую классификацию имен, получившую название таксономии имен, и типологию предикатов, соответствующую его знаменитым десяти категориям (субстанции, качества, количества, пространства, времени, состояния и т. д.) (2).

В дальнейшем было развито учение о семиологических классах и семантических разрядах слов (3). Исследование семантической природы имен показало, что они далеко не всегда имеют денотативную природу.

Во-первых, существует масса ирреальных имен, экстенционал которых пуст (домовой, леший, кентавр и т. п.).

Во-вторых, существуют абстрактные имена, выражающие субстантивизацию свойств и состояний, т. е. так называемые интенциональные имена (высота, добро, нежность, гниение), которые наделены смыслом, но в принципе не имеют денотата.

В-третьих, выяснилось, что многозначные слова образуют лексико-семантические варианты (ЛСВ), существенно различающиеся своими смыслами. Например *хворост*₁ (сухие опавшие ветви) и *хво-*

*рост*₂ (печенье); *труба*₁ (музыкальный инструмент), *труба*₂ (часть печной конструкции), *труба*₃ (полый цилиндрический предмет).

Что же касается предикатных имен, выражаемых глаголами и прилагательными, то они всегда сигнификативны. Мы можем описать, что они значат (смысл), но не можем указать на тот денотат, к которому они относятся.

Важнейшим результатом семасиологического исследования имен и предикатов явилось установление их семантического согласования. Оказалось, что имена могут свободно сочетаться с одними предикатами, тогда как на другие сочетания наложены запреты. Сопряжение имен и предикатов происходит лишь в высказываниях. Это еще раз говорит о том, что именно смысл доминирует в понимании и означивании слов.

Существенным прорывом в исследовании семантики слова стала разработка семного анализа (4). Семы – это семантические компоненты смысла слова, его обобщенные дискретные единицы. Например, смысл слова «холостяк» состоит из сем (*мужчина + взрослый + не состоящий в браке*), кобыла = *лошадь + самка*. Семейство сем, выражающих в потенции полный смысл слова, образует семему.

С точки зрения семного анализа смысл слова предстает как сложная иерархизированная система семантических компонентов. Семный анализ позволил в существенной степени уточнить характер согласования имен и предикатов. В сочетаниях слов (синтагмах и высказываниях) происходит актуализация сем. Смысл в сочетаниях имеют лишь те актуализации, в которых происходит пересечение сем (*собака – лает* – дважды повторяется сема «собака», *тяжелый камень* – дважды повторяется сема «вес»).

Оказалось, что смысл слова имеет определенные грани или аспекты, выражаемые набором сем. Эти аспекты актуализируются в различных контекстах употребления слова. Например, слово «студент» включает набор сем, характеризующих материально-вещественный аспект (*высокий, тяжелый, лежит*), биологический аспект (*спит, ест, растет*), социально-психологический аспект (*думает, учится, работает*). Наоборот, в слове «камень» отсутствует набор сем, характеризующих биологический и социально-психологический аспект. Поэтому нельзя сказать «*камень спит, работает* и т. п.».

В ходе семасиологических исследований был установлен сложный состав смысла слова: лексема → {ЛСВ} → {семемы} → {семы}.

По мере выявления сложной организации смысла слова все более укреплялась мысль, что все составляющие смысла слова, его

различные оттенки и аспекты реализуются лишь в высказываниях, и поэтому ключ к анализу богатства смысла слова нужно искать в коммуникативных актах, высказываниях.

Таким образом постепенно сформировалась пропозициональная парадигма смысла, которая является в настоящее время доминирующей в лингвистических исследованиях.

В работе А. Д. Арутюновой (5) прослеживается историческое развитие понятия пропозиции. Пропозиция является элементарным высказыванием, связывающим имя предмета номинации с предикатом: «Нечто (или некто, называемый именем N) обладает свойством (предикатом) Р». По-видимому, пропозиция принадлежит к архетипическим проявлениям элементарного смысла, она выражает законченную мысль. Субъект высказывания (подлежащее) намечает тему мыслительного акта, тогда как доминанта смысла (что мы, собственно, хотим сказать о субъекте) разворачивается в предикации. Лишь соединение субъекта с соответствующим предикатом образует законченную мысль, т. е. предложение.

Пропозиция является инвариантом относительно различных форм высказываний, выражающих один и тот же смысл. Например, предложения – *Я уверен, что Петр приехал; Меня радует, что Петр приехал; Возможно, что Петр приехал; Сомневаюсь, что Петр приехал;* и даже вопрос *Приехал ли Петр?* – содержит одну и ту же пропозицию *Петр приехал*. Следовательно, к пропозиции относят то основополагающее содержание мысли (диктум), которое может подвергаться вопрошанию, утверждению, отрицанию, сомнению, предположению и т. д. Пропозиция выражает содержание мысли, элиминированное от модальной рамки высказывания и намерений говорящего по поводу сказанного. Она является смысловым инвариантом, реализуемым в разных формах выражения.

Смысл пропозиции находится в ней самой. Он является функцией высказывания. Смысл обусловлен семантической структурой пропозиции. Он противоположен не ложности высказывания, а абсурду. Абсурд разрушает смысл.

Первым и необходимым условием образованием смысла пропозиции является семантическая значимость исходных элементов высказывания, т. е. терминов пропозиции. Из бессмысленных терминов нельзя построить осмысленного высказывания. Однако это необходимое условие не является достаточным для осмысленного высказывания. Оказывается, что связь слов в высказывании подчиняется сложной иерархической структуре, накладывающей определенные запреты на сочетания слов.

Существуют две структурообразующие оси формирования высказывания, условно называемые ее вертикалью и горизонталью. В вертикальном плане мы имеем дело с возможным набором слов в системе языка, т. е. лексической парадигмой, содержащей ограниченный спектр лексем для выбора подходящего слова в словосочетаниях. Выбор какого-либо слова из этого спектра (т. е. его реализация в конкретном высказывании) зачеркивает все другие варианты парадигмы.

В горизонтальном плане разворачивается синтагматический ряд, в котором каждое предыдущее слово в той или иной степени предопределяет появление последующего. Синтагматика управляет линейной последовательностью слов в высказывании. Управление синтагматическим рядом подчиняется трем кодовым программам: семантической согласованности слов, лексической сочетаемости и синтаксическому управлению.

Семантическая согласованность основывается на пересечении сем в именах и предикатах. Она означает сопряженность смыслов, связанную с конгруэнтностью семантических компонентов, их гармоническим наложением друг на друга. Наоборот, если сема предиката вступает в противоречие с актуализируемой семой имени, то возникает абсурд. Все осмысленные высказывания располагаются между двумя полюсами: тавтологией (*Сократ есть Сократ*) и противоречием (*Холостяк познакомил нас со своей женой*). За семантическим согласованием имен и предикатов просвечивает логика соотношений вещей и их свойств (6).

Однако в языке возникают ограничения на сочетания слов, не вытекающие из природы вещей и их свойств, но, тем не менее, считающиеся общепринятыми. Например, в сочетаниях *коричневое платье, каштановые волосы, карие глаза, каурая лошадь* варьируются разные лексемы, характеризующие, по существу один и тот же цвет, но для каждого денотата выбор соответствующей лексемы (обозначающей цвет) обусловлен языковой конвенцией. В сочетаниях *круглый дурак* и *полный идиот* мы вообще имеем дело с одним и тем же денотатом, но замена определяющих слов в этих синтагмах также запрещена языковыми конвенциями.

Наконец, синтаксис управляет грамматическим согласованием слов (по числу, падежу, роду, времени и т. п.). Помимо грамматического согласования в синтаксисе обнаруживается и более глубокий уровень управления, связанный с расположением слов на определенных синтаксических позициях. Этот глубинный уровень син-

таксиса, впервые обнаруженный в рамках порождающей (генеративной) грамматики (Н. Хомский, Дж. Миллер) уже нельзя отнести к чистому (грамматическому) синтаксису, поскольку он связан с необходимым восполнением, уточнением смысла в синтаксических позициях. Это восполнение смысла рисует целый сценарий происходящего события, процесса. Поэтому, имея в виду этот глубинный уровень управления синтаксическими позициями, говорят о семантике синтаксиса, семантических структурах синтаксиса (7). Так, глагол для восполнения смысла предикации часто требует согласования всех его актантов: *субъекта действия, объекта, инструмента, цели, условий*. Актанты задают сценарий развития действия.

Все сказанное указывает на то, что смысл является сложно организованной системой, и он не сводится к простой сумме исходных слов. В процессе образования высказывания актуализируются лексико-семантические варианты слов, их отдельные семы, а сами слова связываются указанными программами в синтагматический ряд.

Итак, в анализе элементарного смысла возникли две исследовательские программы, которые не могли не столкнуться в антиномическом противопоставлении. Что же первично в смысле: слово или предложение? Всякие попытки альтернативного размещения этой антиномии заводят нас в тупик. Ясно, что любое высказывание составляется из слов, которые должны быть предпосланы самому акту высказывания. Нет осмысленных высказываний вне осмысленных слов.

С другой стороны, очевидно, что смысл любого слова, находящегося в системе языка, раскрывается только в его толковании, имеющем форму высказывания. Не комментируемое, не эксплицируемое слово не имеет смысла. Приходится допустить, как это не покажется странным, что обе посылки антиномии верны: не может быть высказываний вне слов, а осмысленных слов вне высказываний.

Каким же образом можно представить себе модель структуры смысла, удовлетворяющего общим предпосылкам его порождения? Очевидно, что такая модель не может базироваться на стереотипных представлениях составимости целого из частей, почерпнутых из образов атомно-молекулярной модели, детского конструктора, русской матрешки и т. п. Во всех этих моделях «части» могут существовать отдельно от «целого», а собирание частей и дает целое. Но слово - это такая хитрая «часть», которая не только формирует «целое» (высказывание), но в свою очередь содержит «це-

лое», т.е. высказывание либо в имплицитной (семантически свернутой) форме, либо в эксплицитном виде (в семантически развернутой форме) (1).

Для моделирования диалектической структуры смысла подходит «хитрая» топология листа Мебиуса. Лист Мебиуса – это одно-сторонняя поверхность, не имеющая ни «низа», ни «верха». Чтобы изготовить лист Мебиуса, следует взять длинную полоску бумаги, вывернуть ее на 180° вдоль продольной оси и склеить концы. Если двигаться по листу Мебиуса, непрерывно описывая круги, то через 360° мы окажемся под исходной точкой начала вращения, а еще через 360° – вновь «вверху» на самой исходной точке. Теперь представим себе, что на длинной тонкой полоске бумаги мы можем сверху писать все высказывания (представляющие открытое множество), а снизу все слова из системы языка (Рис. 1).

Рис. 1

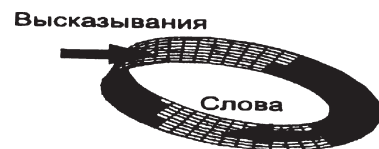

Рис. 2

Если образовать из этой полоски лист Мебиуса, то получим топологическую модель самопорождающейся структуры смысла (рис. 2). Все высказывания в такой модели формируются из слов, а смысл слов образуется в высказываниях. Действительно, начав кругообращение с «верней» точки, мы двигаемся от высказываний к словам, т.е. приходим к семантически свернутому в слове смыслу, а, продолжая движение по кругу, мы вновь приходим к высказываниям, составленным из слов.

Язык, как известно, существует одновременно в двух своих ипостасях. Во-первых, он представляет собой систему слов вместе с правилами оперирования с ними. Во-вторых, язык функционирует в речевой деятельности, в которой слова актуализируются в высказываниях. Наша модель позволяет осветить и эти отношения.

Все вращения, направленные от слов к высказываниям, актуализируют различные смыслы слов. Вместе с тем в высказываниях слова наполняются новыми оттенками смысла, образуются переносные смыслы. Слова, обогащенные смыслом, вновь возвращают

ся в систему языка, становясь потенциальной предпосылкой для образования новых высказываний и т.д.

В этом вечном движении постоянно обогащаются смыслы слов и порождаются все новые высказывания.

1. *Кравец А. С.* Имена и дескрипции: семантическая свертка//Человек, познание, культура. Воронеж, 2000. Вып. 1.
2. *Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложение. М.: Наука, 1981.
3. *Уфимцева А. А.* Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики). М.: Наука, 1986.
4. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985.
5. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
6. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974.
7. *Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.

Н. Н. Болдырев

Тамбовский государственный университет

КОНЦЕПТ И ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки РФ

(грант ГОО - 1.6 - 429)

Соотношение языковых и неязыковых знаний, концептуальной и лексико-семантической информации представляет собой одну из самых сложных проблем современной лингвистики. Она затрагивает многие кардинальные вопросы взаимосвязи языка и мышления, теории языка, его структуры, организации, типологии языковых единиц и их значений. К их числу относятся проблемы определения концепта и значения языковой единицы, их соотношения, вопросы формирования значения и смысла с точки зрения системы языка и его функционирования, связь языковых значений с энциклопедическим знанием, а также методы и принципы исследования перечисленных и многих других проблем.

Концептуальная информация разного типа, как известно, выражается в языке с помощью слов, словосочетаний, предложений и текстов. Более того, концептуальная информация, которую кодирует язык, является наиболее существенной, и именно концепт определяет семантику языковых единиц, используемых для его выражения. Существует точка зрения, что значения языковых средств равны выражаемым в них концептам или концептуальным структурам (Р.Джэкендофф), и другая точка зрения, что значения в определенном отношении независимы от языка (А. Вежицкая). По существу, последнее утверждение мало чем отличается от первого, поскольку также позволяет отождествлять значения с концептами. Однако подобные толкования языкового значения представляются не совсем правомерными. Достаточно сказать, что в этом случае в семантической структуре значения каждого слова мы должны будем выделять индивидуальные компоненты значения, а это снимет существующее (признаваемое всеми, канонизированное) различие между значением и смыслом.

Концепты как элементы сознания вполне автономны от языка. Наше мышление невербально по своей природе, и это уже достаточно доказанный факт. Еще одним свидетельством в пользу этого может служить то, что люди часто владеют *словами* не на уровне их *значений*, а на уровне передаваемых ими смыслов, т. е. концептов и концептуальных признаков. Они используют их как готовые клише (по аналогии с грамматическими формами) в совершенно других, не соответствующих им контекстах, не задумываясь, какое значение закреплено за этим словом в сознании большинства людей, которое и служит адресату основой для понимания передаваемого смысла. Особенно это заметно на примере фразеологии – ср. некоторые высказывания известных политических деятелей: «*Я не рою землю среди депутатов*» или: «*Моя голова далека от мысли*». Следствием этого является неправильное словоупотребление и выражения, не имеющие смысла или передающие совершенно иной смысл, чем хотел говорящий. Все это свидетельствует об автономности языка и мышления и о том, что языковые значения не могут приравниваться к передаваемым концептам.

Очевидно, языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта, что подтверждается существованием многочисленных синонимов, разных дефиниций, определений и текстовых описаний одного и того же концепта. Значение слова – это лишь попытка дать общее представление о содержании выражаемого кон-

цепта, очертить известные его границы, представить его отдельные характеристики данным словом.

По определению Е. С. Кубряковой (1991), значением слова становится лишь концепт, «схваченный знаком». Поэтому соотношение между значениями и концептами имеет сложный характер. Например, все люди знают, что приятные события у человека вызывают чувство радости. Однако значения соответствующих слов: радость, торжество, ликование, отрада, праздник, светлое пятно, радостный, светлый, сияющий, радовать(ся), ликовать, торжествовать, веселиться, рад, на седьмом небе и т. д., – отражают лишь определенную часть содержания данного концепта. Другой пример – союзы, местоимения, частицы, у которых трудно обнаружить конкретное значение. В то же время всем абсолютно понятны концепты, которые за ними стоят: соединение, противопоставление, указание, замещение предмета или лица и т. д.

Наиболее перспективными представляются многоуровневые концепции значения, которые исходят из идеи последовательного разграничения концептуального и семантического (языкового) уровней репрезентации знаний (см. обзор этих концепций – Кубрякова и др. 1996: 91–93). Это значит, что когнитивный и семантический анализ требуют разного уровня абстракции.

Языковые значения передают лишь некоторую часть наших знаний о мире. Основная же доля этих знаний хранится в нашем сознании в виде различных мыслительных структур – концептов разной степени сложности и абстрактности, в содержание которых могут постоянно включаться новые характеристики. Эти характеристики, в свою очередь, будут требовать новых форм вербализации. При этом сами концепты в случае добавления принципиально новых характеристик и приобретения ими статуса самостоятельных концептов могут получать вторичную репрезентацию в языке (например, романы-продолжения, романы-пародии, сценические переложения известных произведений, формирование производных концептов на базе существующих: демократизация, денационализация, реинтерпретация, переориентация и т. п.).

В этом случае, естественно, возникает проблема определения степени зависимости языкового значения от познавательного опыта человека. Именно для разрешения этой проблемы и создавались многие теории и методы когнитивного и семантического моделирования языка. В рамках структурной лингвистики, вслед за Ф. де Соссюром, проводившим различие между так называемой внутрен-

ней и внешней лингвистикой, утвердилось мнение, что между языковыми знаниями (знаниями языковых значений, форм и категорий) и неязыковыми знаниями (энциклопедическими знаниями о мире) существует четкая граница. По мнению структуралистов, значение слова не зависит от того, что говорящий знает о положении дел в реальном или воображаемом мире: ментальный лексикон, или словарь (как система знаний о словах и их значениях), – это не энциклопедия.

Между тем многочисленные исследования последних лет показывают, что это далеко от истины. Значение слова энциклопедично по своей сути. Лексический концепт *car/автомобиль*, например, не может быть независимым от наших общих знаний об автомобилях – об их различных марках, об их статусе и функциях среди других транспортных средств, об их месте в жизни человека и связанных с ними различных ситуациях и т. д. Эти знания служат нам для мысленного представления себе типичного автомобиля и для определения тех объектов, которые можно назвать данным словом, а также для понимания таких высказываний, как: *С этим автомобилем одни проблемы*. Следует, однако, оговориться, что сказанное вовсе не означает, что все знания человека об автомобилях имеют равную значимость для характеристики данного концепта. У разных людей, естественно, могут быть несколько отличные представления об автомобилях, например: индивидуальные знания у автолюбителя или у автомеханика или у простого пешехода, никогда не управлявшего автомобилем.

В целом, необходимо констатировать, что для характеристики значения слова необходима определенная фоновая информация, которую можно рассматривать как структуру общепринятых и в определенной степени обобщенных знаний и которая входит в общую систему культурно значимого опыта носителей данной языка.

Из этого следует, что значения не существуют сами по себе – утверждение, с которым соглашается и когнитивная, и структурная лингвистика. И когнитивисты, и структуралисты считают, что значения контекстуально обусловлены. Однако эта контекстуальная обусловленность определения значения понимается ими по-разному. Для структуралистов – это внутриязыковой контекст, т. е. синтагматические и парадигматические отношения между языковыми знаками внутри языковой системы. Классический пример: слово *hand* (кисть руки) в английском языке или *Hand* и *main* (с тем же значением) в немецком и французском языках, объем зна-

чения которых определяется наличием других слов: *arm, Arm* и *bras* соответственно. В то время как в русском языке оба этих значения покрываются одним словом *рука*, поскольку в русском языке нет одного слова для выражения концепта «кисть руки», сравните: *на руках/в руках* в русском языке и *in the arms/in hands* в английском языке.

Это нашло отражение и в структуралистских теориях лексических полей, которые также рассматривались как определенный лингвистический контекст для понимания языковых значений. Эти теории основывались на предположении, что слова группируются в виде определенных семантических областей, имеющих специфические для каждого языка способы организации. Анализируемая семантическая область полностью покрывается данной сетью слов (терминов). Слова в лексическом поле как бы конкурируют между собой за семантическую территорию, и тем самым они находятся в парадигматической оппозиции друг к другу. Соответственно для понимания значения отдельного слова требуется осознание его позиции в этом поле и других, входящих в данное поле слов.

Для когнитивистов контекст, на фоне которого определяется языковое значение, является внешним по отношению к системе языка. Значения – это когнитивные структуры, включенные в модели знания и мнения. При этом вопрос о том, вербализованы ли эти структуры в языке отдельными словами или нет, в принципе не является существенным. Например, значение слова *пятерка* становится понятным только в контексте общих представлений о системе оценок знаний в отечественных учебных заведениях, т. е. на фоне концепта «оценка» (при этом не обязательно знать названия других оценок, чтобы понять, что *пятерка* – это высший балл). Иностранец, не знакомый с этой системой, не будет иметь основы для понимания этого слова (например, в Англии, в США и в других странах, как известно, существуют разные системы оценок). Для человека, не связанного с системой образования, это слово также может означать «денежная банкнота», «номер троллейбуса, автобуса или трамвая» и т. д. Слова *год, месяц, неделя, сутки, день, ночь* становятся понятными только в рамках концепта «время», слова *высокий, низкий, верх, низ, подниматься, опускаться, падать, вставать* – в рамках концепта «пространство», а слово *нос* – требует отсылки к концепту «лицо» (или «корабль») и т. д.

Из всего вышесказанного следует, что значения слов соотносятся с определенными когнитивными контекстами – когнитивными

структурами, или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание. Эти когнитивные контексты, или блоки знания, Р. Лэнекер называет «cognitive domains» (когнитивные области, сферы, или контексты), Ж. Фоконье и Дж. Лакофф – ментальными пространствами, а Ч. Филлмор назвал фреймами. Так, обсуждавшиеся выше концепты «оценка», «пространство», «время» и другие и есть те когнитивные контексты, или фреймы, обеспечивающие понимание соответствующих слов (*пятерка, месяц, подниматься* и т. д.).

Таким образом, структурная лингвистика в целом, и теория лексических полей в частности, занимаются преимущественно исследованием групп лексем ради них самих и интерпретацией лексико-семантических полей как собственно языковых феноменов. Между тем когнитивная лингвистика (и в этом их основное отличие) настаивает, прежде всего, на необходимости связывать значение слова с лежащей в его основе структурой знания. Тем самым она допускает возможность того, что говорящие могут знать значение слова, входящего в ту или иную лексическую группу, даже если они не знают никаких других слов из этой группы или лишь некоторые из них. Например, мы достаточно хорошо понимаем слова типа *отскакивать* или *boince* и при этом не ощущаем никакой необходимости в том, чтобы знать, каким другим словам они парадигматически противопоставлены.

Анализ проводимых исследований в рамках когнитивного подхода дает возможность говорить о том, что эти исследования приводят к новому осмыслению и пониманию многих традиционных проблем языкознания, таких как: природа и структура языка, проблема частей речи, соотношение семантики и синтаксиса, значения и смысла, вопросы полисемии и производности значений и многие другие. Все эти проблемы получают адекватное объяснение в рамках теорий когнитивных моделей, концептуализации и категоризации, прототипической и фреймовой семантики, т. е. в русле решения основных проблем когнитивной лингвистики.

Центральной идеей, объединяющей многие исследования, стали представления о том, что наши знания организуются с помощью определенных структур – когнитивных моделей – и что категориальные структуры и прототипы – это лишь следствие именно такой организации наших знаний (Lakoff 1990: 68). Эта идея находит свое отражение и в теории фреймовой семантики Ч. Филлмора, и в теории метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, и

в когнитивной грамматике Р. Лэнекера, и в теории ментальных пространств Ж. Фоконье, и в теории прототипов Э. Рош и др. Она лежит в основе объяснения общих процессов категоризации и того, что обеспечивает действие этих процессов: категоризация мира и языка осуществляется с помощью определенных когнитивных моделей, или схем.

Теория когнитивных моделей, по Ж. Фоконье (Fauconnier 1998) и Дж. Лакоффу (Лакофф 1988; Lakoff 1990), включает ментальные пространства и когнитивные модели, которые эти пространства структурируют. Под ментальным пространством при этом понимается определенная мыслительная область, область концептуализации, которая может охватывать наше понимание реальных ситуаций, прошлого и будущего, гипотетические ситуации и ситуации возможных миров, абстрактные категории. Ментальные пространства имеют чисто когнитивный статус и не существуют вне мышления. Они структурируются с помощью различных когнитивных моделей: образно-схематических (вместилище, часть – целое, вверх – вниз, источник – путь – цель и т. п.), пропозициональных (пропозиция, сценарий, или скрипт, пучок признаков, таксономия, радиальная категория), метафорических, метонимических, символических.

Можно выделить несколько направлений и методов исследования языковых значений с позиций когнитивной лингвистики, которые связаны с использованием общей теории когнитивных моделей, и, в частности, образно-схематических моделей, фреймовой теории, пропозициональных моделей, теории прототипов.

Образно-схематические модели для исследования значений языковых единиц используются в концепции когнитивной грамматики, разработанной Р. Лэнекером (Langacker 1987; 1991). Придерживаясь «энциклопедического» взгляда на семантику, Р. Лэнекер исходит из того, что языковое значение равно концептуализации, а семантические структуры («предикации» в его терминологии) – это концептуальные структуры, вызываемые в сознании языковыми формами. При этом концептуализация понимается достаточно широко – как новые знания и устоявшиеся концепты, чувственный, моторный и эмоциональный опыт, знание природного, социального и лингвистического контекстов и т. д. Значение языковой единицы, по мнению Р. Лэнекера, также включает, помимо концептуального содержания, определенную схему или конфигурацию, которая накладывается на это содержание. Каждая такая конфигурация представляет собой отдельное значение слова (Langacker 1991: 2–4, 35).

Теоретические допущения, на которых базируется когнитивная грамматика Р. Лэнекера, сводятся к следующим трем основным моментам.

Во-первых, предполагается, что часто используемая морфема или лексическая единица имеет множество взаимосвязанных смыслов. Эти смыслы образуют определенную сеть, в которой выделяются прототипические смыслы и смыслы, являющиеся расширениями или уточнениями прототипических смыслов или друг друга. Задача грамматики, считает Р. Лэнекер, состоит в том, чтобы воссоздать полностью эту сеть для каждой лексической единицы, описывая каждый смысл в отдельности и в его взаимосвязях с другими смыслами.

Во-вторых, когнитивная грамматика предполагает, что значение всегда характеризуется относительно определенной когнитивной области, т. е. структуры знания или концептуальной структуры. При этом граница между лингвистическим и экстралингвистическим знанием, или между словарным и энциклопедическим описанием значения, признается иллюзорной.

В-третьих, предполагается, что значение языкового выражения не сводится к объективной характеристике той сцены, которую оно описывает. Люди способны моделировать любую сцену с помощью имеющихся в их распоряжении образных схем таким образом, что определенная семантика не столько формируется под влиянием объективной ситуации, сколько навязывается ей. Важно подчеркнуть, что образ, или образная схема, понимается Р. Лэнекером не как чувственный образ, а как способность по-разному структурировать и толковать содержание одной и той же когнитивной области (там же: стр. 35), или, пользуясь компьютерной терминологией, способность по-разному форматировать когнитивное содержание.

В отличие от других типов грамматик, когнитивная грамматика Р. Лэнекера не постулирует наличия абстрактных глубинных структур или деривационных отношений между различными типами предложений. Последние рассматриваются как различные способы толкования репрезентируемых событий. Представляя грамматику как способ структурирования и символизации концептуального содержания с помощью образно-схематических моделей, концепция Р. Лэнекера смыкается в определенной степени с когнитивной семантикой по своим целям и когнитивным методам анализа, поскольку использует ту же идею когнитивного моделирования результатов познания как основы формирования языковых значений.

Среди многочисленных направлений и методов исследования языковых значений с позиций когнитивной лингвистики, связанных с общей идеей когнитивного моделирования, фреймовая семантика выделяется как многоуровневая теория значения, которая использует, в основном, пропозициональные модели структурирования знаний.

В качестве лингвистической концепции фреймовая семантика была впервые предложена Ч. Филлмором в середине 70-х годов и представлялась как дальнейшее развитие его теории падежной грамматики. Используя понятие фрейма, Ч. Филлмор определяет его как когнитивную структуру, знание которой предполагается (ассоциировано с) концептом, представленным тем или иным словом (Fillmore, Atkins 1992: 75).

В настоящее время фреймовая семантика – это метод исследования взаимодействия семантического пространства языка (языковых значений) и структур знания, мыслительного пространства. Она позволяет моделировать принципы структурирования и отражения определенной части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц, способы активации общих знаний, обеспечивающих понимание в процессе языковой коммуникации. При этом подчеркивается отсутствие четко очерченной границы между языковыми значениями и человеческим опытом, т.е. непрерывность перехода от языка к опыту. Фреймовые структуры могут служить основой лексической категоризации и субкатегоризации языковых единиц по тематическому принципу. Привлечение фреймовых структур помогает также объяснить способы формирования различных смыслов на функциональном уровне.

Передавая тот или иной концепт, лексическая единица активирует и соответствующий когнитивный контекст, или фрейм – модель быденного знания об основных концептах. При этом сложнейшей проблемой остается до сих пор определение той грани, за которой кончается языковое знание (знание языкового значения) и начинается общее, энциклопедическое знание, не связанное с языковым значением.

Не менее сложна проблема определения того, какие знания о мире имеют существенное значение для понимания текстов, а какие нет. Скорее всего, этой грани не существует вовсе. Важнее помнить то, что фрейм, или когнитивный контекст – это модели культурно-обусловленного, канонизированного знания, которое является общим, по крайней мере, для части говорящего сообщества.

Полное понимание некоторых слов становится возможным в результате привлечения нескольких когнитивных контекстов. Так, например, слово *воскресенье* – это и конец недели, и выходной день, и преддверие начала рабочей недели. При этом некоторые контексты могут играть более важную роль. Р. Лэнекер соответственно выделял основные и вторичные контексты. Например для слова *соль* первичным является понятие еды и лишь затем – химического соединения, а для слов *хлорид натрия* (та же соль) понятие еды является вторичным, а первичным – химическое соединение.

Еще более сложный пример приводит Дж. Лакофф со словом *мать*, которое одновременно характеризуется относительно нескольких когнитивных контекстов: генетический контекст – генетическая мать, контекст рождения – мать по рождению, контекст вскармливания и воспитания – кормилица или мать по воспитанию, генеалогический контекст – генеалогическая мать (ближайший предок по женской линии), брачный контекст – жена отца. В русскоязычной культуре сюда можно еще добавить возрастной контекст, когда при обращении матерью называют любую пожилую женщину (ср. также русское слово *тетя* или *дядя*), и контекст общенационального единства: *Родина-мать*. Если сравнить когнитивные аспекты значения слов *мать* и *отец*, то обнаружится, что эти два слова можно сравнивать только по трем контекстам: генетическому, генеалогическому и брачному. Два других контекста у слова *отец* будут иными: контекст материальной ответственности и контекст власти (авторитарный контекст или ответственности за дисциплинированность ребенка). С точки зрения структурной лингвистики (компонентного анализа), эти два слова отличаются лишь семами [мужской пол] и [женский пол].

Прототипическая семантика – направление и метод исследования языковых единиц и их значений, основанный на теории прототипов. Эта теория предполагает, что любая категория, в том числе и языковая, включает в себя неравнозначные элементы, среди которых обнаруживаются ядерные, или центральные элементы (прототипы), обладающие наибольшим числом типичных для данной категории характеристик, и менее типичные элементы. Принадлежность того или иного элемента к конкретной категории определяется его сходством с прототипом, т. е. наличием у него определенных прототипических характеристик. Для категории субъекта, например, это характеристики, определяющие его агентивность: активность, волевитивность, контроль по отношению к действию. На этом основании прототипическим субъектом считается название

объекта, способного самостоятельно (за счет использования собственной энергии) и с определенным намерением выполнять то или иное действие и способного контролировать свое намерение в достижении поставленного результата (прекратить выполнение действия на некоторой стадии или довести его до конца).

Соответственно в функциональном аспекте любое имя, обнаруживающее хотя бы одну из вышеперечисленных характеристик, может быть отнесено к категории субъекта, т. е. быть использовано в данной функции. Тем самым обеспечивается возможность изучения принципов и механизмов системной и функциональной категоризации языковых единиц, выявления и описания их семантики с точки зрения их общих свойств с прототипом той категории, членами которой они являются – их прототипической семантики. Это имеет особенно важное значение для лингвистических исследований, поскольку именно прототипическая семантика языковых единиц во многом определяет их использование в предложении-высказывании для передачи тех или иных функциональных смыслов. Она также позволяет получить более глубокое представление, с одной стороны, о структуре и содержании тех концептов, которые лежат в основе формирования соответствующих языковых категорий, о принципах организации этих категорий и языковых знаний в целом и, с другой стороны, о механизмах взаимодействия когнитивных и языковых структур в процессе формирования смысла высказывания.

Таким образом, чтобы проанализировать значение того или иного слова в когнитивном аспекте, необходимо установить когнитивный контекст, или область знания, которая лежит в основе значения данного слова, и определенным образом ее структурировать, показав, какие участки этой области и каким образом (посредством какой схемы) «схвачены» знаком, или какие прототипические характеристики легли в основу формирования данного значения.

1. Кубрякова Е. С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991.

2. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ им. М.В.Ломоносова, 1996.

3. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 12–51.

4. *Fauconnier G.* Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

5. *Fillmore Ch. J., Atkins B. T.* Toward a frame-based lexicon: The semantics of RISK and its neighbors // Frames, Fields, and Contrasts / *Lehrer A., Kittay E.*, eds. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Assoc., 1992.

6. *Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago – London: The University of Chicago Press, 1990.

7. *Langacker R.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987.

8. *Langacker R.* Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin – N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

А. А. Залевская

Тверской государственный университет

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТА

В последние годы термин «концепт» используется чрезвычайно широко. Однако нередко после включения слова «концепт» в название своей работы (статьи, доклада, диссертации) авторы далее либо прямо говорят о *понятиях* или *значениях*, либо это становится очевидным из предлагаемого ими анализа материала, из применяемых исследовательских процедур (например, сопоставления объема понятий, компонентного анализа, вычленения сем) и т.п. Представляется полезным разобраться, в чем состоит причина такого положения вещей, а также наметить возможные пути разграничения различных трактовок термина «концепт».

Прежде всего следует обратить внимание на общеизвестный факт: концепт, понятие и значение – это сущности, которые не поддаются прямому наблюдению. Поэтому, обсуждая любую из этих сущностей, важно помнить, что мы сопоставляем всего лишь наши гипотезы относительно того, чем, по нашему представлению, могут

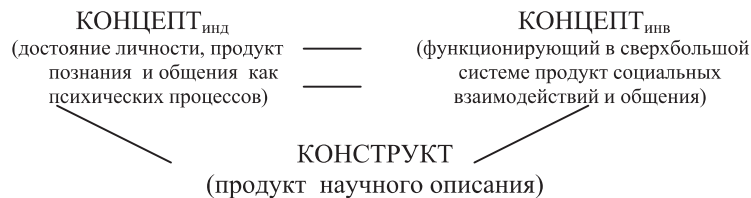
быть или не быть концепты, понятия, значения. Ни одно из предлагаемых суждений не может претендовать на роль истины в последней инстанции, хотя каждому разрешается надеяться, что он в определенной мере приблизился к пониманию сути рассматриваемого феномена. Как бы то ни было, мы смотрим на один и тот же объект с разных позиций, а это означает, что каждый из нас видит лишь часть картины, которую по меньшей мере неосторожно (а иногда и опасно) принимать за картину в целом.

Для того, чтобы уточнить, какую именно часть картины высвечивает психолингвистический подход, представляется полезным опереться на схему, впервые приведенную мною в книге [Залевская 1977], а далее повторенную в [Залевская 1990; 1999а; 1999б]. В развитие идей Л. В. Щербы эта схема разграничивает два пути переработки одного и того же исходного материала: во-первых, через процессы переработки и упорядочения речевого опыта индивидом у него формируется *система концептов и стратегий пользования ими*; во-вторых, через метаязыковую деятельность лингвиста, включающую анализ, систематизацию и описание языкового материала, выводится *система конструкторов и правил их комбинирования*. Получаемые в этих двух случаях продукты принципиально различны в том отношении, что одни из них представляют собой функциональные ориентиры и опоры, выработанные в процессе психической деятельности индивида, а другие обеспечивают описательную модель языка, построение которой происходит в соответствии с постулатами некоторой научной теории, а также с требованиями, предъявляемыми к исследованию такого рода.

Эту схему можно развить далее следующим образом. Разграничим концепт как достояние индивида (припишем ему индекс «инд») и концепт как инвариант, функционирующий в определенном социуме или шире – культуре (припишем ему индекс «инв»). Исследователь как носитель языка – индивид – опирается на КОНЦЕПТ_{инд}, тем самым он не может не отдавать себе отчета в том, что функционирующие в его сознании ментальные образования чем-то отличаются от понятий и значений. Они далеко не всегда поддаются вербальному описанию.

Это обуславливает потребность введения какого-то нового термина и отсюда – готовность принять ставший таким модным термин «концепт», который на самом деле является транслитерацией английского соответствия слову «понятие», что само по себе должно было бы настораживать (особенно в совокупности с фактом мно-

гозначности термина «concept»). При постановке задачи описания КОНЦЕПТА_{инв} далее выясняется, что лингвистические теории значения слова и используемые исследовательские процедуры ориентированы на дефиниции, которые даются словам в словарях, что опять-таки приводит к описанию значения слова или лежащего за ним понятия, поскольку практически многие дефиниции имеют вид определения понятия (к тому же – научного понятия, поскольку едва ли имеются «обиходные» или «наивные» понятия типа «КАПИТАЛ – стоимость, являющаяся у капиталистов средством получения прибавочной стоимости путём эксплуатации наёмного труда» или «СОСУЛЬКА – обледеневшая при стоке жидкость в виде заостренной палочки» [Ожегов 1970: 260; 741]). Добавление текстов в качестве исследовательского материала несколько расширяет поле обозрения, тем не менее сводит его к языковой картине мира, а точнее – к той части этой картины, которая находит отображение в рассмотренных словарях и текстах. Полученным результатом в таком случае оказывается КОНСТРУКТ, способный отобразить лишь часть того, что содержится в каждом из названных выше видов концептов:

Такая линия рассуждений приводит к следующим важным выводам.

Во-первых, смешение продуктов научного описания концептов, понятий и значений в лингвистических исследованиях объясняется тем, что делаются попытки с позиций одной и той же теории (на основе единого материала и с использованием одних и тех же исследовательских процедур) объяснить разноплановые явления, в том числе – через опосредованный логико-рациональными рассуждениями анализ языковых фактов реконструировать то, что выходит далеко за «рамки» допускаемого этой теорией. Чтобы такого смешения не происходило, следует признать не только то, что концепт является достоянием индивида как личности, но и то, что исследование КОНЦЕПТА_{инд} должно предприниматься с пози-

ций комплексного подхода, способного интегрировать результаты изысканий во многих областях гуманитарного знания. В противном случае желаемое принимается за действительное, лишь получая новое название, но тем не менее оставаясь в прежнем логико-рационалистическом прокрустовом ложе.

Во-вторых, при психолингвистическом подходе, с опорой на свидетельства специалистов относительно того, что может лежать за словом у носителя языка как одной из многих психических функций (процессов) при постоянном взаимодействии «души» и «тела» (см. подробно [Залевская 2001а; 2001б]), можно определить КОНЦЕПТ_{инд} как спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории.

К числу специфических особенностей КОНЦЕПТА_{инд} относятся, например, следующие. Как отмечает нейролог А. Дамасио [Damasio 1989; 1995; 1999], концепт по своей природе является невербальным образованием, базу для него составляет набор одновременно реконструируемых сенсорных и моторных репрезентаций. Возможности вербального описания концепта реализуются только на второй ступени его актуализации через приложение волевых усилий и с акцентированием внимания на каких-то его аспектах. При формировании и функционировании концептов особую роль играет связь между сознанием человека и его телом, а также эмоции – как первичные, проявляющиеся через действие «соматических маркеров», так и вторичные – продукт воспитания в социуме.

Антрополог К. Харди [Hardy 1998] обращает особое внимание на то, что концепты, с одной стороны, увязаны в единую глобальную сеть, а с другой – каждый из них сам представляет собой констелляцию элементов и процессов всех возможных видов: сенсорных, аффективных, ментальных (поэтому любое самое абстрактное понятие увязано со своими чувственными корнями). При структуре типа «сеть – в – сети» каждая констелляция и сеть в целом функционируют по принципу самоорганизующейся системы, для которой важны особенности взаимовлияния составляющих, а также роль контекста: внутреннего (от активирован-

ной констелляции до глобальной сети в целом) и внешнего (от наличного объекта или ситуации до образа мира).

Однако то, что в наши дни говорят А. Дамазио, К. Харди и другие авторы, более 100 лет тому назад уже было сказано отечественным физиологом И. М. Сеченовым. В опубликованной в 1878 г. статье «Элементы мысли» И. М. Сеченов подробно прослеживает путь от первых чувственных впечатлений, из которых формируются «чувственные конкреты» и «чувственные группы» (включающие не только звуковые, слуховые, вкусовые и прочие чувственные образы, но и слово), через постепенное отделение слова, становящегося знаком всей совокупности чувственных переживаний, к формированию «мысленных абстрактов» как продуктов длинной цепи превращений – настолько длинной, что «очень часто теряется всякая видимая связь между мыслью и ее чувственным первообразом» [Сеченов 1953: 225].

На то, что за словом всегда стоит многомерная система связей (звуковых, ситуационных, понятийных), которые изменяются в зависимости от ряда факторов, неоднократно указывал А. Р. Лурия, исследовавший слово с позиций нейролингвистики (см. [Лурия 1975; 1979]). Более того, он прямо говорил: то, что лежит за словом у индивида, нельзя рассматривать ни как последовательно развернутую линейную цепочку, ни даже как иерархически построенное дерево. Это, скорее, многомерная симультанная структура, мало похожая на словарные обозначения. В числе оснований для связей между единицами такой *симультанной структуры* А. Р. Лурия называет разные виды признаков, включающих слово в *сеть многомерных смыслов*, в том числе семантические (определяющие отнесенность к некоторой категории, участие в определенной ситуации и т.д.), фонетические, грамматические (содержательные и формально-грамматические) признаки. Таким образом, в отличие от других ранее названных авторов А. Р. Лурия учитывает и особенность слова как единицы языка, включенной в определенные системные связи.

В книге [Залевская 1977] идеи И. М. Сеченова подробно рассмотрены с современных позиций в их связи с результатами А. Р. Лурия, Л. С. Выготского и других отечественных авторов. Там же была предложена концепция слова как *средства доступа к единой информационно-базе человека* – его памяти, где хранятся *совокупные продукты переработки перцептивного, когнитивного и аф-*

фективного опыта взаимодействия человека с окружающим его миром.

Обратим внимание на то, что к перцептивной и когнитивной переработке по И. М. Сеченову (который, естественно, не пользовался этими терминами) с опорой на труды Л. С. Выготского в названной работе был добавлен учет аффективного опыта, поскольку человек всегда воспринимает и перерабатывает опыт при наличии определенного эмоционально-оценочного отношения к этому опыту. Были учтены и факторы языка и культуры через постановку задачи выявления универсальных принципов организации внутреннего лексикона человека и идиоэтнических особенностей их реализации.

Трактовка лексикона человека как динамической функциональной самоорганизующейся системы сочеталась с учетом множественности и разнообразия принципов организации лексикона: указывалось, что основаниями для связи между его единицами как продуктами переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта индивида могут служить признаки и признаки признаков как по любому из направлений такой переработки, так и по их комбинациям; при этом было обращено внимание на взаимодействие языковых и энциклопедических знаний.

Идея многоярусности внутреннего лексикона человека при наличии внутриярусных и межъярусных связей по множеству параметров была далее развита в спиралевидной модели идентификации слова и понимания текста [Залевская 1988; 1999а; 1999б], демонстрирующей выход через слово во все более «глубокие» слои внутреннего перцептивно-когнитивно-аффективного контекста, вне которого успешное функционирование слова как достояния индивида попросту невозможно. Должен учитываться и внешний контекст – от непосредственного языкового контекста до образа мира. Заметим, что все сказанное в этом абзаце с самого начала мыслилось как относящееся к *живому слову*, хотя сам этот термин был воспринят мною по рекомендации И. Л. Медведевой из работ В. П. Зинченко [1997; 1998].

Представляется, что слово как достояние индивида удачно описывается моделью психосемиотического тетраэдра, разработанной патопсихологом Ф. Е. Василюком [Василюк 1993]. Развивая далее идеи А. Н. Леонтьева о трех «образующих» сознания – личном смысле, значении и чувственной ткани, Ф. Е. Василюк трактует чувственную ткань как многомерную субстанцию – живую,

дышащую, текучую плазму, которая движется в пространстве образов сознания. Это пространство задается силовыми полями его узлов, или полюсов, которые представляют внешний мир (предметное содержание), внутренний мир (личностный смысл), культуру (значение) и язык (слово).

Вместе с чувственной тканью образ сознания имеет, таким образом, пять измерений, однако чувственная ткань не стоит в одном ряду с другими измерениями, а заполняет весь объем образа сознания, как бы уплотняясь вблизи каждого из полюсов, приобретая характерные для того или иного измерения черты. Следует согласиться с И. Л. Медведевой [1999], что более точно в таком случае вслед за В. П. Зинченко [1997] говорить о *слиянии чувственной и биодинамической* ткани, поскольку тем самым подчеркивается роль действия в формировании живого знания как достоинства человека. Добавим, что на уникальную роль тактильно-кинестетической модальности в формировании образа указывает также Л. М. Веккер [Веккер 1998], успешно разрабатывающий единую теорию психических процессов. В то же время после раздумий можно прийти к выводу, что модель психосемиотического тетраэдра может быть доработана за счет увеличения количества «полюсов» (тогда она перестанет быть тетраэдром!), но при обязательном сохранении идеи целостности образа сознания и возможности фокусирования внимания на какой-то из его ипостасей.

Обратим особое внимание на предлагаемую Ф. Е. Василюком трактовку чувственной ткани как особой внутренней «составляющей» образа в качестве *представителя человеческого тела в образе сознания*. Будучи «восчувствованным изнутри», «мир тела оказывается тем пространством, в живых стихиях которого происходит интерференция и интегрирование внешнего предметного мира, мира языка, мира культуры и внутреннего мира человека» [Василюк 1993: 19]. Это чрезвычайно важный вывод, требующий, чтобы исследователи языка как достоинства индивида возвратились к признанию обязательного (для *живого* человека) сочетания «души» и «тела», что было хорошо известно Гиппократу, но оказалось забытым во времена господства логико-рационалистических идей.

При рассмотрении психосемиотического тетраэдра Ф. Е. Василюка, в принципе согласующегося с идеями целостного подхода к живому человеку, необходимо подчеркнуть относительность, условность разграничения разных «полюсов» образа сознания: они могут вычлениваться и подвергаться детальному анализу с позиций

теоретика-исследователя, однако для индивида функционируют как взаимодействующие ипостаси одного и того же целого.

Обратим также внимание на принципы, лежащие в основе системности динамической самоорганизующейся системы концептов у индивида vs выводимых из научного анализа продуктов функционирования этой системы – конструктов. Для первой из них характерно исключительное многообразие оснований для связи, проистекающее из постоянного взаимодействия перцептивно-когнитивно-аффективных процессов, их промежуточных и конечных продуктов. Во втором случае имеет место редукция к логико-рационалистическим основаниям, что делает недопустимым отождествление соответствующих сущностей.

Думается, что одной из причин названной выше редукции является широко распространенное стремление выводить описание концептов из анализа языковой картины мира, которую нельзя отождествлять с образом мира у пользующегося языком человека. Образ мира как достояние индивида симультанен, голографичен и многолик, он является продуктом переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, функционирует на разных уровнях осознаваемости при обязательном сочетании «знания» и «переживания» и лишь в неполной мере поддается вербальному описанию. Языковая картина мира много беднее образа мира и отображает лишь его часть.

Анализ языковой картины мира, нередко отождествляемой с лексико-семантической системой языка, обычно реализуется через расчленение, препарирование, классифицирование, упорядочение в таксономию того, что извлекается из материи языка, причем языка, абстрагированного от его носителей (независимо от того, насколько настойчиво декларируется необходимость антропоцентрического подхода в современных исследованиях).

Для строгости использования научной терминологии термин «концепт» вообще не следовало бы применять в подобной ситуации, закрепив его за случаями, когда речь идет о концепте как достоянии индивида. Поскольку уже широко распространена практика описания разного рода «лексических концептов», «культурных концептов» и т. п., необходимо хотя бы признать многозначность обсуждаемого термина и важность учета ограниченности применения результатов соответствующих исследований рамками избранного теоретического подхода.

1. Васильюк Ф. Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.
2. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 1998.
3. Залевская А. А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977.
4. Залевская А. А. Понимание текста: психолингвистический подход. Калинин, 1988.
5. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
6. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999а.
7. Залевская А. А. Психолингвистический поход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания. 1999б. № 6. С. 31–42.
8. Залевская А. А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 2001. С. 5–18.
9. Залевская А. А. Самоорганизующиеся сети связей в индивидуальном лексиконе // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 2001. С. 41–51.
10. Зинченко В. П. Посох Манделъштама и трубка Мамардашвили: К началам органической психологии. М., 1997.
11. Зинченко В. П. Психологическая педагогика: Материалы к курсу лекций. Ч. 1. Живое знание. Самара, 1998.
12. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.
13. Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.
14. Медведева И. Л. Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1999.
15. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1970.
16. Сеченов И. М. Элементы мысли // Сеченов И. М. Избранные произведения. М., 1953. С. 224–233.
17. Damasio A. Concepts in the brain // Mind and Language. 1989. Vol. 4. №1-2. Pp. 24–28.
18. Damasio A. Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain. New York: Avon Books, 1995.
19. Damasio A. The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness. New York etc.: Harcourt Brace & Co, 1999.
20. Hardy C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter. Westport, Connecticut; London: Praeger, 1998.

В. Б. Кашкин

Воронежский технический университет

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ

Основное внимание исследователей в области когнитивной лингвистики обычно привлекают концепты, выражающиеся в лексических единицах и их сочетаниях. В то же время, нельзя отрицать, что в сфере грамматики также наблюдаются глобальные «кластеры смыслов», тем или иным образом проявляющиеся в различных языках. Подобно концептам, связанным преимущественно с лексикой, грамматические концепты имеют как универсальный, так и национально-специфический, «идиоэтнический» (С. Д. Кацнельсон) компонент.

Многие концепты и концептуальные сферы (времени и темпоральности, количественности, вещественности, пространства и др.) реализуются как через лексические, так и через грамматические единицы и категории. Рассмотрение языковой базы концепта как поля, т. е. единства разноуровневых средств превращает границу между лексикой и грамматикой в континуальную градацию перехода от одной сферы к другой (сходные идеи высказывали в свое время В. М. Жирмунский, Э. Косериу, П. Гиро, А. В. Бондарко и др.). Функционально-семантическое поле, как известно, понимается как система разноуровневых единиц, базирующихся на определенной семантической категории (Бондарко, 1987, с. 11–14), иначе говоря, концепте. Диахроническая перспектива показывает движение сочетаний лексических единиц в сферу грамматики, например, в процессе грамматики аналитических конструкций и форм.

Как известно, концептом принято называть «глобальную мыслительную единицу», «квант структурированного знания» (Попова, Стернин, 1999, с. 3–4). Человек мыслит концептами, они представляют собой квинтэссенцию индивидуальных речемыслительных актов. В концептах концентрируется и кристаллизуется языковой и когнитивный опыт человека. Концепты сходны у всех пользователей одного языка и в своей совокупности формируют концептосферу.

Общность предметно-чувственного и ментального опыта человечества приводит к формированию грамматических концептов, общих для разных языков, *универсальных грамматических кон-*

цептов. Говоря метафорически, универсальные, равно как и идио-этнические концепты можно сравнить с меандрами – траекторией движения и следами, например, капля дождя на оконном стекле. Каждая капля обладает своей индивидуальностью, каждая выбирает свой путь ‘высказывания’, но в то же время, все они, почти без исключения, повторяют путь предшественников.

Языковая деятельность человека сложнее траектории движения капли. Различные языки по-разному ‘разрезают пирог’ действительности, с которой сталкиваются в практической жизни, в когнитивном опыте. В рамках одного ‘меандра’, концепта, универсального грамматического интеграла наблюдается достаточно широкое, хотя и структурированное, разнообразие. Если сам универсальный грамматический концепт мотивирован прагматикой коммуникации (Бехерт, 1982, с. 422), то способы его конкретно-языковой реализации специфичны и разнообразны. Однако и в этом разнообразии наблюдаются повторяющиеся типы сочетаний формы и функции.

Сопоставление конкретноязыковых баз универсальных грамматических концептов сталкивается с трудностью выбора единицы анализа. Грамматическая система языка организуется оппозициями грамматических форм, поэтому возникает соблазн сопоставлять формы. Но еще Анри Делакруа писал, что грамматическая форма гипнотизирует лингвиста, последний же, под влиянием ‘лингвистического реализма’, полагает, что одна форма выражает всегда одну и ту же форму мысли, без учета изменений в языке и разности языков (Delacroix, 1930, с. 138-140).

Одной из важнейших черт языка является как раз диспаритет, отсутствие изоморфизма между формой и функцией. Диспаритет между формой и функцией, принцип асимметричного дуализма (С. Карцевский) прослеживается и в межъязыковых контрастах, проявляясь через *асимметрию членения смыслового континуума и формального репертуара* языков.

Форма как единица сопоставления не выдерживает столкновения с языковой реальностью. Во-первых, возможны случаи сопоставления языков, когда в одном из них имеется соответствующая форма, а в другом (других) данное грамматическое отношение не формализовано. Что с чем тогда сопоставлять? Во-вторых, весьма часто сопоставление подобных друг другу форм даже близкородственных языков выявляет у них различные функциональные потенциалы. Так, английский презентный перфект не допускает сво-

его употребления в контексте адвербиального детерминанта прошедшего периода (дистантная функция), в то время как немецкий перфект более мягок в этом ограничении:

*I have told you last year... – I told you last year...

Ich habe Ihnen letztes Jahr erzählt... (Я сказал/говорил Вам в прошлом году)¹.

В то же время, так называемая инклюзивная функция, возможная в английском, не присуща немецкому перфекту:

You have known for a long time... (= Сами давно знаете...)

*Sie haben längst gewußt... _ Sie wissen ja selber längst...

Венгерский – и в еще большей степени болгарский – неопределенный артикль (точнее, неопределенно-артиклевая форма имени) уступают место нулевому в ситуациях экзистенциальной классификации:

венг. *tukfityk vagy*; болг. *ти си просто глупчо* (= ты просто оболтус), ср.

англ. *you're simply a dummy*; франц. *tu es un vrai nigaud*; исп. *eres un solemne estúpido*; итал. *tu non sei altro che un balordo...*

В то же время в ситуации интродукции, прототипической для неопределенной формы имени, и венгерский, и болгарский, как правило, ‘солидарны’ с сильноартиклевыми языками:

венг. *van itt egy szegény, de tisztességes ember*; болг. *има тук един беден, но почтен човек*;

ср. англ. *there is a captain*; нем. *hier in der Stadt lebt ein armer, doch redlicher Mann*; франц. *il y a dans notre ville un homme pauvre, mais respectable*; исп. *Hay aquí un hombre pobre, pero honrado*; итал. *c'è qui un uomo povero, ma molto rispettabile...* (= есть здесь бедный, но почтенный человек, отставной капитан).

Возможны даже такие параллели, когда аналогичная форма в одном языке вырабатывает функции, свойственные форме, находящейся в оппозиции к данной (или подобной) в другом языке. Так, функциональный потенциал французского перфекта практически полностью включает в себя претеритальные функции, выражающиеся, например, в английском, формой простого прошедшего. Противопоставление перфект vs. претерит – на формальном уровне – становится нерелевантным для французского языка.

¹ Основным материалом, на который опирается автор, служат параллельные переводы русской художественной литературы на ряд языков, а также непереводаемые художественные тексты (Кашкин, 1991; 2001).

Тот же Делакура отмечает и диалектичность формы, даже ее парадоксальность. С одной стороны, и общие, универсальные грамматические категории, и специфически-языковые проявляются *только через формы*. Даже если выбирается ономазиологический подход (от значения – к форме), требуется некая материальная ‘зацепка’, границы отбора сопоставляемого материала. С другой же, формы *относительны* по языкам и по историческим периодам. Кроме того, единая форма употребляется в разнообразных функциях. Функция переполняет (*duborde*) форму, а интенция переполняет категорию. То есть, фактически, мы всегда хотим сказать больше, чем на самом деле говорим.

Как видим, прямое сравнение форм (как, вероятно, и отдельных лексем) различных языков невозможно вследствие их принципиальной несопоставимости. Оппозитивные модели в сопоставительных исследованиях также не работают (или работают не в полную силу). Более приемлем, вероятно, не атомистический (форма) и не оппозитивный, а континуальный подход, позволяющий сохранить общее содержание при разнообразии средств выражения.

Выход подсказывает повседневная практика деятельности в ситуации языковых контрастов, в частности, практика перевода. Так, несмотря на формальный и функциональный диспаритет, перфектное значение не исчезает при переводе на язык, в котором нет формы перфекта (например, на русский). Это значение передается неграмматизованными средствами: контекстом и типом глагольной лексемы:

англ. *I have written him five letters* (= я уже написал ему пять писем).

Не исчезает и значение артиклевых форм, в русском передаваясь через так называемый супрасегментный или ‘окультурный’ (термин Г. Гийома) артикль. Имеется в виду порядок слов, фразовые ударения и элементы контекста:

англ. *A girl entered the room* (= В комнату вошла девочка).

Наиболее удивительно то, что соответствующие грамматические ситуации распознаются при переводе с русского оригинала на артиклевые и перфектные языки:

У меня к вам просьба,

англ. *I have a request to make of you*; нем. *Ich habe eine Bitte an Sie*; франц. *J'ai une prière a vous adresser*; исп. *Tengo que pedirle un favor*; итал. *No un favore a chiedervi*; венг. *Egy kűrűsem lenne unhuiz*; болг. *Дошъл съм при вас с една молба*.

Можно, перефразируя Булгакова, сказать: *значения не горят*; это можно считать законом сохранения для лингвистики. То, что подсказывает практика перевода, свидетельствует в пользу того, что переводчик (в данном случае мы рассматриваем его как ‘наивного пользователя’, ‘первичного лингвиста’) производит первичный лингвистический контрастивный анализ, перераспределяя фрагменты перфектного значения или значения неопределенности, либо, наоборот, собирая их в единое целое.

Оппозитивная и континуальная теории являются взаимодополнительными способами описания языковой действительности, и говорить о преимуществе той или другой возможно только в контексте конкретного материала и конкретных задач исследования. В ситуации языковых контрастов противопоставлять можно только сами языки, сами с другой – углубиться в семантику формы, выйдя на уровень системы и – очень условно – отдельные грамматические средства. Описание сходств и различий языков на основе континуально-дискретного принципа включает различные (и разноразличные) средства в континуальную модель как варианты способов дискретизации смыслового континуума (Kashkin 1998b).

Можно выделить две разновидности континуальных моделей (Abondolo 1988: 88-89): линейную или скалярную модель (например градуальная модель В. Я. Шабеса), с одной стороны, и двумерную или многомерную концентрическую модель (модель центр/периферия Пражской школы, ФСП А. В. Бондарко, *Dimensions* Х. Зайлера и т.д.), с другой стороны.

Если линейная, скалярная модель более удобна для конкретно-языковых пар или троек билатеральных единиц (*артикль vs. нулевой артикль*; *нулевой / неопределенный / определенный артикль*) и для универсальных минимальных функций (*контактность vs. неконтактность*; *нечеткость / вычленимость / определенность* и т.п.), то концентрическая модель континуума более подходит для конкретно-языковых множеств билатеральных единиц (функционально-семантическое поле или микрополе) и универсальных грамматических зон или потенциалов (грамматических континуумов).

На рис. 1 приведена концентрическая модель функционального потенциала презентного перфекта, а на рис. 2 – градуальная модель функционального потенциала неопределенно-артиклевой формы с привязкой к конкретно-языковым реализациям. Более подробно каждый из функциональных типов рассмотрен в (Кашкин, 1991, 2001).

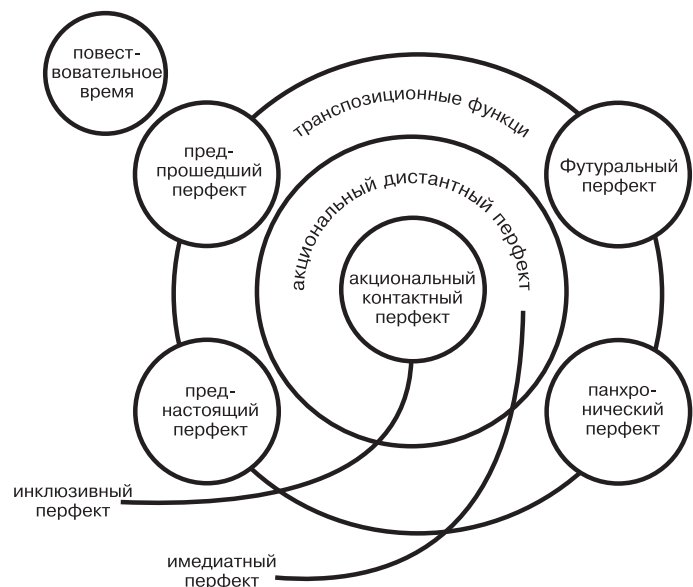

Рис. 1. Функционально-семантический потенциал презентного перфекта

Рис. 2. Конкретно-языковая реализация универсального функционально-семантического потенциала неопределенного артикля

Если иметь в виду только явную грамматику, то соотношение универсальной модели и ее конкретно-языковых воплощений может быть названо соотношением *вычитательной генерации*: какая-то часть универсальных смыслов получает нулевую реализацию. С точки же зрения 'полной грамматики' (включающей как явный, так и скрытый пласты), все элементарные смыслы универсального грамматического интеграла получают выражение в любом языке в рамках грамматико-контекстуального комплекса. Разные языки, таким образом, дополняют друг друга в рамках универсального общечеловеческого языка. Отдельные же формы конкретных языков, а также явная и скрытая грамматика внутри одного языка, находятся в отношении взаимной дополнительности на фоне универсальных грамматических концептов.

Грамматические интегралы как целое и типы контекстуальных комплексов вряд ли являются хаотическими наборами случайно встретившихся смыслов. Тот факт, что в разных языках наблюдаются определенные повторения таких сочетаний, таких комплексов атомарных смыслов, и сам факт взаимопереводимости, наводит на мысль о том, что грамматические интегралы и функциональные типы играют роль *аттракторов* в якобы хаотическом процессе языковой (грамматической) деятельности человека, примером «сотрудничества случайности и определенности», по выражению Ильи Пригожина (Николис; Пригожин, 1990, с. 19).

1. Бехерт И. Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982. С. 411–431.
2. Бондарко А. В. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис // Теория функциональной грамматики. Л., 1987. С. 5–195.
3. Категория определенности/неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
4. Кашкин В. Б. Функциональная типология перфекта. Воронеж, 1991.
5. Кашкин В. Б. Функциональная типология (неопределенный артикл). Воронеж, 2001 (в печати).
6. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного: Введение. М., 1990.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие 'концепт' в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999.
8. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М., 1981.
9. Шабес В. Я. Событие и текст. М., 1989.

10. *Abondolo D. M.* Hungarian Inflectional Morphology. Budapest, 1988.
11. *Delacroix H.* Le langage et la pensee. Paris, 1930 (1924).
12. *Kashkin V. B.* Choice Factors in Translation//Target 10:1. Amsterdam; Philadelphia, 1998. С. 95-111.
13. *Kashkin V. B.* Universal Semantic Continua and Functional Grammatical Integrals. 1998. <http://cogprints.soton.ac.uk/abs/ling/199807005>.
14. *Seiler H.* Linguistic Continua, Their Properties, and Their Interpretation// Language Invariants and Mental Operations. Tubingen, 1985. С. 4-10.
15. *Seiler H.* Language Universals and Typology in the UNTYP Framework// akup. April, 1990. Nr. 82.
16. *Seiler H.* The Dimensional Model of Language Universals// CILT 49. New Vistas in Grammar: Invariance and Variation. Amsterdam; Philadelphia, 1991. С. 437-442.
17. *Travaux du Cercle Linguistique de Prague.* Prague, 1966.

А. П. Бабушкин

Воронежский государственный университет

КОНЦЕПТЫ РАЗНЫХ ТИПОВ В ЛЕКSIКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ И МЕТОДИКА ИХ ВЫЯВЛЕНИЯ

К концу XX столетия лингвистика, наряду с другими науками обратившаяся к изучению инфраструктуры человеческого разума, уподобляемого информационной системе, приобретает новый образ, обусловленный ее когнитивной направленностью.

Информация поступает к человеку по разным каналам; знания аккумулируются в голове человека в виде определенных структур. Хотя каждая когнитивная дисциплина имеет свой собственный объект исследования, именно через язык можно получить доступ к наиболее объективному анализу этих структур.

Проблема осмысления языковых единиц как структур представления знаний является актуальной, так как по совокупности концептов (концептосфере) можно судить о ментальной модели действительности, отражаемой в языке вообще и в языковом сознании конкретных носителей языка, в частности.

Традиционно проблема ступеней и форм познания мира сводится к существованию иерархической лестницы, ведущей от чувственного к рациональному (ощущения – восприятия – представ-

ления – понятия), при этом понятия рассматриваются как высшая, итоговая ступень познания.

Когнитивный подход доказал, что оперирование понятиями в их «классическом варианте» не отвечает нуждам современных исследований. Именно термин «концепт» получил сегодня широкое распространение. По Е.С. Кубряковой, понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание всей человеческой деятельности и процессов познания действительности в виде неких «квантов» знания [1, с.90].

Мы понимаем концепт как дискретную единицу коллективного сознания, которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде.

Семантическая структура слова рассматривается в виде двупланового образования: материального (лексемы) и идеального (семемы). Семема, в свою очередь, содержит элементарные единицы смысла – семы, то есть имеет свою структуру. Через анализ семем мы получаем доступ к сфере идеального в языке и выявляем, объективируем концепты.

Нами предложена методика обнаружения концептов, строящаяся на лингвистическом подходе к их описанию. Эта методика заключается в определении типа концепта на основе анализа словарной дефиниции лексемы. Ю. Н. Караулов пишет: «Инверсия отношений именованного, при которой мысль двигалась бы от слова (означающего) к его значению (сигнификату), создает отношения интерпретативного типа, которые очень близки к отношению тождества. Сообщая о том, что значит слово, мы не только соединяем звук со смыслом, но как бы приравниваем значение слова к его толкованию при помощи других слов» [2, с. 278].

Если левую и правую части словарной статьи одноязычного толкового словаря обозначить как объясняемое и объясняющее, говорил по этому же поводу В.Г. Гак, то правая часть (объясняющее) должна в идеале содержать тот же набор сем, что и объясняемое [3, с.463]. Аналогичной точки зрения придерживался П. А. Флоренский, который считал, что термин по общему свойству языка должен быть соотнесен с некоторым синтетическим предложением, его заменяющим и в нем свитым [4, с.566].

Таким образом, учитывая инверсию отношений именованного – способность слова имплицировать его определение – можно утверждать, что идеальная сущность концепта «улавливается» словом

и дублируется в его определении. Определение «свернуто» в знаке и мыслится за ним в виде совокупности сем, формирующих семему. В самом слове и в его вербальной дефиниции фиксируются результаты когнитивных усилий человеческого разума.

По характеру сем, эксплицируемых в словарном определении, можно судить о различиях в концептах, стоящих за конкретными языковыми единицами. Концепты не являются однородными сущностями, так как реалии, которые они отражают, не одинаковы по своей природе. В предлагаемую нами типологию концептов включаются: мыслительные картинки, схемы, фреймы, сценарии, калейдоскопические и логически-конструируемые концепты.

Термины «схема», «фрейм» и «сценарий» широко употребляются в когнитивной психологии. Тем не менее, когнитологи, по-разному осмысливая значения этих номинаций, чаще всего представляют схемы, фреймы и сценарии как психологически выделяемые сущности, конструктивные элементы памяти, модели, применяемые при обработке материала на ЭВМ, но не связывают их с семемным составом языковых единиц. Именно в последнем смысле эти термины используются в нашем исследовании.

Образные семы регистрируют мыслительную картинку: *Павиан* – крупная обезьяна с удлинённой мордой и ярко окрашенными седлицными мозолями (БАС); *Ромашка* – название ряда травянистых растений семейства сложноцветных, состоящих из срединных трубчатых желтых и краевых лепестковидных белых цветов (Словарь Бархударова, Евгеньевой).

Пространственные семы объективируют схему: *Дорога* – полоса земли, накатанное или нарочно подготовленное различным образом протяженье для езды, для проезда или прохода путь, стезя, направление и расстояние от места до места (словарь Даля).

Близость к «картинке» объясняется тем, что один носитель языка может ассоциировать лексему «дорога» с проселочной дорогой к дому, где знаком каждый бугорок и выбоинка, другой «мысленным взором» видит широкую автостраду, ведущую к аэропорту, но общая схема «протяженье», прекрасно уловленная В. И. Далем, будет включаться в состав семемы этого слова.

Некоторые гиперонимы, сохраняющие рудименты образности, также подводятся под рубрику схем (обувь – туфли, ботинки, сапоги, все то, что «повторяет» форму ноги).

Архисема, оформленная рядом лексико-семантических групп, актуализирует фрейм. Концепт – фрейм имплицитно фиксирует ситуацию; его можно сопоставить с «кадром», в рамки которого попадает все, что типично и существенно для данной совокупности обстоятельств. Примером фрейма может выступать слово «больница» – медицинское учреждение, в которое помещают больных для лечения (БАС).

Лексикографическая «сущность» фрейма компенсируется нашим знанием, «объемным» видением места, именуемого «больницей». Мы знаем, *чем* «больница» отличается, скажем, от «поликлиники». Мы ожидаем, что в больнице имеется приемный покой, палаты с кроватями для больных, есть врачи и медсестры. Вся эта информация включается в план содержания лексемы «больница».

Семы развития, движения, динамики репрезентируют сценарий: *Драка* – ссора, сопровождаемая взаимными побоями (Словарь Ожегова).

Сценарий состоит из нескольких этапов – в нем есть завязка, кульминация сюжета и развязка. Сценарий построен на дифференциации ролевых функций его участников.

В качестве субстрата перечисленных выше концептов выступают чувственные данные человеческого опыта.

Отдельно следует оговорить существование логически-конструируемых концептов, абсолютно лишенных образного начала: *Фрукт* – сочный съедобный плод какого-нибудь дерева (Словарь Ожегова). Смысл таких концептов равен их словарному толкованию. В этом плане логически-конструируемые концепты представляют лишь один тип концептов в рамках их общей системы.

Чем дальше номинация (словарная дефиниция) отстоит от чувственных данных, тем ближе когнитивная модель к логически-конструируемым концептам.

Концепты, стоящие за фразеосочетаниями, не отличаются от концептов, объективируемых словом, так как фразеосочетания с их тенденцией формирования единого понятия (концепта) реализуются в виде тех же когнитивных структур, что и лексемы. Следовательно, фразеологические (по способу их вербализации) концепты можно также дифференцировать как мыслительные картинку, схемы, фреймы и сценарии. Например, «сиамские близнецы» (по имени родившихся в Сиаме близнецов, сросшихся в области грудины) – о людях, связанных неразрывной дружбой, везде неразлучных – мыслительная картинка; «мамаево побоище» – полнейший беспорядок.

док, разгром, опустошение где-либо – фрейм; «коломенская верста» – о человеке очень высокого роста – схема; «вертеться как белка в колесе» – быть в постоянных заботах, хлопотах – сценарий.

Между концептами разных типов не существует резко очерченных границ. Они обладают относительной подвижностью, способны «стираться» со временем и формироваться заново. За свободным словосочетанием – «синтаксической объективизацией» – не стоит концепт, и, по мере необходимости, наше сознание работает над «лексической объективизацией» некоторой идеи, хотя порой на это уходят долгие годы. Свободные словосочетания служат строительным материалом для создания концептов-картинок, схем, фреймов и сценариев, т.е. тип концепта определяется характером этого «строительного материала», запрограммирован им. Так, 21 июня 1751 г. крестьянин Нижегородской губернии, талантливый изобретатель-самоучка направил в Сенатскую комиссию прошение выдать ему разрешения и оказания финансовой помощи для изготовления «коляски самобеглой, что может бегать без лошади».

Такую коляску, было написано далее, он «сделать может подлинно изобретенными им машинами на четырех колесах, с инструментами так, что она будет бегать и без лошади, токмо правила будет через инструменты двумя человеками, стоящими на той же коляске, кроме сидящих в ней праздных людей, а бегать будет хотя через какие дальние расстояния и не только по ровному местоположению, но и горе, будет где не весьма крутое место» (Юный техник, 1990, №1).

В этом описательном выражении без труда усматривается образ современного автомобиля.

Концепты имен конкретных классов имеют более коллективный характер по сравнению с абстрактными номинациями. Концепты абстрактных имен не носят фиксированного характера, они – текучи, более индивидуальны, имеют модально-оценочный характер и определяются морально-нравственными нормами и традициями социума. Структура этических и абстрактных концептов подразумевает наличие инвариантного «ядра», но наряду с ним существует самый широкий фронт личностных ассоциаций. Такие структуры представления знаний мы называем калейдоскопическими концептами.

Калейдоскопические концепты сопряжены с когнитивными метафорами (гештальтами), через призму которых постигается сущность абстрактного имени. Лексема «жизнь» в «калейдоскопе» об-

разных ассоциаций объективизируется в сознании то в виде мыслительной картинки: «Жизнь – это красноватая искорка в немом океане Вечности» (И. С. Тургенев), то в виде схемы: «Жизнь – это путь, покрытый терновыми кустами» (О. Бартеlemi), то в виде фрейма: «Жизнь есть касса, куда мы складываем все принадлежащие нам сокровища» (В. Гумбольдт), то в форме сценария: «Жизнь – шахматная игра» (М. Сафир).

Следовательно, абстрактные понятия не являются «пустыми», «безликими» сущностями – за ними стоят личностные образы, позволяющие осознать сложные вещи посредством их сближения, соположения с физически ощутимыми конкретными реалиями.

Типы концептов имеют универсальный (общечеловеческий) характер; национально-культурная специфика концептов заключается в различиях содержания концептов при тождестве их типов.

1. Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. М., 1996. С. 90–93

2. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 366 с.

3. Гак В. Г. // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 462–464.

4. Флоренский П. А. Термин // Мир философии. М.: Политиздат, 1991. Ч.1. С. 563–570.

Использованные словари:

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.

Словарь Бархударова, Евгеньевой – Словарь русского языка / Под ред. С. Г. Бархударова, А. П. Евгеньевой. М., 1964.

Словарь Даля – Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.

Словарь Ожегова – Ожегов С. И. Словарь русского языка. 20-е изд., стереотип. М., 1988.

И. А. Стернин

Воронежский государственный университет

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ
СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА

Концепт имеет определенную структуру, хотя он и не может быть представлен как жесткая структура, подобная значению слова. Это связано с его активной динамической ролью в процессе мышления – он все время функционирует, актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них. В этом и заключается смысл мышления.

Метафорически З. Д. Попова и И. А. Стернин представляют концепт в виде облака, Н. Н. Болдырев – в виде снежного кома. Г.В.Токарев также использует метафору облака. Мы хотим предложить еще одну метафору – метафору плода.

Типы концептов весьма разнообразны – и по содержанию, и по структуре. Однако любой концепт, независимо от типа, имеет базовый слой. Базовый слой концепта всегда представляет собой определенный чувственный образ (автобус – желтый, тесно, трясет; искусство – картины; религия – церковь, молящиеся люди). Этот образ представляет собой единицу универсального предметного кода (Н. И. Жинкин, И. Н. Горелов), кодирующую данный концепт для мыслительных операций, и поэтому может быть назван кодирующим. Если концепт представить как некий плод, то базовый чувственный образ – как бы косточка плода.

Базовый образ может исчерпывать содержание концепта, если концепт отражает конкретные чувственные ощущения и представления, либо концепт представлен в сознании очень примитивно мыслящих индивидов. В более сложных концептах дополнительные когнитивные признаки наслаиваются на базовый образ и образуют мякоть плода. Признаков может быть много, они могут образовывать относительно автономные концептуальные (когнитивные) слои и наслаиваться от более конкретного слоя к более абстрактному.

Таким образом, базовый слой концепта – это чувственный образ, кодирующий концепт как мыслительную единицу в УПК, плюс некоторые дополнительные концептуальные признаки. Когнитив-

ные слои, отражающие развитие концепта, его отношения с другими концептами дополняют базовый когнитивный слой.

Когнитивными эти слои называются потому, что они отражают определенный результат познания внешнего мира, то есть результат когниции. Когнитивные слои образуются концептуальными признаками. Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляют объем концепта и определяют его структуру. Подчеркнем, что многочисленных когнитивных слоев в концепте может не быть, но базовый когнитивный слой с чувственно-образным ядром есть у каждого концепта, иначе концепт не может фиксироваться в универсальном предметном коде как, дискретная единица мышления (смысловая отдельность), не может функционировать как мыслительная единица.

Можно, как представляется, говорить о трех структурных типах концептов – одноуровневые, многоуровневые и сегментные концепты.

Одноуровневый концепт включает только чувственное ядро, фактически – один базовый слой. Таковы концепты – предметные образы (Н. Н. Болдырев), некоторые концепты-представления. Таковы, видимо, такие концепты как *желтый, зеленый, соленый*, бытовые концепты типа *ложка, чашка, тарелка*. Такую структуру имеют многие концепты в сознании ребенка, а также концепты в сознании интеллектуально неразвитой личности. В сознании большинства людей концепты сложнее.

Концепт может быть *многоуровневым* – включать несколько когнитивных слоев, различающихся по уровню абстракции, отражаемому ими и последовательно наслаивающихся на базовый слой.

Например, концепт *грамотный*, кроме базового слоя (образ – пишущий человек), включает следующие слои, располагающиеся по степени усиления абстрактности:

умение читать и писать;

умение хорошо, правильно читать и писать;

умение эффективно вести общение, строить разговор в соответствии с нормами и правилами эффективной коммуникации (грамотно построить разговор, он грамотно аргументировал, грамотный оратор, грамотное выступление, грамотно провел беседу, грамотно построил убеждение и др.);

умение качественно выполнить что-либо в соответствии с нормами и правилами выполнения данного рода деятельности, в т.ч.

и орфографическими и пунктуационными (чертеж, работа, план, сочинение и т. д.)

умение хорошо разбираться в той или иной области знаний (граммотный специалист, инженер, руководитель).

Наконец, концепт может быть *сегментным*, представлять собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции.

Пример сегментного концепта – *толерантность*.

Чувственно-образное ядро – наглядный образ спокойного, вежливого, невозмутимого, сдержанного человека (эксперимент Е. И. Гришук). Это кодирующий образ, единица универсального предметного кода.

Базовый слой включает когнитивные признаки – терпимость, сдержанность, которые наслаиваются на базовый, кодирующий образ и составляют вместе с ним базовый слой концепта.

Сегменты:

Политическая толерантность – терпимость к людям других политических взглядов, уважение к иным политическим позициям, признание права каждого на свои политические убеждения.

Научная толерантность – терпимость к другим точкам зрения в науке, допущение разных теорий и научных школ в рамках одной науки, в рамках одного научного направления.

Бытовая толерантность – терпимость к формам поведения, мнениям и высказываниям ближайшего окружения. Она проявляется в межличностных отношениях.

Педагогическая толерантность – терпимость к собственным детям, учащимся, умение понять и простить их несовершенства.

Административная толерантность – умение руководить без нажима и агрессии, признавать, что и ты можешь допускать ошибки, способность прощать слабости и несовершенства подчиненным,

Религиозная толерантность – терпимость к людям иной веры, уважение к чужим религиозным убеждениям.

Этническая толерантность – уважительное, терпимое отношение к людям другой национальности. Противоположное понятие – ксенофобия.

Спортивная толерантность – отсутствие предубеждения к другим спортивным командам, кроме своей, уважительное, объективное отношение к другим спортивным командам и их болельщикам.

Музыкальная толерантность – уважительное отношение к различным музыкальным стилям и их поклонникам, отсутствие пренебрежения к тем, кому нравится другая музыка.

Медицинская толерантность – физиологическая выносимость пациентом применения того или иного препарата, переносимость лекарства.

Экологическая толерантность – способность живых существ переносить те или иные изменения в окружающей среде.

В языке когнитивным слоям или сегментам соответствуют семемы.

В каждом слое или сегменте есть дискретные элементы – концептуальные признаки, которые упорядочиваются по входящим в их состав когнитивным классификаторам (форма, функция, размер, материал и т. д.).

В языке концептуальным признакам соответствуют семы, а когнитивным классификаторам – семантические признаки (*семантический признак* – пол, *семный конкретизатор* – женский, *сема* – женский пол).

Кроме ядра, концепт имеет объемную интерпретационную часть – совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания концепта.

Например, в интерпретационное поле концепта «труд» войдут такие установки, как (Токарев): не следует спешить начинать работу, кто трудится, тому и плохо, только труд ведет к богатству, честный труд не приводит к богатству и т. д. Их противоречивость объясняется именно их принадлежностью не к ядру концепта, а к интерпретационному полю концепта, которое содержит «выводы» из разных когнитивных признаков. Интерпретационное поле слабо структурировано.

Ядро концепта – это его базовый слой (включая кодирующий образ) и совокупность когнитивных слоев и когнитивных сегментов в совокупности образующих их когнитивных признаков.

Интерпретационное поле концепта составляет его периферию. Исследованию подлежит как ядро, так и периферия, однако важно дифференцировать их в процессе описания, поскольку их статус и роль в структуре сознания и в процессах мышления различны.

При анализе ядра концепта в рамках когнитивной лингвистики последовательность шагов может быть следующей.

Определяем интересующий нас концепт.

Выявляем ключевые слова-репрезентанты данного концепта в языке. Это основные средства, которыми чаще всего манифестируется концепт в речи.

Возможные термины:

- ключевые слова-репрезентанты,
- базовые лексемы-репрезентанты,
- единицы, осуществляющие базовую вербализацию концепта,
- базовые языковые репрезентации концепта.

(Необходимы критерии их выделения – например, частотность в речи, достаточная абстрактность значения, общеизвестность и др.).

Ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевого слова (лексемы), именуемого концепт (например свобода, тоска, общение, душа, вера, свобода и т.п.). Пополняет содержание концепта анализ синонимов, симиларов, антонимов ключевой лексемы. Анализируется самым детальным образом семантика этих единиц, выявляются:

1) основные семемы,

2) основные и периферийные семантические компоненты каждой семемы, в том числе и экспериментальными методами.

Выявленные семемы ищем в разных номинативных реализациях – других лексемах, синонимах, фразеологических единицах, выявляем новые концептуальные признаки.

Выявленные семы разных типов также выявляем в номинативных средствах разных типов, выявляем на их базе новые концептуальные признаки.

Анализ сочетаемости лексем, объективирующих концепт в языке, также дает возможность выявить некоторые составляющие концепта. Из сочетаемости можно выявить способы категоризации концептуализируемого явления. Так, сочетаемость слова *тоска* показывает способы категоризации этого явления в русском сознании: русское сознание концептуализирует тоску как принадлежность взгляда (смотреть с тоской, тоскливо переглянулся, в тоске озирался и др.), как то, что может звучать (звон тоскливо гудел, в голосе звучала тоска), то, что могут испытывать и животные (тоскливый лай, тоскливо мяукала, собака тоскует по хозяину), средоточием тоски является душа или сердце (сердечная тоска, тоска поселилась в душе). Сочетаемость слова *тоска* с прилагательными (зеленая, смертельная, невыносимая, мучительная, предсмертная, дикая, чудовищная и др.) показывает, что тоска для русского человека – нечто отрицательное, тяжело переносимое; сочетания типа непонятная тоска, какая-то тоска, некоторая тоска и др. характеризуют тоску как нечто не до конца понятное; однако тоска может быть и сладкой (Димитрова, с. 9–10). Выявленные способы катего-

ризации (когнитивные метафоры) должны быть сформулированы как определенные содержательные признаки, входящие в структуру концепта.

Выявленные семы отождествляются с концептуальными признаками, семемы – с концептуальными слоями, способы категоризации (когнитивные метафоры) интерпретируются как когнитивные признаки. Затем выстраивается структура концепта по данным лингвистики.

Базовый образ концепта выявляется экспериментальными психолингвистическими методами.

Представляется, что в исследовании целесообразно четко придерживаться синхронного среза при описании, диахронию можно использовать лишь для объяснения тех или иных изменений в концепте, тех или иных его черт.

Существует закон номинативной дробности (дифференциации, расчлененности денотативного поля, денотативной сферы): чем выше номинативная дробность, расчлененность той или иной денотативной сферы, тем большую важность имеют репрезентируемые совокупностью этих средств концепты в сознании носителей языка в данный период, на данном этапе развития общества и мышления.

С реальной частотой словоупотребления в речи данный закон прямо не соотносится, так как частотность единиц и наличие в языке номинативных средств – разные вещи, частотность лексем зависит от типа дискурса, места общения и участников общения.

На периферии содержания концепта находятся разнообразные определения, толкования, отраженные в поговорках, афоризмах, крылатых выражениях, притчах, а иногда и значительных по объему публицистических, художественных и научных текстах. Из этого арсенала в основном и выявляется интерпретационное поле концепта, в котором можно обнаружить весьма разнообразные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения.

Очень информативны для выявления интерпретационного поля поговорки. В них мы находим застывшие осмысления того или иного концепта, сложившиеся на протяжении длительного времени и менявшиеся в зависимости от места, времени и условий проявления концептуальных сущностей в жизни народа, отдельных групп людей, отдельного человека.

Один и тот же концепт как бы поворачивается разными сторонами к разным людям, и благодаря этому особенно хорошо видна его многослойность и многоаспектность. Ср. например, русские

пословицы, объективирующие концепт *деньги*: деньги не приносят ума (Ума на деньги не купишь), деньги делают человека умным (Богатство ум рождает), деньги дают возможность материально благополучного существования (Деньги наживешь – без нужды проживешь), деньги причиняют беспокойство их обладателю (Лишние деньги – лишние заботы). Ср. также концепт *муж*: плохо женщине без мужа (Жена без мужа – всего хуже), нет ничего хуже плохого мужа (Стужа да мужа, а лучше худого мужа); концепт *труд*: только труд ведет к благополучию (Без труда не вынешь рыбку из пруда), честный труд не приводит к богатству (От трудов праведных не наживешь палат каменных), не следует спешить начинать работу (работа не волк – в лес не убежит), кто трудится, тому и плохо (От работы кони дохнут), кто не работает, тот не имеет материального благополучия (Кто не работает, тот не ест) и т. д.

Противоречивость поговорок, объективирующих в языке интерпретационное поле концепта, объясняется именно их принадлежностью не к ядру, а к интерпретационному полю концепта, которое содержит «выводы» из разных когнитивных признаков, образующих структуру концепта. Интерпретационное поле концепта всегда слабо структурировано, образовано по принципу дополнительности образующих его предикаций.

Однако для отдельных концептов может не существовать пословиц, поговорок и афоризмов или их количество может быть по тем или иным причинам, заслуживающим изучения, весьма незначительным (например, для концепта *быт*, см. исследования А. В. Рудаковой). В этом случае интерпретационное поле исследуется экспериментальными приемами – методом анкетирования с вопросами типа. Что вы понимаете под ..., Подберите синонимы к ..., Назовите противоположное понятие для ..., ... – это хорошо или плохо? и т. д. Таким образом выявляется содержание концепта и может быть описано его интерпретационное поле.

В интерпретационное поле концепта *толерантность*, как показывает подобное исследование, на современном этапе входят такие установки, как: в быту надо быть терпимым; надо идти навстречу людям; компромиссы, уступки – это отсутствие характера, принципов, мягкотелость; на уступчивых людей нельзя положиться; на переговорах надо быть жестким; плюрализм вреден, затрудняет жизнь; терпимость – это беспринципность; толерантность навязана нам Западом; консенсус – смешное зарубежное слово и т. д.

Признаки концепта, извлеченные из его интерпретационного поля, показывают пльвучесть, смещаемость, диффузность когнитивных слоев, образующих периферию концепта.

Лингвокогнитивное исследование, таким образом, предполагает описание ядра концепта и его интерпретационного поля.

1. Токарев Г. В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность». Тула, 2000. 92 с.

2. Рудакова А. В. Экспериментальное изучение концепта «быт» в русском языковом сознании // Культура общения и ее формирование. Вып. 8. Воронеж, 2000. С. 88–94.

3. Димитрова Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.

Н. В. Уфимцева

Институт языкознания РАН

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ СЛАВЯН

С начала 90-х годов в московской психолингвистической школе начинает формироваться новая методологическая база для этнопсихолингвистических исследований: центральной проблемой становится исследование национально-культурной специфики языкового сознания, а главной причиной непонимания при межкультурном общении признается различие национальных сознаний коммуникантов.

Поиск новых путей исследования привел к формированию представлений о межкультурной онтологии национальных (этнических) сознаний, когда образы сознания одной национальной культуры анализируются в процессе контрастивного сопоставления с образами сознания другой культуры. В связи с этим возникла проблема формирования методики таких контрастивных исследова-

ний, когда язык и культура рассматриваются как формы существования общественного сознания, которое бытует как «образ себя» (образ своего этноса) и «образ другого».

Теоретической основой исследований служит обоснованное в психологии представление о том, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности/общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, и образ мира меняется от одной культуры к другой.

В рамках исследовательской программы «Сопоставительное исследование национального языкового сознания славян», которая является естественным продолжением исследований, начатых в процессе создания «Ассоциативного тезауруса современного русского языка», были проведены массовые ассоциативные эксперименты с носителями четырех славянских языков: белорусского, болгарского, русского и украинского. Возможность создания ассоциативного словаря любого языка основывается на психологическом представлении о связях единиц сознания в психике человека. В качестве единиц сознания могут фигурировать образы восприятия, представления, понятия, эмоции, чувства. Для построения ассоциативного словаря существенно, что получаемые в эксперименте ассоциации в ответах испытуемых обозначаются словом.

Использование материалов ассоциативного словаря позволяет наметить новые пути в исследовании механизмов речевого воздействия и речевого поведения, а также в изучении семантических законов в языке, принципов соотношения семантики и синтаксиса в языке и речи, закономерностей социализации индивидуальных семантических изменений и установления новых типовых ассоциативных связей.

Более того, «Славянский ассоциативный словарь» вводит в научный оборот принципиально новый объект лингвистического, психолингвистического, этно- и социопсихологического анализа, который позволяет по-новому посмотреть на различия и сходства в образах мира славян и на проблему славянской общности. Как мы помним, С. Н. Трубецкой вообще отрицал наличие такой общности в культуре, считая ее только фактом языка, а Л. Н. Гумилев часть славянских народов, в частности чехов и поляков, относил к нациям романо-германского мира.

С точки зрения психолингвистической технологии ассоциативный словарь возникает в результате анализа и обобщения материалов свободного ассоциативного эксперимента и содержит данные как о прямых (от стимула к реакции), так и об обратных (от реакции к стимулу) связях между словами. Данные в обоих случаях сопровождаются количественными показателями, которые позволяют судить о силе этих связей.

Применение специальных программ, предназначенных для машинной обработки материалов Ассоциативного словаря, позволяет выявить наиболее вероятные прямые и обратные связи между словами, а также установить силу такой связи и судить о близости значений слов, рассматриваемых как максимально близкие, если они связаны с одним и тем же набором слов и силы этих связей равны.

Основным инструментом построения любого ассоциативного словаря является широко используемая в психологии и психолингвистике методика свободного ассоциативного эксперимента. С помощью этой методики можно судить об особенностях функционирования языкового сознания человека и способах построения речевого высказывания, обычно не осознаваемых носителями языка и не выявляемых другими способами исследования. Материалы ассоциативного эксперимента можно рассматривать и как специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос.

Славянские ассоциативные нормы дают исследователю уникальную возможность проникнуть в мир образов сознания носителей четырех славянских культур и выявить их реальные сходства и различия. Этому способствует единый список слов-стимулов, в исходном (русском) варианте состоящий из 112 единиц, подбор испытуемых: для всех языков это были студенты в возрасте от 18 до 25 лет, не менее 500 человек (мужчины и женщины примерно в равном количестве), обучающиеся по 11 наиболее распространенным университетским специальностям (математика, физика, химия, биология, экономика, философия (богословие), филология, психология, юриспруденция, журналистика, педагогика) и проведение ассоциативного эксперимента в один и тот же временной период: 1998–1999 гг.

СПИСОК СЛОВ-СТИМУЛОВ
(исходный русский вариант)

Гость	Деньги	Ходить	Любовь
Девочка	Памятник	Ненавидеть	Начало
Больной	Гора	Красивый	Сила
Лес	Встреча	Свободный	Добро
Город	Друг	Старый	Зло
Деревня	Враг	Новый	Справедливость
День	Ночь	Молодой	Дверь
Голос	Слово	Радость	Бог
Дочь	Дом	Чистый	Вспоминать
Мать	Мужчина	Большой	Путь
Дядя	Женщина	Маленький	Счастье
Муж	Мальчик	Родной	Ветер
Жена	Дурак	Белый	Успеть
Разговор	Умный	Красный	Хотеть
Река	Война	Стол	Кричать
Утро	Голова	Зеленый	Надеяться
Вечер	Глаза	Черный	Обещать
Хлеб	Руки	Богатый	Есть (кушать)
Бабушка	Палец	Веселый	Пить
Земля	Рот	Семья	Терять
Вода	Лицо	Стыд	Искать
Огонь	Жизнь	Глупый	Говорить
Помогать	Смерть	Обман	Душа
Ребенок	Жить	Плохо	Вместе
Дело	Работа	Слабый	Думать
Человек	Родина	Много	Жадный
Народ	Свет (освещенность)	Быстро	Хорошо

Ассоциативный эксперимент проводился методом письменно-го анкетирования на родном языке испытуемых. Предварительно исходный список слов-стимулов был переведен двуязычными экспертами на белорусский, болгарский и украинский языки.

Анкеты генерировались методом случайных чисел таким образом, что не было двух анкет с одинаковым порядком слов-стимулов. Каждый испытуемый получал бланк анкеты и должен был отвечать на каждый стимул первым приходящим в голову словом. Кроме того, испытуемый должен был сообщить о себе следующие сведения: пол, возраст, родной язык, будущая специальность и поставить дату заполнения анкеты. Наличие этих данных позволяет исследовать особенности ассоциативных полей в зависимости от пола и профессии испытуемых. Время на работу с анкетой ограничивалось 10 минутами.

Эксперименты проводились в Белоруссии со студентами Белорусского государственного университета (г. Минск) И. И. Савицкой, в Болгарии – со студентами Софийского государственного университета им. Климента Охридского (г. София) П. Илиевой-Балтовой, А. Ефтимовой, А. Липовской, К. Петровой, Н. Деренжи, на Украине – со студентами Нежинского педагогического университета (г. Нежин) Т. И. Крытой.

На первом этапе анализа материалов «Славянского ассоциативного словаря» нами было выявлено ядро языкового сознания белорусов, болгар, русских и украинцев (см. таблицу 1). В данной статье мы ограничимся рассмотрением первых 30 слов этого ядра.

Опираясь на данные, приведенные в таблице 1, можно установить, имеются ли совпадения в ядре языкового сознания четырех обследованных выборок испытуемых. Совпадающими во всех четырех списках являются следующие слова (здесь и далее дается русский перевод): **ЖИЗНЬ, ЧЕЛОВЕК, ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, ХОРОШО, ДРУГ, СЧАСТЬЕ, ПЛОХО, ДЕНЬГИ, БОЛЬШОЙ** – всего 10 (33,3 %).

Если же мы возьмем только первые 10 слов ядра языкового сознания, то среди них совпадающими для всех четырех выборок будут шесть слов: **ЖИЗНЬ, ЧЕЛОВЕК, ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, ДРУГ, СЧАСТЬЕ**, т. е. 60 %. Для белорусов же, русских и украинцев совпадений еще больше: **ЖИЗНЬ, ЧЕЛОВЕК, ДОМ, ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ, ХОРОШО, ДРУГ, СЧАСТЬЕ** – всего 8 слов – 80 %.

В ядре языкового сознания белорусов и русских совпадают, кроме того: **ДОМ, КРАСИВЫЙ, ДОБРО, МНОГО, ВРЕМЯ** – всего 15 слов (50 %). В ядре языкового сознания белорусов и болгар к десяти общим для всех добавляются: **МНОГО, МУЖЧИНА, НАДЕЖДА, ЖЕНЩИНА, КРАСОТА** – всего 15 слов (50 %).

В ядре языкового сознания белорусов и украинцев, кроме об- щих для всех 10 слов, совпадают также: РАБОТА (бел. ПРАЦА – укр. РОБОТА, ПРАЦЯ), ХОРОШИЙ, МУЖЧИНА, НАДЕЖДА

Таблица 1

ЯДРО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ (первые 30 слов)

РУССКИЕ	БЕЛОРУСЫ	БОЛГАРЫ	УКРАИНЦЫ
1. жизнь (362) 54	чалавек (1392)65	живот (415) 75	життя (317) 62
2. человек (1244)53	жыццё (404) 65	човек (927) 66	людина (139) 43
3. дом (514) 48	радосьць (330) 53	любов (331) 55	радість (260) 42
4. любовь (253) 48	дом (504) 50	приятел (397) 52	друг (136) 36
5. радость (248) 48	дапамога (113) 50	много (345) 50	добре (90) 35
6. хорошо (384) 46	добра (255) 48	сила (182) 50	дім (281) 35
7. друг (365) 45	каханне (303) 44	щастие (375) 49	любов (109) 34
8. счастье (334) 40	гроши (450) 42	жена (280) 48	щастя (277) 32
9. нет (102) 40	щчасце (342) 42	радост (202) 46	спокой (68) 32
10. ест (334) 37	сябар (313) 42	дете (253) 40	гроши (186) 30
11. плохо (329) 35	любюУ (109) 42	обич (200) 39	чоловік (453) 29
12. свет (175) 35	маці (586) 41	няма (185) 39	коханья (93) 29
13. деньги (341) 34	праца (234) 40	болка (100) 39	розум (135) 27
14. большой (333) 34	добры (262) 39	мъж (323) 38	гарний (103) 26
15. ребенок (240) 33	мужчына (216) 33	яз (109) 37	надія (53) 26
16. мир (151) 33	надзея (125) 33	голям (308) 37	смерть (154) 25
17. Я (100) 33	жанчына (225) 32	красота (164) 36	сила (115) 25
18. добро (250) 29	час (174) 32	смърт (313) 36	робота (100) 25
19. жить (184) 29	сям'я (193) 31	хубово (155) 35	дитина (81) 25
20. красивый (135) 29	прыгожы (270) 30	надежда (124) 34	світ (80) 25
21. смерть (365) 27	дрэнна (205) 30	пари (314) 34	великий (241) 24
22. сила (99) 27	дзяУчына (195) 30	мъка (111) 34	погано (83) 24
23. всегда (82) 27	людзі (160) 30	винаги (161) 33	краса (69) 24
24. сильный (279) 26	спакой (64) 30	всичко (155) 33	товарищ (73) 24
25. много (186) 26	бацька (131) 29	път (128) 33	зло (209) 21
26. все (120) 26	душа (81) 29	страх (83) 33	жінка (71) 21
27. зло (347) 23	вялік (286) 29	искам (86) 32	світло (84) 20
28. любить (160) 23	дабро (256) 29	лошо (162) 32	добрий (83) 20
29. время (144) 23	многа (138) 29	свят (117) 31	праця (68) 20
30. день (285) 22	прыгажыццэ (154) 29	мисъл (78) 31	дівчина (52) 20

Примечание.

В скобках указана абсолютная частота встречаемости данного слова в качестве реакции на все слова стимульного списка. Рядом указано количество разных слов-стимулов, реакцией на которые является данное слово.

ЖЕНЩИНА, КРАСИВЫЙ, ДЕВУШКА, КРАСОТА, ДОМ – всего 19 (63,3 %) для белорусов и 20 для украинцев (66,7 %).

В ядре языкового сознания болгар и русских, кроме указанных 10 общих слов, совпадающими являются: РЕБЕНОК, СМЕРТЬ, СИЛА, НЕТ, МИР, Я, ВСЕГДА, МНОГО, ВСЕ – всего 19 слов (63,3%).

В ядре языкового сознания болгар и украинцев, кроме 10 общих для всех слов, совпадают: СИЛА, ЖЕНЩИНА, РЕБЕНОК, МУЖЧИНА, КРАСОТА, СМЕРТЬ, НАДЕЖДА, ДЕНЬГИ – всего 18 слов (60%).

В ядре языкового сознания украинцев и русских дополнительно совпадают: ДОМ, РЕБЕНОК, КРАСИВЫЙ, СМЕРТЬ, СИЛА, СВЕТ, ЗЛО – всего 17 слов (56,6%).

Эти данные можно представить в виде таблицы:

Таблица 2

	Болгары	Русские	Украинцы
Белорусы	53,3%	50%	63,3% -66,7%
Болгары		63,3%	60%
Русские			56,6%

Как мы видим, наибольший процент пересечений в исследуемом нами фрагменте ядра языкового сознания наблюдается у белорусов и украинцев, затем — у болгар и русских, далее идут болгары и украинцы, русские и украинцы, белорусы и болгары. Меньше всего совпадений у белорусов и русских.

Даже такой беглый анализ показывает, что «Славянский ассоциативный словарь» является реальным инструментом исследования особенностей образов мира четырех славянских народов, причем не только их содержания, но и их системности.

Ю. А. Сорокин

Институт языкознания РАН

СЕМИОСФЕРА И МЕНТОСФЕРА

Русские и вьетнамцы различаются между собой фокусировкой когнитивно-когнитивного внимания. Если мы, разговаривая, стараемся дать представление о предмете в целом, то вьетнамцы – лишь о его части. У вьетнамцев «золотая печень + железный живот» =

преданность, «прохладная + рука» = способность к лечению или воспитанию кого-либо, «вкусные + глаза» = приятный на вид, «синие + глаза» = очень бояться, «прямая + спина» = ленивый. Русский может сказать: «Я очень устал», и не уточнять, от чего, вьетнамец обязательно уточнит: устал от работы, ходьбы, устал вертеть шеей. Когда он говорит, что у него «переворачивается печень» - это означает, что он злится (бесится). А желая похвалить кого-либо, он скажет: «Светлый живот», имея ввиду, что этот человек – умный.

Конечно, и русским, и вьетнамцам свойственны и общие оценочные характеристики: «уши чуткие, как у собаки», «шея длинная, как у гуся», но есть и такие сравнения, которые вряд ли пришли бы на ум русскому – например, сравнение *маленьких ушей* с ушами мыши или сравнение красивых (круглых) глаз *с глазами голубя*.

Вьетнамцы сравнивают тонкие губы или прямые ноги с бумагой или черенком листа кокосовой пальмы. Плоская голова похожа, по мнению вьетнамцев, на голову сома, а пухлые щеки – на блины из рисовой муки. Пальцы на ноге, если они не тесно прижаты (растопырены) напоминает им утиную лапу или веник, согнутая (горбатая) спина – сваренную креветку, большие глаза – крупную улитку, «длинная» (русские скажут: «широкая») спина – коромысло или спину гиббона, короткая шея – спину свиньи (русские в этом случае указывают на толщину: толстая, как у свиньи) или черепахи, короткие пальцы – такие же бананы, рябое лицо – осиное гнездо, а густые брови напоминают гусеницу (или веник).

Кстати, если вы угостите вьетнамцев конфетами «Мишка на севере» («Мишка косолапый») – не удивляйтесь их недоумению и расспросам: это для нас он неловок и неуклюж, а для них – жаден, дерзок и нагл.

Значительное своеобразие демонстрирует вьетнамская ментосфера в восприятии дома, дороги и пространства.

Мой приятель, вьетнамец, проучившийся в России лет пятнадцать, рассказывал, что когда, наконец, к нему приехала семья (жена и двое детей – мальчик семи лет и девочка пяти лет), ему пришлось забыть о своих делах и буквально не отходить от них. К снегу и выбеленным деревьям во дворе дети привыкли быстро. И гораздо медленнее привыкали к людям. Однажды, когда в лифт зашла высокая и крупная женщина – девочка расплакалась. Дома отцу удалось докопаться до причины слез: «Тетя – слишком большая». Такими же большими оказались ей (мальчик оказался похрабрее) и гости-вьетнамцы, приходящие в дом: она от них пряталась.

С квартирой – большой трехкомнатной – тоже не все сразу утряслось: непривычной оказалась высота (9-й этаж) и самое главное – отсутствие знакомых ориентиров.

Как правило, традиционный вьетнамский дом состоит из «трех частей и двух крыльев»: «часть» – это внутреннее пространство дома, ограниченное столбами и стропилами, а «крыло» – левая или правая «доля» дома. Этот дом – одноэтажный, и в нем три комнаты: две небольшие («крылья») и одна центральная, делящаяся на три части (но без стен и перегородок; столбы в ней служат знаками того, где одна «часть» переходит в другую).

Центральную комнату вьетнамцы считают наружной (внешней), а боковые – внутренними. Во «внешней» комнате находится алтарь предков и мягкая мебель для приема гостей (собственно, это гостиная), а «внутренние» служат спальнями и местом хранения имущества и продуктов (и в московской квартире вьетнамцы воспринимают гостиную как внешнюю часть дома, а спальню – как внутреннюю). В нетрадиционном доме (в таком, где комнаты располагаются не слева направо, а поочередно) передняя комната также воспринимается как внешняя, а задняя – как внутренняя. Но это противопоставление (безусловно, бессознательное) может и нейтрализоваться, например, в том случае, если спальни родителей и спальни детей расположены рядом или напротив друг друга: тогда считается, что у этих комнат – одинаковый статус.

Для русских спать на кровати – значит спать или с краю или у стенки; для вьетнамцев спящий у стенки воспринимается как спящий «внутри», а спящий на краю или на середине кровати – как спящий «снаружи». Если в комнате находятся две кровати и они стоят в ее центре, то кровать, стоящая ближе к двери, считается наружной, а стоящая дальше – внутренней. Но возможна и другая оценка – в зависимости от наблюдателя, который будет считать кровать, стоящую ближе к нему, передней, а стоящую дальше – задней.

В доме различаются главные и неглавные комнаты: в первых живут хозяева, во вторых – прислуга (хозяйские комнаты строятся так, чтобы находиться повыше остальных). И даже в домах (или квартирах) современного европейского типа сохраняется традиционная ориентация на «верхние» и «нижние» помещения. Говорят: «Подняться в дом», но «спуститься в кухню».

Хотя каждый дом – чья-то крепость, из него все-таки уходят и снова туда возвращаются. В микрорайоне (зона соседних домов,

переулков и улиц) вьетнамец также ориентируется по-своему: если дом, к которому он движется, находится за пределами переулка, на этой же стороне улицы, то идущий **ВЫХОДИТ** туда. В том случае, когда два дома находятся на пересечении переулка и улицы, вьетнамец **ВЫХОДИТ** к дому, если его фасад смотрит на улицу (считается, что дом находится **ВНЕ** переулка) и **ПЕРЕХОДИТ** к дому, если его фасад смотрит в переулок.

При расширении зоны перемещения учитываются другие факторы: 1) рынок или почта находятся рядом с микрорайоном. Тогда вьетнамец также **ВЫХОДИТ** к ним; 2) они находятся вне микрорайона (на севере или на юге). В этом случае вьетнамец **ПОДНИМАЕТСЯ** к ним.

Движение из города к морю (порту) считается движением «наружу»; такой же считается поездка в городские пригороды. Но ехать, например, в Чолон (район компактного проживания китайцев в Хошимине) – значит ехать **ВНУТРЬ** города.

Считается также, что движение с севера на юг – это движение из открытого в замкнутое пространство (движение **ВНУТРЬ**), причем к востоку или юго-востоку (приморские районы страны) можно **СПУСТИТЬСЯ**, а к северу, северо-западу и юго-востоку (горные районы) можно лишь **ПОДНЯТЬСЯ**.

Вьетнамцы могут мыслить «я» и как конечную точку движения, и как указание на **МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ** этого «я» в пространстве (например, приглашение: «Оставайтесь сегодня вечером ночевать у меня» передается по-вьетнамски лишь как: «**ВЕЧЕР СЕГОДНЯ СПАТЬ ОСТАВАТЬСЯ МЕСТО Я**»), а само движение вьетнамцы могут рассматривать либо в целом, либо выбирать из него значимые отрезки. Например, два вопроса к землякам: «Ходили ли Вы в Большой театр?» (досл.: **ВЫ УЖЕ ПРИЙТИ БОЛЬШОЙ ТЕАТР ЛИ?**) и «Вы уже были в большом театре?» (досл.: **ВЫ УЖЕ ВОЙТИ БОЛЬШОЙ ТЕАТР ЛИ?**) предполагают наличие двух образов у спрашивающего. В первом случае он мыслит себя находящимся в гостинице вместе со своими земляками и представляющим путь **ОТ ГОСТИНИЦЫ К ТЕАТРУ**, во втором – он «выбирает» последний отрезок пути, представляя, что он находится **РЯДОМ С ТЕАТРОМ** (Ли Тоан Тханг, 1993).

Ментосфера китайцев также обладает ярким своеобразием, притягивающим человека западного типа. Несколько слов – о китайском психотипе, или, иначе говоря, о тех глубинных установках и ценностях, которыми руководствуются китайцы и которые составляют основу их этнического характера.

По мнению самих китайцев, они усердны и старательны, экономны и бережливы, практичны и консервативны, гуманны и послушны, деятельны и умелы, застенчивы и терпимы.

Опираясь на данные, приводимые К. Тертицким, можно считать, что в основе китайского *этнотипа* лежат холистические установки (отношение к миру как к живому организму).

Китайцы в основном ориентированы на других, рассчитывая на их помощь и на взаимные обязательства (экзоцентризм), а американцы, например, ориентированы в основном на самих себя (эндоцентризм). Китайцы особенно чувствительны к «частной морали» (семейные и клановые обязательства) и индифферентны к «морали других». Особенно важной является установка на сохранение «лица» (престижа) – и своего, и чужого. Она позволяет свести к минимуму конфликты в межличностных отношениях и гармонизировать их. «Лицо» можно не только потерять, но его можно обменивать, накапливать и продавать.

Восточная ментосфера – «дело тонкое».

Ли Тоан Тханг. Пространственная модель мира: когниция, культура, этнопсихология (на материале вьетнамского и русского языков). Москва, 1993.

К. Тертицкий. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. Ч.1. М., 1994.

В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин
Волгоградский государственный
педагогический университет

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ КАК ЕДИНИЦА ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время термин «концепт» находит широкое применение в различных областях лингвистической науки. Он вошел в понятийный аппарат когнитивистики, семантики, лингвокультурологии.

Период утверждения термина в науке непременно связан с определенной произвольностью его употребления, размытостью границ, смешением с близкими по значению и/или по языковой форме терминами. Например, в исследованиях часто прослеживается смешение понятий «когнитивный концепт» и «лингвокультурный концепт» (анализ понятия «когнитивный концепт» см.: Кубрякова, 1996; Попова, Стернин, 1999). Данная работа посвящена именно проблеме лингвокультурных концептов и направлена на обобщение методологии концептологического исследования, апробированной в работах группы волгоградских ученых в течение 1996–2001 годов (см. сборники научных трудов серии «Языковая личность», указанные в библиографии).

Для нас являются принципиальными следующие положения:

1. Лингвокультурный концепт – условная ментальная единица, используемая в комплексном изучении языка, сознания и культуры.

2. Соотношение лингвокультурного концепта с тремя названными сферами может быть сформулировано следующим образом:

1) сознание – область пребывания концепта (концепт лежит в сознании);

2) культура детерминирует концепт (т.е. концепт – ментальная проекция элементов культуры);

3) язык и/или речь – сферы, в которых концепт опредмечивается. Разумеется, эта схема относительна в силу:

1) сложности соотношения феноменов «язык» и «культура» (язык является одновременно и частью культуры, и внешним для нее фактором);

2) наличия двусторонней связи между языком и сознанием (категории сознания реализуются в языковых категориях и одновременно детерминируются ими).

Лингвокультурный концепт отличается от других единиц, используемых в лингвокультурологии (науке о взаимосвязях языка и культуры), своей ментальной природой. Если предлагаемая Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым логоэпистема (Верещагин, Костомаров, 1999) является, по сути, элементом значения слова и локализуется в языке, а введенная В. В. Воробьевым лингвокультурема (Воробьев, 1997) определяется как единица межуровневая, т.е. не имеющая определенной локализации, то концепт находится в сознании. Именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, поэтому любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно и когнитивное исследование.

Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, выделяемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип), акцентуацией ценностного элемента. Центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип (см. подробнее: Карасик, 1996).

Чистая когнитивистика может рассматривать потенциальные концепты (так, например, З. Д. Попова и И. А. Стернин пишут (1999: 26): «в парадигме «специалист по исследованию животных» есть кролиководы, животноводы, овцеводы и др., но нет лексем для обозначения специалистов по разведению воробьев, носорогов, крыс и т.д., поскольку эти профессии не востребованы. Соответствующие концепты есть, но нет семем и лексем»). Для лингвокультурологии концепты «носороговод» и «крысовод» не существуют, но не потому, что для них нет языкового обозначения, а потому, что в сознании носителей языка нет ценностного отношения к подобным феноменам.

Показателем наличия ценностного отношения является применимость оценочных предикатов. Если о каком-либо феномене носители культуры могут сказать «это хорошо» (плохо, интересно, утомительно и т.д.), этот феномен формирует в данной культуре концепт.

Лингвокультурный концепт – это условная единица: сознание синкретично, и его членение производится в исследовательских целях.

Концепт группируется вокруг некой «сильной» (т. е. ценностно акцентуированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. Наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые – периферию. Четких границ концепт не имеет, по мере удаления от ядра происходит постепенное затухание ассоциаций. Языковая или речевая единица, с помощью которой актуализируется «центральная точка» концепта, служит именем концепта.

Лингвокультурный концепт выделяется в индивидуальном или коллективном сознании. Любые элементы, отсутствующие в сознании данного индивида/группы, в структуру концепта данного индивида/группы включаться не могут. В этом смысле выделяемые Ю. С. Степановым (1997: 41–42) слои концепта следует рассматривать как отдельные концепты различного объема, а не как компоненты единого концепта. Активный слой («основной акту-

альный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него») входит в общенациональный концепт; пассивные слои («дополнительные признаки, актуальные для отдельных групп носителей культуры») принадлежат концептосферам отдельных субкультур; внутренняя форма концепта («не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концептов») для большинства носителей культуры является не частью концепта, а одним из детерминирующих его культурных элементов.

Структура лингвокультурного концепта трехкомпонентна. Помимо уже названного ценностного элемента, в ее составе могут быть выделены фактуальный и образный элементы (Карасик, 1997). Фактуальный элемент концепта хранится в сознании в вербальной форме и поэтому может воспроизводиться в речи непосредственно, образный же элемент невербален и поддается лишь описанию.

Существует множество способов языковой апелляции к любому лингвокультурному концепту («входов в концепт»). К одному и тому же концепту можно апеллировать при помощи языковых единиц различных уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаний, предложений.

Апелляция к некоторым концептам может осуществляться при помощи морфем (уменьшительно-ласкательные суффиксы > концепт «нежность») или словоформ (глагольная форма «ложить» > концепт «безграмотность»). В различных коммуникативных контекстах одна и та же единица языка может стать «входом» в различные концепты. В связи со всем вышесказанным для лингвокультурологии нерелевантно отождествление концепта с отдельным словом (Аскольдов, 1997) или словозначением (Лихачев, 1993), а также классификация концептов по лексико-фразеологическому основанию (Бабушкин, 1996).

Лингвокультурный концепт многомерен (Ляпин, 1997). Традиционные единицы когнитивистики (фрейм, сценарий, скрипт и т.д.), обладая более четкой, нежели концепт, структурой, могут использоваться исследователями для моделирования концепта (например, использование фрейма для моделирования концепта «приватность») (Прохвачева, 2000).

Лингвокультурология – научная отрасль междисциплинарного характера, поэтому в ее рамках приветствуется использование как лингвистических, так и внелингвистических методов. В качестве одного из методов исследования лингвокультурных концептов

предлагается анализ карнавализованных текстов данной культуры (Слышкин, 2000б). В основу этого метода положена теория М. М. Бахтина, согласно которой основные ценности той или иной культуры непременно подвергаются карнавальному снижению.

Лингвокультурные концепты могут классифицироваться по различным основаниям. С точки зрения тематики концепты образуют, например, эмоциональную (Красавский, 2000), образовательную (Толочко, 1999), текстовую (Слышкин, 1999) и др. концептосферы. Классифицированные по своим носителям концепты образуют индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие концептосферы (Лихачев, 1993; Карасик, 1996).

Могут выделяться концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса: например, педагогическом (Карасик, 1999а), религиозном (Карасик, 1999б), политическом (Шейгал, 2000), медицинском (Бейлинсон, 2000) и др. Сам дискурс может рассматриваться одновременно как совокупность апелляций к концептам и как концепт, существующий в сознании носителей языка (Слышкин, 2000а).

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997.
2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
3. Бейлинсон Л. С. Медицинский дискурс // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М., 1999.
5. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). М., 1997.
6. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск, 1996.
7. Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999.
8. Карасик В. И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов) // Концепты. Научные труды Центркоцепта. Архангельск, 1997. Вып. 2.
9. Карасик В. И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999.

10. Красавский Н. А. Эмоциональная концептосфера немецкого языка (этимологический анализ базисных номинантов эмоций) // Языковая личность: проблемы креативной семантики. Волгоград, 2000.

11. Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

12. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 52. 1993. № 1.

13. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центрконцепта. Архангельск, 1997. Вып. 1.

14. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999.

15. Прохвачева О. Г. Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.

16. Слышкин Г. Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000.

17. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

18. Слышкин Г. Г. Текстовая концептосфера и ее единицы // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999.

19. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

20. Толочко О. В. Образ как составляющая концепта школа // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999.

21. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.

22. Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.

23. Языковая личность: проблемы семантики и прагматики. Волгоград, 1997.

24. Языковая личность: вербальное поведение. Волгоград, 1998.

25. Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов, 1998.

26. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999.

27. Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999.

28. Языковая личность: проблемы креативной семантики. Волгоград, 2000.

29. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000.

30. Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001.

31. Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. Волгоград, 2001.

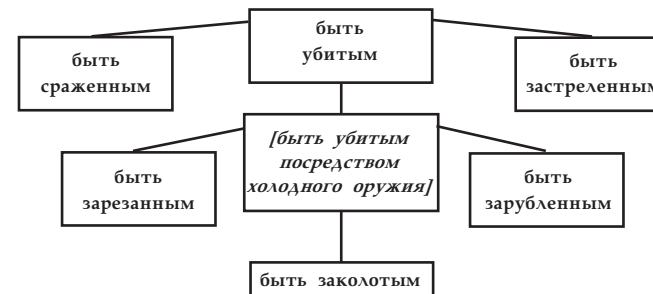
В. Б. Гольдберг

Тамбовский государственный университет

ЛАКУНАРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Предметом настоящего исследования является лексико-фразеологическое поле (ЛФП) «Биологическое существование человека». Выполненный анализ показал, что выбор в качестве материала исследования лексики, обозначающей аномальные явления, позволяет выявить большое число элементов разного типа и структурных связей между ними.

Изучение ЛФП было начато с построения иерархии элементов. В этой модели обнаружилось элементы разных типов. Элементами первого типа являются слова и фразеосочетания. Когнитивный подход позволил увидеть элементы еще двух типов. Элементами второго типа являются концепты, выраженные словами и фразеосочетаниями, т.е. лексикализованные концепты, или лексикализованные элементы рассматриваемой системы. Кроме того, в иерархии появляются «пробелы», пустые клетки, то есть позиции, занятые нелексикализованными концептами, или элементами третьего типа – нелексикализованными элементами системы. Нелексикализованный элемент может быть выражен описательным путем – его метаязыковым описанием (на схеме нелексикализованный элемент указан курсивом в квадратных скобках).

Нелексикализованный концепт следует отличать от семемы, представленной в контексте не собственной лексемой, а опосредованно. В следующем примере представлена семема единицы «быть заре-

занным» – «быть убитым посредством ножа»: ...помимо опасности **погибнуть** от ядра и клинка при абордаже или *от ножа* приятеля при делении добычи, пиратов в дальних плаваниях косили цинга и голод (Комсомольская правда, 1997). Семема единицы «быть зарезанным» опознается благодаря элементам контекста «погибнуть» и «от ножа». Это – именно семема, то есть лексикализованный концепт, так как в системе языка за ним закреплена стандартная, общеизвестная лексема. В отличие от нее описание «быть убитым холодным оружием» представляет нелексикализованный концепт. Данное описание не может представлять семему, так как в системе языка нет стандартной общеизвестной лексемы, которая была бы закреплена за данным концептом.

В ходе анализа были выявлены две разновидности нелексикализованных элементов. Первая разновидность нелексикализованных элементов соответствует обобщающим классифицирующим концептам в классификации И. А. Стернина (1998: 27–30) Данные элементы были обнаружены нами при попытке найти идентификатор для нескольких стандартных языковых элементов, которые вместе могли бы быть противопоставлены в оппозиции другому элементу. Так, для элементов «быть зарезанным», «быть заколотым» и «быть зарубленным» обобщающим их идентификатором является уже приводившийся нелексикализованный элемент [быть убитым посредством холодного оружия]. Идентифицирующий элемент необходим в целях построения исчерпывающей классификации элементов. Мы предлагаем для обозначения нелексикализованных элементов, выполняющих обобщающую функцию в классификации, термин «классификационный элемент».

Классификационные элементы выполняют функцию идентификации и обобщения не только стандартных языковых элементов, но и иных нелексикализованных элементов, а также совокупности тех и других. Например, как в русской, так и в английской подсистемах классификационный элемент [быть убитым посредством орудия] идентифицирует два других – более конкретных – классификационных элемента: [быть убитым посредством механического орудия] и [быть убитым посредством экологического орудия]. Классификационный элемент [быть убитым посредством сдавливающего предмета] идентифицирует в русской подсистеме языковой элемент «быть задущенным» и классификационный элемент [быть убитым посредством тяжелого сдавливающего предмета].

Вторая разновидность нелексикализованных элементов соответствует внутриязыковым и немотивированным межъязыковым ла-

кунам в классификации И. А. Стернина. Такие элементы мы обозначаем термином «лакунарный элемент». Лакунарные элементы в большинстве случаев не имеют гипонимов и в иерархиях занимают позицию в нижнем ярусе. Например, лакунарные элементы [быть убитым посредством атомного оружия], [быть убитым посредством нейтронного оружия] представляют для подсистем русского и английского языков внутриязыковые лакуны. Элемент [быть убитым в результате ударов камнями] является лакунарным в русской подсистеме; в английской подсистеме соответствующий концепт лексикализован – *be stoned*. С другой стороны, лакунарный элемент английской подсистемы – [быть убитым посредством нижних конечностей человека или животного] – соответствует лексикализованному в русской подсистеме элементу «быть затоптанным». Единицы одного языка, с которыми традиционно соотносят межъязыковые лакуны, фактически имеют соответствия в концептосфере носителей другого языка – ими являются нелексикализованные элементы. Например, единицы *be brained* «быть убитым ударом по голове», *be bowstrung* «быть убитым путем перетягивания горла шнурком» имеют соответствия в концептосфере носителей русского языка в виде нелексикализованных элементов – лакунарных концептов.

Классификационные элементы представляются более важными для структуры, так как при их устранении соседние звенья структуры лишаются скрепляющего узла, нарушается истинная картина того, как мы воспринимаем и концептуально отражаем окружающий мир. Роль лакунарных элементов не столь значительна, так как их можно добавлять или устранять из структуры без ее разрушения.

Таким образом, выявленные нами в иерархических подсистемах нелексикализованные элементы описаны в лингвистической литературе как лакуны. Однако мы рассматриваем их в ином аспекте – не в ряду концептов, лишенных стандартных языковых средств выражения, а в ряду концептов, имеющих разные формы языкового выражения (лексикализованные и нелексикализованные концепты). Этим объясняется то, что в нашем изложении за элементами третьего типа закреплен термин «нелексикализованный элемент».

Идея единения слова, его значений и соотносительных с ними концептов была высказана Д. С. Лихачевым. Для такого объединения им предложен термин «идеосфера» (Лихачев 1993: 4). Пользуясь этим термином, можно определить систему, включающую элементы исследуемого ЛФП и соотносительные с ними лек-

сикализованные и нелексистализованные элементы, как участок идеосферы, ограниченный лексико-фразеологическим полем «Биологическое существование человека» и соотносительным с ним участком концептосферы. Такой участок идеосферы мы называем «идеополем».

Идеополе представляет собой некоторый симбиоз – объединение разнородных элементов: единиц словаря и репрезентируемых ими концептов, содержание которых может быть выражено стандартной лексической единицей или метаязыковым описанием. Возможность подобного «полисистемного анализа» отмечает А. В. Бондарко. Такой анализ, по его мнению, «в отличие от моносистемного, направлен на изучение единств, охватывающих не только однородные, но и разнородные, разноуровневые элементы» (Бондарко 1998: 97). Идеополе объединяет содержательно сближенные концепты, репрезентируемые с разной степенью полноты языковыми средствами, и стандартные языковые средства (слова и фразеосочетания), частично репрезентирующие эти концепты.

Для построения адекватной модели ЛФП как структуры, выражающей и хранящей знания человека, необходим его анализ в когнитивном аспекте. Таким образом, идеополе представляет собой коррелят ЛФП в когнитивном аспекте. Идеополе – это новая категория, в которой объединены ЛФП и выраженный языковыми средствами участок концептосферы, соотносительный с лексико-фразеологическим полем. В структуре идеополя мы выделяем два уровня: 1) языковой уровень – уровень слов и фразеосочетаний; 2) концептуальный уровень – уровень репрезентируемых ими лексикализованных и нелексистализованных концептов. В пределах идеополя вычленяются подсистемы: идеогруппа, идеоподгруппа и более мелкие идеоподсистемы.

На основании типологии объединяемых элементов идеополя выделены три класса отношений и связей. Для этих классов мы предлагаем следующие термины:

- семантическое отношение и связь – это отношение и связь между элементами ЛФП. Семантическое отношение и связь реализуются на материале стандартных языковых единиц, то есть имеют языковые реализации;

- концептуальное отношение и связь – это отношение и связь между элементами концептуального уровня идеополя. Концептуальное отношение и связь имеют концептуальные реализации, то есть реализуются на материале концептов – лексикализованных (в словах и фразеосочетаниях) и нелексистализованных, но получающих описательное языковое выражение;

- межуровневое отношение и связь – это отношение и связь между элементами языкового и концептуального уровней. Межуровневая связь часто выступает в виде репрезентации.

В связи с тем, что в организации идеополя участвуют отношения и связи между элементами языкового (ЛФП) и концептуального уровней, необходимо выработать методику, которая позволила бы соотнести по содержанию элементы концептуального уровня друг с другом и с элементами ЛФП. Исходным является требование сравнить элементы по объему (тождество, включение, пересечение) и по содержанию (близость, контраст). В качестве методики мы предлагаем сравнение метаязыкового описания этих элементов. Мы считаем, что метаязыковым описанием является:

- для элементов ЛФП – семный состав семемы;
- для лексикализованных элементов – семный состав элемента ЛФП, посредством которого лексикализован соотносительный концепт;
- для нелексистализованных элементов – их описательное выражение.

Метаязыковое описание нелексистализованного элемента может быть соотнесено с перечислением сем, составляющих семему слова или фразеосочетания. Мы предполагаем, что компоненты описательного выражения различаются между собой аналогично семам в семеме. Компоненты метаязыкового описания могут быть интегральными и дифференциальными, относиться к ядру или периферии описательного выражения. Например, в метаязыковых описаниях нелексистализованных элементов [испытывать нарушенную жизнедеятельность организма] и [испытывать нарушенную жизнедеятельность организма вследствие внутренних изменений] представляется возможным выделить интегральный компонент: «испытывать нарушенную жизнедеятельность организма». Во втором элементе выделяется дифференциальный компонент «вследствие внутренних изменений».

Нелексистализованные элементы участвуют в структурных связях наряду с языковыми элементами. В реализациях некоторых связей, как правило, участвуют нелексистализованные элементы, например, в гиперо-гипонимической конъюнктивной связи. Языковые элементы «быть посаженным на электрический стул» и *be electrocuted* конкретизируют два нелексистализованных гиперонима: [быть казненным посредством химического орудия] и [быть казненным на сооружении].

Некоторые типы структурной связи обнаружены только на материале одного из языков, что связано с наличием или отсутстви-

ем определенных нелексикализованных элементов в идеополе. Например, в английском идеополе выявлена гиперо-гипонимическая дизъюнктивная связь. Ее существование обусловлено единицей *be mown down*, толкуемой дизъюнктивно: *If someone is mown down, they are killed violently by a vehicle or gunfire* (Collins). Элемент *be mown down* выступает как гипоним по отношению к двум гиперонимам – нелексикализованным элементам: [быть убитым артиллерийским огнем] и [быть убитым транспортным средством]. Существование данных нелексикализованных элементов в русском идеополе можно предполагать, исходя из их наличия в соотносительном участке английского идеополя. В русском идеополе на базе языковых элементов выявить данные нелексикализованные элементы не представляется возможным. Это, на наш взгляд, говорит о меньшей актуальности соответствующих концептов для носителей русского языка.

Заслуживает внимания структура иерархической подсистемы, организованной гиперо-гипонимической межуровневой связью, то есть связью «репрезентация», в которой участвуют языковые и нелексикализованные элементы. Такая структура обладает динамичностью, что обусловлено динамичностью гиперо-гипонимической цепочечной связи. Как правило, узлы верхнего и нижнего ярусов заняты стандартными языковыми элементами, срединные узлы – нелексикализованными элементами. Такая реализация гиперо-гипонимической цепочечной связи имеет смешанный характер и способна сворачиваться до языковой реализации. Динамичность гиперо-гипонимической цепочечной связи определяет существование двух структурных форм иерархической подсистемы – языковой и смешанной. Языковая структурная форма основана на свернутой (семантической) гиперо-гипонимической связи, смешанная – на развернутой (межуровневой) гиперо-гипонимической связи. Например, свернутая семантическая гиперо-гипонимическая связь между элементами «быть убитым» и «быть зарезанным» разворачивается до смешанной гиперо-гипонимической многозвенной цепочки: «быть убитым» – [быть убитым посредством орудия] – [быть убитым посредством механического орудия] – [быть убитым посредством механического оружия] – [быть убитым посредством холодного оружия] – «быть зарезанным». Аналогичный вид принимает развернутая гиперо-гипонимическая связь в английской подсистеме – например, между гиперонимом *be killed* и гипонимом *be butchered*, гиперонимом *die* и гипонимом *starve to death*.

Динамичность связи и структуры наиболее очевидна в коммуникативном процессе. Сталкиваясь с невозможностью выразить некоторое содержание средствами языка, говорящий переходит к использованию нелексикализованных элементов, передавая их содержание описательно. Происходит «пружинное» развертывание гиперо-гипонимической связи и последующее ее свертывание. В процессе коммуникации две структурные формы поочередно взаимозаменяют друг друга, как бы «переливаясь» одна в другую. Динамический процесс свертывания и развертывания гиперо-гипонимической связи представляет механизм соединения элементов суперординатного и базисного уровней иерархии. Развертывание гиперо-гипонимической цепочечной конфигурации отражает наше углубляющееся знание о мире и стремление его систематизировать и объективировать – хотя бы описательным путем.

Нелексикализованные элементы и связи, в которых участвуют нелексикализованные элементы, не видны – о них сигнализируют семантические связи. По связям между языковыми элементами исследователь узнает о нелексикализованных элементах и связях, в которых они участвуют. Рассмотрим на примере связи «тяготение» процессы, посредством которых устанавливается соотношение между связями разных уровней идеополя, с точки зрения исследователя. Связь «тяготение» формируется на основе содержательной близости между такими семами, как, например, «ухудшение жизнедеятельности организма» и «нарушенная жизнедеятельность организма».

Связи, в которых участвуют нелексикализованные элементы, актуализируются в речи. Это подтверждает реальность нелексикализованных элементов. Так, в следующем примере актуализируется связь «вероятностное тяготение» между нелексикализованным элементом [испытывать нарушенную вследствие болезни жизнедеятельность организма, создающую вероятность смерти] и глаголом *go* «умереть»: *His heart is very weak. He may go at any time* (Activator). Нелексикализованный элемент в этом контексте представлен имплицитно. На него указывает предложение *His heart is very weak*. Связь «вероятностное тяготение» актуализируется также имплицитно.

Анализируя структурные связи, мы исходим из того, что связи отражают структуру нашего знания об окружающем мире. Отражение истинной структуры знания дают связи в идеополе: семантические связи и связи, в которых участвуют нелексикализованные элементы.

Бондарко А. В. Аспекты системного анализа грамматических единств// Русистика: лингвистическая парадигма XX в. Сб. ст. в честь проф. С.Г.Ильенко. С.-Пб., 1998. С. 95–105.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка//Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.

Стернин И. А. Национальная специфика мышления и проблема лакунарности//Связи языковых единиц в системе и реализации: межвуз. сб. науч. тр. Тамбов, 1998. С. 22–31.

В. М. Топорова

Воронежский государственный университет

ЛОГОСХЕМА КАК МЕДИАТОР КОНЦЕПТА В СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА

В рамках когнитивного подхода традиционная для отечественной лингвистики проблема соотношения мышления и языка получила особую актуальность и новую терминологическую разработку, в частности, при обсуждении характера соотношения концептуальной и языковой картин мира. Актуальными темами когнитивного исследования являются соотношение концепта и языкового значения, характер, возможности и пределы вербальной репрезентации концептов сознания (в языковой семантике), природа языкового значения, его представленность в системе языка и механизмы функционирования в речи. Зависимость значения слова от особенностей контекста его употребления вновь актуализирует идею значения слова как его употребления. Значение слова формируется в речи. Системное значение относится к области языка, речь – сфера порождения смысла.

В русле этих тенденций мы предприняли попытку лингвистического описания концепта «форма» (исходя из понимания формы как пространственно-геометрической конфигурации предмета) на основе исследования характера его репрезентации в русском и немецком языках на макро- и микроуровнях. Материалом исследования послужили русские и немецкие обозначения эталонов пространственной конфигурации, на которые человек опирается в процессе восприятия и определения формы предметов. Наше исследование выявляет несколько типов наименований эталонов формы: геометрические

кие номинации (круг, квадрат, конус и т. д.), названия предметно маркированных эталонов (гриб, груша, сердечко и т. д.) и названия сложно-составных конфигураций (елочка, ежик и т. д.).

Сопоставление русских и немецких номенклатурных названий формы выявляет, наряду со сходством, специфику, обусловленную наличием специфических эталонов формы, а также специфику образной основы номинации в двух языках общей пространственной конфигурации («елочка» – у русских, «рыбья кость» – у немцев).

На микроуровне исследовалось семантическое устройство наименований эталонов формы различных типов на основе семного и семного анализа в сочетании с выявлением когнитивных оснований процесса номинации.

В центре нашего внимания были геометрические номинации – названия элементарных геометрических объектов, в том числе «точки», «линии», «угла», которые выступают в виде особых «первоэлементов» формы, поскольку восприятие пространственной формы человеком связано с выделением опорных точек, линий, углов, устанавливающих характер поверхности (кривизны, пересечения граней и т. д.).

С точки зрения когнитивного описания геометрические концепты представляют особый интерес, поскольку дают хорошую ономастиологическую базу исследования, имеют широкий диапазон ментального проявления, будучи связанными в сознании и со сферой логического, рационального, и со сферой наглядно-образного мышления (их особая наглядная данность обусловлена уже онтологически, ибо геометрические представления встроены в сами представления человека об объектах окружающего мира). Со стороны понятийной соотнесенности они обладают обобщающей силой, присущей понятиям, а со стороны наглядной образности обладают большим метафорическим потенциалом. Не случайно геометрические фигуры, составляющие особый класс мифопоэтических знаков, издревле выступали носителями самых разнообразных абстрактных смыслов. В силу этих особенностей геометрические концепты можно рассматривать на различных уровнях знания – научном, обыденном и художественном.

Методика описания характера семантической репрезентации геометрических концептов включает несколько этапов. На первом этапе семантического анализа геометрических номинаций устанавливается денотатная сфера актуализации и характер актуализации геометрического образа, выявляются семемы, реализуемые в конкретных актах употребления геометрических названий в различных аспектах лексической сочетаемости, в том числе в

поэтических текстах. Анализ семного состава позволяет установить характер актуализации геометрического концепта – наглядно-образный или понятийный, то есть на основе эмпирического образа или на основе определенной совокупности признаков. Так, в сочетаниях типа «гончарный круг», «танцевальный круг», «спасательный круг», «квадрат окна», «куб столовой», «треугольники кипарисов» актуализируется наглядно-эмпирический образ геометрической фигуры. В сочетаниях типа «радиоточки», «торговые точки» актуализируется концептуальный образ точки как «единицы», «элемента множества», в сочетаниях типа «семейный круг», «круг друзей» актуализируется признак «соединенность вокруг общего центра», в сочетаниях «треугольник группы», «любовный треугольник» актуализируется признак «наличие трех взаимосвязанных элементов» (объектов).

Таким образом выявляются два уровня представления геометрического концепта в семантике языковых единиц – гештальтный и уровень концептуального поля. Характерно, что на гештальтном уровне в различных семемах может актуализироваться как статичный геометрический образ, так и динамичный. При этом динамика геометрического образа проявляется в различных аспектах. Так, денотаты геометрических номинаций могут перемещаться в пространстве («бегущие линии проводов»), геометрическая фигура может расширяться и сужаться, разворачиваться в пространстве («квадратик земли расширился»; круг может быть широким и узким; угол может развертываться в пространстве, спираль раскручиваться и выпрямляться и т. д.).

Во фразеологизмах с лексемой «круг» актуализируется несколько видов вращательного движения: в ситуации движения по кругу с возвратом в исходную точку (жизнь идет по кругу), в ситуации «схождения с орбиты» (сойти с круга), возврата на круг (вернуться на круги своя) и т. д.

Второй этап семантического анализа выявляет группировки семем по родовым семам и, соответственно, группировки языковых единиц (сочетаний с лексемами, обозначающими геометрический объект), выделяемые на основании некоего выражаемого ими инвариантного смысла на уровне категориальных признаков денотата. Так, выражения «круг друзей», «дипломатические круги», «круг проблем» и т. д. обозначают группу лиц, предметов, объединенных определенным образом (вокруг общего центра). Выражения «гончарный круг», «танцевальный круг», «Солнца круг» и т. д. обозначают предметы круглой формы. Таким образом выявляются классы де-

нотатов языковых выражений, включающих геометрические номинации, и устанавливаются категориальные признаки класса.

Совокупность данных категориальных признаков выступает в виде некой семантической целостности – логосхемы концептуального класса объектов (класса денотатов), реализующейся в словосочетаниях с геометрическими номинациями. Логосхема включает: 1) категориально-родовое определение концептуального класса, в который включается объект номинации (предмет, предмет-модель, группа объектов, элемент, место и т. д.); 2) классификационные параметры именованных объектов (конфигурация, функция, пространственное расположение и т. д.); 3) квалификационные маркеры класса (круглый, протяженный, направление, последовательность и т. д.). Логосхемы выступают в роли механизмов вторичной категоризации объектов номинации. Так, логосхема *предмет/конфигурация/круглый* выделяет особый концептуальный класс «предметы (объекты) круглой формы». В выражениях «куб столовой», «конус крыши», «треугольники кипарисов» актуализируется логосхема *предмет-модель/несобственная функция/конфигурация (куб, конус, треугольник)*. В выражениях «дипломатические круги», «круг читателей» можно выделить логосхему *группа лиц/система отношений/связь, соединенность вокруг общего*. В выражениях «экологически опасные точки», «горячие точки планеты» представлена логосхема *место/пространственная определенность/средоточие*. Разнообразный характер логосхем свидетельствует о разнообразии номинативного акта в целом.

Логосхемы представляют определенный «срез» геометрического концепта, отражают характер (способ) актуализации геометрического образа в соответствующем употреблении его названия: целостный образ, статичный или динамичный, характер его трансформации, или концептуальный образ геометрического объекта в той или иной совокупности признаков, воспроизводимых при обозначении соответствующего класса денотатов. Таким образом, логосхемы выводят исследователя на концепт, выступают в роли посредников, в медиативной функции (от «медиатор»), в роли переходных механизмов, механизмов перевода, ввода концепта в семантическое пространство языка, задающих направление возможного семантического развития геометрической номинации. При этом в индивидуально-авторском преломлении геометрического образа в художественном тексте возможно конструирование не общепринятой логосхемы (не проявляемой системно). Следует заметить, что в лексикографических справочниках при определении системных значений многозначного слова часто описываются по сути «обще-

принятые» в языке логосхемы, что однако не дает основания отождествлять логосхемы с системными значениями. Исследователи семантики часто сталкиваются и с неполнотой, и с тавтологичностью, а иногда и явной некорректностью представления системных значений слова. Наблюдаются расхождения лексикографического описания многозначного слова с характеристиками реально выявляемой семантической структуры на базе семем, реализуемых в различных актах дискурса.

Логосхемы в нашем понимании по своей природе отчасти могут быть сопоставимы скорее с «нелексикализованными элементами смысла», выявляемыми в современных когнитивных исследованиях.

Через логосхемы мы выходим на область семантических проекций концепта на денотатную область – так называемые «семантические матрицы», представляющие способы вхождения концепта в семантическое пространство языка. Причем сопоставление языков выявляет наряду с общностью семантического структурирования (преломления) концепта специфические черты, свидетельствующие о различии семантики разных языков на категориальном уровне. Так, для русской лексемы «точка» специфична логосхема *элемент множества/принадлежность системе/системная единица*, реализуемая в выражениях типа «радиоточки», «торговые точки». Для немецкой лексемы *Punkt* специфична логосхема *элемент множества/часть в составе целого/счетная единица* в значениях «раздел», «параграф», «очко», «балл», «пункт», «вопрос».

В целом разграничение семемного уровня представления концепта и уровня семантических матриц связано с разграничением уровня системно закрепленного семантического структурирования концепта и уровня возможного семантического варьирования при вербальном представлении системно заданного инварианта смысла. При этом семантическое структурирование концепта не покрывает полностью содержания репрезентируемого концепта. В зоны семантического структурирования (в нашем случае осуществляемого на основе многозначного слова) втягивается лишь определенная часть (конфигурация) признаков. При этом инвариантная логосхема может в каждом конкретном акте употребления лексемы погружаться в индивидуальную для говорящего сферу ассоциаций, придающую индивидуальную окраску, особые «обертонны» смыслу, стоящему за звучащим словом (высказыванием).

В целом можно было бы схематически изобразить концепт как переливающийся на фоне семантического пространства многозначного слова в сформированные для него языком семантические матрицы.

МЕТОДИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТОВ

Ю. Т. Листрова-Правда

КОНЦЕПТ БОГ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКОГО НАРОДА

При выявлении концептов, их национально-культурной специфики в языковом сознании того или иного народа исследователи наряду с данными толковых словарей нередко используют пословичный и поговорочный материал¹. Такой материал лег в основу и нашей работы.

Концепт, представленный словами *Бог, Господь*, в языковом сознании русского народа складывался на протяжении веков. Ценнейший материал для выявления признаков этого концепта содержит сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа». При собирании на протяжении десятков лет на огромной территории России интересующего его материала Даль не производил отбора текстов, что обусловило большую ценность и его «Толкового словаря живого великорусского языка», и его сборника пословиц. Многие русские писатели и ученые рассматривали пословицы, собранные Далем, как выражение подлинного мировоззрения русского народа

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даль так определяет значение слова *Бог* (с прописной буквы): «Творец, Создатель, Вседержитель, Всевышний, Всемогущий, Предвечный, Сущий, Сый, Господь, Предвечное существо, Создатель вселенной», т. е. отражено христианское представление о единственном и всемогущем творце мира.

В этой же словарной статье указывается и другое значение слова *бог* (со строчной буквы): «высшее существо по понятиям того народа, о коем говорится, а потому боги мн. означает и мнимых создателей и управителей вселенной у различных идолопоклонников, и самые идолы или истуканы их зовутся богами, божками»². В качестве иллюстративного материала при этом В. И. Далем приводятся, как считают ученые, в частности проф. Мокиенко³, пословицы русского народа (некоторые из них помещены и в сборник пословиц), в которых говорится о славянских языческих богах периода перехода от язычества к христианству: *Где жить, тем богам и*

молиться. Не гони бога в лес, коли в избу влез. Счастлив твой бог. Каков бог, такова ему и свечка. Что тому богу молиться, который не милует. Не тому богу попы наши молятся, чтут мамона. Плохого бога (идола) и телята лизут. Но таких пословиц немногим более десятка. Приведенные выше примеры, однако, позволяют выделить в языковом сознании славян-язычников признаки богов: 1) боги являлись предметом поклонения, им молились славяне; 2) каждый из богов был «закреплен» за определенной, «своей» территорией; 3) из леса боги могли проникать в жилище славян; 4) боги могли быть хорошими или плохими; 5) они могли быть изображены в виде идолов, истуканов, которые тоже назывались богами.

Основная же лекса пословиц и поговорок в сборнике содержит слово Бог, написанное с прописной буквы (их свыше 700). И именно интерпретация смысла этих пословиц и поговорок позволяет выявить с наибольшей полнотой признаки концепта, представленного словом Бог (с прописной буквы), т.к. в значении этого слова, данного Далем в «Толковом словаре живого великорусского языка», представлен этот концепт лишь частично.

Признаки концепта Бог, вербализованного словами Творец, Господь, Спас, в пословицах, собранных Далем, таковы:

1. «Творец и управитель вселенной и всего сущего»: У Бога света с начала света все доспето. Старый месяц Бог на звезды крошит. После дожличка даст Бог солнышко. В мале Бог, и в велике Бог. Божья рука – владыка. Бог попускает, и свинья гуся съедает. Даст Бог день, даст и пищу.

2. «Имеющий полную власть над людьми и в загробной жизни»: Человек ходит, Бог водит. Чего Бог не найдет, того человек не понесет. Человек предполагает, а Бог располагает. Бог не захочет, и пузырь не вскочит. Божеское не от человека, а человек от Бога. Без Бога ни до порога. Рыбку да утку встанью взять, а малых деток Бог дает. Дай, Бог, деток, да дай и путных. У кого деток много, тот не забыт от Бога. Все в мире творится не нашим умом, а Божьим судом.

3. «Единый для всех людей»: Бог один, как ни прозывай его. Все под Богом ходим, хоть и не в одного веруем. Все один Бог, что у нас, что у них (у иноверцев). Бог один, да молильщики не одинаковы.

4. «Всевидящий и всезнающий»: Один только Бог видит (и слышит) нас. Бог не дремлет – все слышит. Бог лучше знает, что дать, чего не дать. Бог видит, кто кого обидит. Бог видит,

да нам не сказывает. Перед попом утаишь, а перед Богом не утаишь. Бога не обманешь, хотя и раньше нашего встанешь.

5. «Любящий, жалеющий и утешающий всех»: Ни отец до детей, как Бог до людей. Всяк про себя, а Господь про всех. Бог не как свой брат, скорее поможет. Бог все милует. Дает Бог и цыгану. Кого Бог любит, того наказует. Бог по силе крест налагает. Не по грехам нашим Бог милостив. Только Богу и плакаться. Страшен сон, да милостив Бог. От всякой печали Бог избавляет.

6. «Не терпящий обмана, несправедливости, одинаково наказывающий за грехи»: Бог не в силе, а в правде. Бог уста льстивых погубляет. Ни хитру, ни убогу, ни горазду, ни богату суда Божьего не миновать. Бог всякую неправду сыщет. Перед Богом все равны (холопы, рабы Божьи). Кто правды желает, тому Бог помогает. Хороша правда-матка, да не пред людьми, а перед Богом.

7. «Любящий и помогающий тем, кто много трудится, делает добрые дела»: Кто рано встает, тому Бог подает. Бог-то Бог, а и сам не будь плох. Богу молись, а к берегу гребись. Богу молись, а добра-ума держись. Кто добро творит, того Бог благодарит. Без добрых дел вера мертва перед Богом. Милостивому Бог подает. Доброму Бог помогает.

8. «Помогающий вдовам, сиротам, бедным»: Где голь берет? – Голи Бог дает. И бедный украдет, да его Бог прощает. Гол да наг тому дивится, чем он живет. – Ан Бог помогает. За сирого сам Бог с калитой. Сырый да вдовый плачут, а за сирого да вдового сам Бог на страже стоит.

9. «Любящий тех, кто верит в Бога, живет по Божьим заповедям»: Кто любит Бога, добра получит много. Кто к Богу, к тому и Бог. Богу молиться всегда пригодится. В ком Бог, в том и стыд (страх). Как ни живи, только Бога не гневи.

10. «Осуждающий обидчика»: Бог обидчика сыщет. Обидящим Бог судья. Суди Бог того, кто обидит кого.

11. «Прощающий того, кто раскаивается в грехах»: По дважды Бог за одну вину не наказывает. За прощенную вину и Бог не учит. Виноват, да повинен – Богу не противен.

12. «Много терпевший и любящий терпеливых»: Бог терпел и нам велел. Не плачься, Бог лучше полюбит. За терпенье даст Бог спасенье.

13. «Единственный, кого надо бояться»: Не боится никого, кроме Бога одного. Начало премудрости – страх Господен. Бог не дремлет. Ничего не боюсь, только Бога боюсь. От Божьей власти (кары) не уйдешь.

14. «Стоящий выше царя, князя»: *Бог – батька, государь – дядька. Одному Богу государь ответ держит. Без Бога свет не стоит, без царя земля не правится. Кто Богу не грешен – царю не виноват.*

15. «Прихотливый, непредсказуемый в «раздаче» милости людям»: *И рано встал, да Бог не пристал. Не у всякого жена Марья, а кому Бог даст. С Богом не поспоришь. Иному Бог дал, иному показал. Все показал Бог, да не все дал. И Бог на всех не угодит.*

16. «Противостоящий дьяволу (черту, сатане), искушающему людей, толкающему на дурные поступки»: *Горе от Бога, а неправда от дьявола. Бог любит праведника, а черт ябедника. От Бога отказаться – к сатане пристать. Бог дает путь, а дьявол крюк. Бог дал родню, а черт вражду. Послал бог работу, да отнял черт охоту. Черт мощну тачает, а скряга ее набивает. Богатому деньги черти куют.*

17. «Дающий силу и уверенность тем, кто противится дьяволу»: *Бог дал, а с чертом потягаемся. Не поддавайся черту, так ему и власти над тобой не будет.*

18. «Бог безгрешен»: *Один Бог без греха. Один Бог безгрешен.*

19. «Делит власть над людьми со св. Николаем (Николой)»: *На поле Никола – общий Бог. Бог не убог, а Никола милостив. Нет за нас поборника супротив Николы. Проси Николу, а он Спасу скажет. Лучше брани: Никола с нами. Никола на море спасает. Никола мужику воз подымает.*

Приведенные выше примеры позволяют выделить концептуальные признаки Николы в языковом сознании создателей пословиц: 1) «выполняющий на поле (где крестьяне работают) «функцию» общего Бога», 2) «спасающий людей на море и помогающий крестьянам на земле», 3) «самый главный защитник простых людей», 4) «милостив к людям», 5) «пользующийся особым расположением Бога, так что может за просящих замолвить у Бога слово».

Как считает В. Мокиенко, Никола в русском религиозном сознании занимал исключительное место и приближался по степени почитания к Богородице и даже к самому Иисусу Христу. Иностранцы, бывавшие на Руси в XVI-XVIII веках, единодушно отмечали, что Николу поклоняются, как самому Богу, а Николин день считается важнейшим праздником, предпочитаемым даже Пасхе. Именно «иногородцы» начали называть этого святого «русским богом». Далее В. Мокиенко пишет, что в разного рода быличках нередко рассказывается об «иноверцах» (татарах, бурятах и др.), которые спасались от утопления или от медведя именно потому,

что вовремя воззвали к «русскому богу». Эта «спасительная» функция Николая породила пословицу *Велик русский бог* или *Русский бог велик*. В народном обиходе эта пословица приобрела со временем особый иронический оттенок и получила шутовское развертывание: *«Русский бог – авось, небось, да как-нибудь»*⁴.

В этой способности «шутить над своими богами, даже над столь высокочтимым на Руси «русским богом», как Никола», проявляется, как считает В. Мокиенко, сила народного характера, нередко сочетающего «готовность верить с беспшашным безверием». Корни такого «двоеверного безверия» уходят в далекое языческое прошлое, когда славяне, как и все языческие народы, поклонялись идолам и кумирам»⁵.

Таким образом, интерпретация пословиц и поговорок русского народа выявляет несколько групп признаков рассматриваемого концепта. С одной стороны, это большая группа признаков, вербализованных словами *Бог* (с прописной буквы), *Господь*, *Творец*, *Спас* (со значением «создатель и управитель мира»), с другой – признаки, представленные словом *бог* (со строчной буквы) со значением «один из множества языческих богов», третья группа признаков обозначена словом *Никола* и сочетанием *русский бог*, и, наконец, четвертый признак представлен словосочетанием *«русский бог – авось, небось и как-нибудь»* (со значением «беспечность, неосмотрительность, разгильдяйство»).

В последние годы получило распространение признание концепта в языковом сознании народа как основной единицы ментальности⁶. Национально-культурное своеобразие концепта как единицы ментальности данного народа выявляется при сопоставительном изучении соотносительных концептов в языковом сознании разных народов. Л. И. Зубковой было проведено сопоставление концепта Бог в русской и английской паремиологии⁷. В результате этого изучения было установлено: 1) в обоих языках пословицы и поговорки отражают христианское представление человека о «создателе и управителе» вселенной; отмечено также восприятие Бога, подчеркивающее активную позицию человека (например, *God helps them that help themselves = На Бога надейся, а сам не плошай*); 2) основная группа признаков концепта Бог представлена в русской паремиологии более широко, чем в английской паремиологии; 3) в модель концепта Бог в русской паремиологии входят некоторые признаки, отсутствующие в английской модели: а) «не перестающий любить даже тех, кто грешил» (*Не по грехам нашим Бог милостлив*); б) «много терпевший и в этом являющийся приме-

ром для людей» (*Бог терпел и нам велел*); в) «любящий тех, кто его любит» (*Кто к Богу, к тому и Бог*); г) «единственный, кого надо бояться» (*Не бойся никого, кроме Бога одного*); д) «стоящий выше царя» (*Бог – батька, государь – дядька*); е) «избирательный в своей любви» (*Кто рано встает, тому Бог дает*); ж) «не терпящий обмана» (*Бог всякую правду сыщет*). Нет в английской модели концепта и признаков, вербализованных в русских пословицах и поговорках словосочетаниями «русский бог Никола» и «русский бог – авось, небось и как-нибудь»; 4) лакунарными для русского языка являются, в свою очередь, следующие признаки концепта Бог, выявленные в английской паремиологии: а) «любящий сильных» (*God is always on the side of the big battalions = Бог всегда на стороне сильных*); б) «воля народа – воля Бога» (*The voice of the people is the voice of God = Народ – глас божий*); в) «присутствие Бога – залог успеха» (*God's in his heaven, all's right with the world = Бог на небе – все в мире нормально*).

В пословицах и поговорках русского народа, собранных В. Далем, Божьи дела отделяются от дел священнослужителей. В некоторых пословицах говорится о жадности попов, об их нерадивом отношении к своим обязанностям: *Поп сидя обедню служит, а миряне лежа Богу молятся. Деньга попа купит и Бога обманет* (т.е. *поп грехи скроет*).

Отграничение дел Божьих от церковных провозглашает английская пословица *Чем ближе к церкви, тем от Бога дальше* (*The nearer the church, the farther from God*).

Анализ русских пословиц, содержащих слово Бог, в определенной мере подтверждает высказывание В.Г. Костомарова: «Поиск национальной специфики традиционно идет по пути выискивания уникальных черт, но это тупиковый путь. Истинное отличие культуры нации в особом, только ей свойственном наборе общечеловеческих черт, в неповторимом их сочетании. И русскую идею никак нельзя свести ни к особой религиозности, ни к безбожию, но противоречивое смешение этих имеющихся внутри любого этноса крайностей в России действительно уникально»⁸. Однако сопоставительное изучение концепта Бог в русской и английской паремиологии выявило наличие не только общих, но и уникальных признаков в модели данного концепта у двух народов.

Входящие в сборник Даля пословицы уходят корнями в разные периоды русской истории – от самых древних до середины XIX в. За прошедшие полтора столетия отношение в обществе к религии несколько раз радикально изменялось. В 1917 г. был принят дек-

рет «Об отделении церкви от государства», а фактически – от народа. Что потом последовало для церкви и народа, все помнят. Патриарх Тихон, как известно, называл Октябрьскую революцию сатанинским делом, угрожал народу, что тот за революцию «подлежит огню геенскому в жизни будущей загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной»⁹. В 1922–1929 гг. функционировала Антирелигиозная комиссия Политбюро ЦК партии, задача которой, по словам Ем. Ярославского, должна была заключаться в том, чтобы «на место религиозного миропонимания поставить строгую коммунистическую научную систему, обнимающую и объясняющую вопросы, ответы на которые до сих пор крестьянская и рабочая масса искала в религии»¹⁰. Подводя итоги 20-летнего периода после принятия декрета об отделении церкви от государства, Ем. Ярославский пришел к выводу, что религиозный пережиток «подорван в сознании масс», однако вынужден был признать, что «религиозные пережитки являются наиболее живучими из всех пережитков опрокинутого революцией общественного строя и не отмирают сами без борьбы»¹¹. И борьба велась на всех уровнях общественной жизни. Существовал неофициальный запрет на посещение церкви и богослужений для всех работающих и для всех учащихся в вузах. Это знали все (ослушников прорабатывали на собраниях, из учебных заведений преподавателей могли и уволить, а из партии и комсомола исключить)¹². Таким образом, страх Божий, страх наказания за грехи, за безбожие, на котором держалась вера в Бога, сменился для многих граждан страхом понести наказание за веру в Бога, за посещение церкви, крещение ребенка или венчание. В немногие оставшиеся после разрушения и закрытия храмов действующие церкви ходили в основном неработающие представители старшего поколения. Иностранцам же объясняли, что это в основном «малообразованные, темные люди».

Однако число верующих мало изменилось. Как говорится, свято место пусто не бывает. Кто истинно верил в Бога, верен ему и остался. У тех же россиян, у которых, как писал Ем. Ярославский, главный идеолог антирелигиозной работы в стране, «религиозный пережиток был подорван», вера в Бога перелилась в веру в коммунизм – в светлое будущее для всех трудящихся на земле. Многими нравственными качествами, которыми русский народ издавна наделял Бога, он стал наделять Ленина, а затем Сталина. Александр Твардовский в стихотворении, написанном на следующий день после смерти Сталина, признавался от имени миллионов народных масс: «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как

может быть, не верили себе». После разоблачения культа личности Сталина «свято место» заполнить было уже трудно, хотя и были распространены лозунги: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи», «Партия – наш рулевой», которые направляли веру народа в сторону коммунистической партии.

В последнее десятилетие все вернулось на круги своя, и церковь стала постепенно занимать по многим позициям то положение в обществе, которое она занимала до революции. Что же касается концепта Бог в языковом сознании русского народа на рубеже тысячелетий, то на этот вопрос ответить не просто. В сознании истинно религиозных людей, исповедующих православие и ведущих соответствующий, определенный церковью образ жизни (они составляют, по некоторым сведениям, 10% населения), концепт Бог сохраняет все те признаки, которые отражены в текстах священного писания и богословской литературы. Что же касается так называемых «околоцерковных» людей, хотя крещеных, но посещающих церковь от случая к случаю: помянуть родных, окрестить ребенка или приобрести горсть освященной земли для умершего (считается, что это около 40% населения), то в их сознании концепт Бог пока не сформирован окончательно, но тоже обладает многими признаками, характерными для концепта Бог в сознании истинно верующих людей. Однако насколько об этом можно судить по материалам средств массовой информации и личным наблюдениям и беседам, эти признаки более абстрагированы, не так тесно или совсем не увязаны с конкретными эпизодами Ветхого и Нового завета. Не получив в советское время религиозного образования (Библия, как известно, поступила в свободную продажу только в последние 10 лет), многие из так называемых «околоцерковных» людей сформировали в своем сознании концепт Бог, как правило, на основе личного жизненного опыта, подкрепленного позже знакомством с религиозной литературой. Число таких людей, по нашим наблюдениям, с каждым годом увеличивается. Концепт Бог в их языковом сознании – еще более таинственное верховное существо, творец мира, наделивший людей душой, совестью, стыдом. И в какой-то мере направляющий их, помогающий тем, кто верит в него, любит его и живет по его заповедям (отсюда вера в божий промысел, божье провидение, в вещи сны, в знаки, которые Бог подает при необходимости выбирать верующими тот или иной путь в жизни). По-прежнему в обществе актуальны многие пословицы о Боге, входящие в сборник Даля, особенно такие, как:

Человек предполагает, а Бог располагает. Кто рано встает, тому Бог подает. Кто любит Бога, добра получит много. С верой в Бога нигде не пропадешь. Бог-то Бог, да и сам не будь плох. Бог шельму метит и др.

В настоящее время концепт Бог у околоцерковных и иных людей активно формируют священнослужители и истинно верующие авторитетные люди – такие, каким в свое время был Д. С. Лихачев, конструкторы космических кораблей и др. В общественном сознании все более утверждается, в частности, мысль, что беды, навалившиеся на наш народ в конце 20-го века, – это результат преступных, безнравственных деяний, в которые вольно или невольно были втянуты и многие массы россиян и в которых они не раскаялись и покаяться (разгром церкви после Октябрьской революции, гражданская война, массовые репрессии, депортация некоторых народов Северного Кавказа, Крыма, Калмыкии и др., разрушение среды привычного обитания малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока и др.).

Изменения в общественном сознании, произошедшие в России в последние десятилетия, нашли свое отражение и в определении значения слова Бог в «Толковом словаре русского языка конца XX века» (С.-Петербург, 1998): *Бог (Б прописная), а, м. Только ед. Верховная сущность, наделенная высшим разумом, абсолютным совершенством, всемогуществом, сотворившая мир и управляющая им». Это определение передает самые главные признаки концепта Бог, сложившиеся в современном языковом сознании представителей самых разных социальных слоев русского народа, в том числе и многих из тех, кто считает себя атеистом. Не случайно впервые за многие десятилетия лексикографической практики в толковании значения слова Бог в указанном выше словаре отсутствуют «уточнения» типа «по религиозным верованиям», «по религиозным представлениям».*

1. Воркачев С. Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // Филолог. науки. М., 1995, № 3; Шаховский В. И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Культурные концепты: Сборник научных трудов. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996.

2. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1955. С. 103.

3. Мокшенин В. М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 1999. С. 206.

4. Там же. С. 207.

5. Там же. С. 208.

6. Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции//Язык и этнический менталитет. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. С. 15 и др.

7. Зубкова Л. И., Листрова-Правда Ю. Т. Образ Бога в английских и русских пословицах//Актуальные проблемы сопоставительного изучения германских, романских и славянских языков. Тезисы докладов научной конференции. Воронеж, 1988. С. 55–56.

8. Костомаров В.Г. Роль русского языка в диалоге культур//Русск. яз. за рубежом. М., 1994. № 5–6. С. 9.

9. Ярославский Ем. Пролетарская революция и церковь//XX-летие отделения церкви от государства. М., 1938. С. 5.

10. Савельев С. Бог и комиссары//Религия и демократия. На пути к свободе совести. II. М., 1993. С. 165.

11. Ярославский Ем. Указанная выше работа. С. 7.

12. Бакулин Б. Несвоевременные воспоминания//Религия и демократия. На пути к свободе совести. II. М., 1993. С. 158–160; Панков Г. О политике советского государства к русской православной церкви на рубеже 50-60 годов//Религия и демократия. II. М., 1993. С. 217–222.

А. В. Медведева

Воронежская государственная медицинская академия

КОНЦЕПТ ДОМ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРАХ

Русская и английская языковые культуры имеют как свои специфические черты, так и определенную общность. Исследование национальной концептосферы, в этом случае, является одним из способов выяснить уникальность и универсальность данной культуры. Понятно, что концепт рассматривается в качестве отправной точки, от которой можно пойти в двух направлениях: во-первых, в сторону изучения концептосферы народа и выявления ее национальных особенностей путем анализа культурно значимых концептов, и, во-вторых, в сторону анализа внутреннего строения кон-

цепта, его так называемых «слоев», что позволит сделать вывод о краеугольных понятиях в сознании носителей определенного менталитета. Сопоставить особенности русского и английского мировосприятия представляется возможным на примере анализа концепта *дом* в обеих культурах.

В русском языке семантическое поле лексемы *дом* включает в себя разнообразные значения. По своей основной семеме Д1 слово *дом* определяется в 4-х томах «Словаре русского языка» так: «Дом – здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий» (МАС, с. 575). Например: *Деревянный дом. Держись друга старого, а дома нового!*

Семема Д2 реализует следующие производно-номинативные значения лексемы *дом*, широко представленные в собранных нами примерах:

1. Семья, люди, живущие вместе: Принять кого-либо в свой дом. Дружить домами.

2. Хозяйство отдельной семьи: *Дом вести, не лапти плести. Жить одним домом (с кем).*

3. Династия, род: *Дом Романовых. Дом этот княжит уже три века.* Это значение получено, на наш взгляд, путем метонимического переноса содержания на форму.

4. Специфические учреждения различного рода: *Дом отдыха. Дом культуры.*

Фразеологически связанные значения лексемы дом в составе устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок могут быть представлены следующими семантическими группами:

1. Родина, родные истоки, место, где живут родители: *Дом* означает здесь свое жилье, свою квартиру, а в более широком смысле – родину, родные места. *Вернуться домой. Вернуться в отчий дом.*

Очевидно, что *дом* и *родина* напрямую не связаны, их связь носит, скорее, ассоциативный характер. На наш взгляд, *дом* понимается как место, где человек родился. Здесь наблюдается процесс метонимизации в цепочке последовательно актуализируемых сем: дом – территория – населенный пункт – страна – родина. Значение *родины* для лексемы *дом*, по всей видимости, является символическим.

2. Нечто святое, очень ценное: *Сгори мой дом (клятва).*

3. Дом – то, у чего обязательно есть хозяин: *Всякий дом хозяином держится.*

4. Дом – умственное и психическое здоровье: *Не все дома у кого (о человеке со странностями).*

5. Дом – место физического и душевного приюта: *Как дома (без стеснения чувствовать, держать себя). Будь, как у себя дома. В гостях хорошо, а дома лучше. Дома и стены помогают.*

Лексема *дом*, будучи употребленной в устойчивых сочетаниях, пословицах и поговорках, приобретает в их составе следующие коннотативные значения: *родина; нечто святое; то, у чего обязательно есть хозяин; умственное и психическое здоровье; место физического и душевного приюта.*

Значения *родины, умственного и психического здоровья, чего-то святого* не являются следствием естественного развития денотативной семемы Д1, а приобретаются в процессе употребления сочетаний с данной лексемой. Следовательно, мы можем рассматривать эти семемы как символические.

Известно, что для выражения семемы *дом* в английском языке имеются две лексемы – *home* и *house*, образующие, соответственно, два комплекса значений (две разных семантемы).

По своему прямому номинативному значению английская лексема *home* толкуется как: место для жилья, дом, жилище; установленное место жительства семейства или домашнего хозяйства; место домашней, внутренней жизни и интересов; собственный дом; жилье, в котором обычно живут, или который расценивается как собственное жилье. Иногда включает всех членов семьи; пространство вокруг дома или домашнее хозяйство (OD, 349).

Производно-номинативное значение этой лексемы (семема Д2) – долгий или последний дом (the long or last home), то есть могила. Это значение отражают такие примеры: *one's last home (букв. последний дом)*; *narrow home (букв. узкий дом)* могила, последнее пристанище. Лексема *home* служит здесь эвфемизмом, обозначая могилу как место последнего пристанища человека. В играх *home* – это место, в котором игрок не подвергается нападению, а также цель, которой стараются достичь.

Собранные и проанализированные нами примеры позволяют выделить основные семантические группы с лексемой *home*. По семеме Д2 эта лексема входит в состав устойчивых сочетаний, представленных следующими смысловыми группами:

1. Семейный очаг, домашний уют, обеспечивающие безопасность и комфорт: *Home and dry (букв. дома и сухо)* в безопасности. *A home from home (букв. дом из дома)* домашняя атмосфера, второй дом (русский эквивалент – как дома).

2. Среда обитания: *At home (букв. дома)* 1) как дома – то есть чувствовать, ощущать себя свободно, непринужденно, как будто бы находишься дома, 2) прием гостей у себя, званый вечер.

В следующих семантических группах лексема *home* реализует коннотативные семемы:

1. Психологический, внутренний мир личности, сознание, душа:

Close to home (букв. приблизиться к дому) *задеть чьи-либо чувства, интересы, то есть задеть за живое. Вторгнуться в дом означает вторгнуться в душу человека, в его неприкосновенный внутренний мир. Дом же понимается как символ души, самых сокровенных чувств. Понимание дома как внутреннего интимного мира души ревниво оберегается в английской культурной традиции.*

2. Предел, край. Выражения *get home* и *drive home* (букв. добраться до дома) имеют общее значение – попасть в цель, в точку, доводить до конца, успешно завершать. То есть, семема лексемы *home* актуализирует в данных выражениях сему конца, края, предела.

3. Разум, психическое здоровье. Американское жаргонное выражение: *Nobody home* (букв. никого нет дома), 1) не все дома, винтиков не хватает, с приветом, 2) витающий в облаках, «отсутствующий».

Таким образом, выделяются следующие производно-номинативные значения лексемы *home*: **семейный очаг, домашний уют и среда обитания**. Фразеологически связанные значения лексемы *home* представлены следующими семемами: *внутренний мир личности, сознание, душа; предел, край; разум, психическое здоровье.*

Очевидно, что дом и *внутренний мир личности, предел и разум* не имеют естественной связи между собой, их связь обусловлена экстралингвистическими факторами. В этом случае, возможно, следует говорить об актуализации семы «внутренний» и ее переосмыслении в сему предела, интимного мира души. Понятие *дом* сужается до «внутреннего мира личности», который становится предельной точкой сознания, дальше которой уже ничего нет. На наш взгляд, эти значения могут быть квалифицированы как символические значения лексемы *home*.

Вторая лексема *house* обозначает дом как здание, как правило, общественного назначения: *The White house* (букв. Белый дом) здание правительства США.

Итак, в английском языке для обозначения семемы *дом* существуют две разные лексемы – *house* и *home*. Обратим внимание, что такое разделение *home* – *house* носит отнюдь не формальный характер, а является релевантным, функционально значимым, что подтверждается практикой употребления этих лексем: Turn

somebody out of house and home (букв. *выгнать кого-либо из дома*). Выгнать, выставить кого-либо из дома. Это пример ситуации полного отторжения человека внешней (house) и внутренней (home) средой.

Эти слова имеют первое словарное значение – дома, жилища, но лексема *house* традиционно употребляется с основной семой «здание, помещение», в то время как в лексеме *home* эта сема в большинстве рассматриваемых случаев не проявляется вообще или играет второстепенную роль. *House*, по-другому, – это условие существования *home*, его внешняя защита, ограничение неприкосновенной территории. Поскольку лексема *house* в английском языке чаще употребляется для обозначения вообще помещения или здания, а лексема *home* – для обозначения дома как семьи, то, по всей видимости, семантическая сфера лексемы *house* включает в себя семантическое пространство лексемы *home*.

Сравнение рассмотренных выше семантем русских и английских лексем позволяет сделать некоторые выводы относительно национально-культурной специфики символического значения. Очевидно, что понятие *дом* в русской языковой культуре расширяется до понятия родины, а в английской символика *home* эгоцентрически сужается до последнего предела внутреннего мира человека. Символическими значениями русской лексемы *дом* можно считать значения *родины, умственного и психического здоровья, чего-то святого*, в то время как для английской лексемы *home* такими значениями будут – *внутренний мир, предел и разум*, а для лексемы *house* – значения *ограждение собственности (стена) и гостеприимства*.

О. В. Ивашенко

Воронежский государственный университет

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РУССКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ

Современный этап развития когнитивной лингвистики характеризуется обращением к культурно значимым концептам как «ячейкам культуры в ментальном мире человека», отражающим национальное сознание народа (Е. С. Кубрякова).

Предметом интенсивных когнитивных исследований выступает сфера мыслительной деятельности человека и интеллектуальные концепты (Логический анализ языка. М. 1988–1991).

Ментальные концепты представляют сложность для концептуального анализа. Их сущность «расплывчата», «мало поддается определению», «субъективна по своему характеру»; они «калейдоскопичны» и имеют «нечеткие границы», носители языка владеют ими бессознательно; толковые словари фиксируют самые общие их признаки. В этой связи интеллектуальные концепты чаще всего описываются в терминах когнитивных моделей, «фреймов», «сцен», «скриптов», «сценариев» и гештальтов (А. П. Бабушкин).

Модели интеллектуальных концептов, построенные в позднейших когнитивных лингвистических работах показывают, что в их содержании имеется набор признаков, что соотносится с 1) признаковым подходом (featural approach) в англоязычном языкознании; 2) учением об элементарных концептах (conceptual primitives); 3) теорией когнитивных классификаторов; 4) выделением «слоев» концепта: основного, актуального и пассивных признаков; 5) пониманием концептуальных признаков (В. Б. Гольдберг).

Анализ русских интеллектуальных концептов выявляет особую значимость эмоциональной составляющей как доминирующего концептуального признака. Покажем это на материале русских интеллектуальных концептов ВЕРА и НАДЕЖДА, не рассматривавшихся ранее в качестве составляющих концептосферы языка и имеющих важное значение для русской национальной культуры.

Русские концепты ВЕРА и НАДЕЖДА включают следующие концептуальные признаки, содержащие эмоциональный компонент:

1. Оценка истинности имеющегося знания.

Классификационный семантический признак «Оценка истинности имеющегося знания» представлен в семантике лексем ВЕРА и НАДЕЖДА неодинаково.

В абстрактных семемах лексемы ВЕРА данный семантический признак актуализируется в семемах 1) «истинность», 2) «правильность, безошибочность». Лексема НАДЕЖДА содержит классификационную сему «вероятность – возможность».

Таким образом, ментальное состояние ВЕРЫ положительно оценивается носителями русского языка как основанное на истинности знания. Ментальное состояние НАДЕЖДЫ вызывает тревожные эмоции, так как категоризируется как вероятное, возможное.

2. Содержательная оценка имеющегося знания.

В соответствии с данным концептуальным признаком производится качественная оценка мыслительного содержания ментального состояния с последующей дифференциацией классификационных признаков «Четкость мыслительного содержания состояния» и «Отсутствие четкости мыслительного содержания состояния» и оценка мыслительного содержания по соответствию действительности.

При качественной оценке мыслительного содержания состояния в абстрактных семемах лексемы ВЕРА актуализируется классификационная сема «четкость мыслительного содержания», в абстрактной семеме лексемы НАДЕЖДА, помимо семы «четкость мыслительного содержания», отмечается семантический признак «отсутствие четкости мыслительного содержания». Это подтверждается устойчивыми словосочетаниями по абстрактным семемам, несущим положительный эмоциональный компонент лексемы ВЕРА (*ясная, чистая, прозрачная вера*) и отрицательную эмоциональную составляющую у лексемы НАДЕЖДА (*неопределенная, неясная, смутная, туманная, эфемерная надежда*).

При оценке мыслительного содержания состояния по соответствию действительности по абстрактным семемам лексемы ВЕРА классификационный признак «Оценка мыслительного содержания по соответствию действительности» эмоционально «измеряет»:

– степень уверенности в соответствии знания действительности как:

1) малую (*небольшая, крошечная, сомнительная вера, верится с трудом, маловерие*);

2) большую (*большая, огромная, безмерная, полная, крепкая, могучая, твердая, прочная, стойкая, непоколебимая, несокрушимая, неиссякаемая, неистребимая, вечная, нерушимая, несокрушимая, неугасимая вера, верить вполне, верить полностью, верить без колебаний, верить без опасений, верить без сомнений, верить как Богу, верить всем сердцем, верить всей душой, искренняя, подлинная, бескорыстная*);

3) нулевую степень признака (*неверие, безверие, извериваться*)

– прочность состояния (*крепкая, могучая, твердая, прочная, стойкая, непоколебимая, несокрушимая, неиссякаемая, неистребимая, вечная, нерушимая, несокрушимая, неугасимая вера*)

– меру соответствия реальности как:

1) несоответствие реальности (*пустая, неоправданная, ложная, тщетная, наивная, простодушная вера, зря/напрасно поверить*);

2) соответствие реальности (*не без основания верить*).

Концепт НАДЕЖДА по абстрактной семеме допускает эмоциональное градуирование по:

– степени уверенности в соответствии знания действительности:

1) малой (*надеяться робко, в глубине души, напрасно, зря, тщетно, легкая, малейшая, крошечная надежда*);

2) большой (*твердо, горячо, несмотря ни на что, крепко, как на скалу, как на каменную гору*);

3) нулевой степени признака (*безнадежность, безнадега*).

– степени-мере соответствия реальности:

1) наличие соответствия реальности (*надежды оправдались, надежды сбылись, оправданная, не без основания надеяться*);

2) отсутствие соответствия реальности (*бесплодная, пустая, неоправданная, несбыточная, иллюзорная, ложная, напрасная, тщетная, шаткая, эфемерная, обманутая, наивная, простодушная, сомнительная, льстить, тешить себя (льститься, тешиться) надеждой, обольщать себя (обольщаться) надеждой, убаюкивать себя надеждой, обманывать себя надеждой, надежды не сбылись, зря/напрасно надеяться*).

Таким образом, ментальное состояние ВЕРЫ в русском языке имеет четкое мыслительное содержание, в то время как состояние НАДЕЖДЫ может иметь как четкое, так и нечеткое мыслительное содержание. Ментальное содержание состояния ВЕРЫ в русском сознании может характеризоваться как прочное, в концепте НАДЕЖДА подобного концептуального признака не отмечено.

3. Оценка степени обладания знанием.

Ментальное состояние ВЕРЫ предполагает уверенность в истинности знания, состояние НАДЕЖДЫ малую степень уверенности обладания знанием.

4. Вид объекта знания.

Семантическое наполнение лексем ВЕРА и НАДЕЖДА выявляет объектные семы:

1) «информация»,

2) «существование объекта, в том числе мифического» (ВЕРА),

3) «любой желаемый объект» (НАДЕЖДА).

Эмоциональная составляющая данного концептуального признака проявляется в оценке объекта знания как значимого.

5. Оценка интенсивности состояния.

Анализ коннотативной сочетаемости лексем ВЕРА и НАДЕЖДА выявляет скрытые эмоциональные компоненты стоящих за ними концептов. Носители русского языка характеризуют состояние ВЕРЫ и НАДЕЖДЫ как положительные (*светлая, радость*).

ная, святая, нравственная вера; светлая, очаровательная, сладкая, трогательная надежда), тревожные (волнующая, дерзкая надежда, надежда дразнит, мучает; тайная, необъяснимая, непонятная вера) или отрицательные (лицемерная вера, легкомысленная надежда).

Особенно ярко эмоциональная составляющая проявляется при анализе метафорической сочетаемости лексем, обозначающих интеллектуальные состояния.

Анализ гештальтной структуры концептов ВЕРА и НАДЕЖДА показал, что в русской культуре они мыслятся как живые существа, которым приписываются человеческие качества и свойства (добрая, трепетная, смелая надежда, легкая поступь надежды, добрые руки надежды, мужественная вера) и которые проходят все фазы бытия человека (вера-надежда рождается, живет, слабеет, умирает, погибает).

В большинстве контекстов ВЕРА ассоциируется с воином (побеждает, города берет), святым или спасителем (благословляет, спасает, освящает). Состояние НАДЕЖДЫ воплощается в образе женщины, которая может быть соблазнительницей (чарующая, обольстительная, пленительная, манящая, волнующая, соблазнительная), матерью-кормилицей (надежда-кормилица несчастных, надежда-нежная мать) или тяжело больной: а) сумасшедшей (безумная, безрассудная, сумасшедшая), б) болеющей (бледная), в) умирающей (умирает).

Концепты ВЕРА и НАДЕЖДА могут описываться в терминах природных явлений и объектов: а) жизненно необходимых – воздуха (дышать верой-надеждой), воды-источника (живительный источник, неиссякаемый, прозрачный, чистый источник веры-надежды), б) тумана (туманная, смутная надежда), в) миража (мираж надежды), г) горы-скалы (прочная, нерушимая, скала веры). Понятия ВЕРА и НАДЕЖДА часто связываются со светом (луч, искра веры-надежды, освещает, озаряет, искрит, светится, блеснула) или огнем (горячая, пламенная, вспыхивает, заженная, неугасимая, теплится, гаснет, сгорает).

В русском языке ВЕРА и НАДЕЖДА ассоциируются с некоторыми предметами человеческого обихода: вера – одежда, вера – дом (под крышей веры, построить веру), надежда – компас, надежда – хрупкий сосуд (хрупкая, разбивается, хрустальная).

Важность концептов ВЕРА и НАДЕЖДА для русской культуры подчеркивается природными метафорами воздуха, воды, огня и света. Эмоциональная оценка, положительная или отрицательная, воплощается в персонифицированных образах. Интенсивность пе-

реживания подчеркивается метафорами света, луча, искры, огня. Концептуальный признак несоответствия переживания реальности, характеризующий состояние НАДЕЖДЫ, прослеживается в образах миража, тумана, хрупкого сосуда. Концептуальный признак прочности, выделяемый в гештальтной структуре концепта ВЕРА, подтверждается образами одежды, дома, крыши, горы.

Анализ основных концептуальных признаков русских интеллектуальных концептов выявил их эмоциональную окрашенность. Эмоциональная составляющая как доминирующий концептуальный признак русских интеллектуальных концептов проливает свет на характер взаимоотношений эмоциональной и интеллектуальной сфер бытия в русской национальной культуре, позволяя осмыслить процессы категоризации и концептуализации ментальных состояний в русском языке.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.

Гольдберг В. Б. Структурные связи в лексико-семантическом поле языка. Тамбов, 2000.

Кубрякова Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира//Филология и культура: Материалы международной конференции. Тамбов, 1999. Логический анализ языка. М., 1988–1991.

О. М. Воеводская

Воронежский государственный университет

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА

В настоящее время разработаны и используются различные методики исследования содержания того или иного концепта. Наиболее популярным и распространенным является метод анализа словарных дефиниций. Мы предлагаем методику изучения концепта через лексико-грамматическое поле репрезентирующей его лексемы.

Под лексико-грамматическим полем (далее – ЛГП) мы понимаем объединения лексем, их словоформ и дериватов, определен-

ным образом упорядоченные. Структуру поля можно уподобить строению атома: ядро поля образуют простые, как правило, непродеривированные лексемы Д1 (прямое номинативное значение), вокруг которых на одинаковом расстоянии, но в разных плоскостях, располагаются семемы Д2 (производные номинативные значения). Немного дальше, но тоже на одинаковом расстоянии от ядра размещаются семемы К1 (фразеологически связанные значения). Вокруг семем Д2 и К1, в свою очередь, располагаются их дериваты, удаляющиеся от центра к периферии в соответствии с порядковым номером ступени деривации.

Каждая семема одной и той же лексемы имеет свой набор словоформ, способных ее выразить – словоизменительный концентр. Благодаря тождеству лексемы, все лексико-семантические поля, словообразовательные гнезда и словоизменительные концентры, в которые эта лексемы входит, объединяются в одно сложное целое – ЛГП. Модель такого многомерного образования может быть представлена только голографически (в понимании А. А. Залевской). Проиллюстрируем эти положения на примере концептов СВЕТ в русском языке и LIGHT в английском языке.

При сопоставлении лексико-грамматических полей в обоих языках мы обнаружили, что лексико-семантические ядра этих полей имеют значительное сходство. Концепты СВЕТ и LIGHT в обоих языках «покрывают» значительный участок концептосферы, далеко выходя за рамки понимания света только как «лучистой энергии, воспринимаемой глазом и делающей окружающий мир видимым». Значительная часть выявленных семантических признаков совпадает в обоих языках, что свидетельствует об общности представлений в обеих культурах. Концепт СВЕТ в обоих языках несет положительную доминанту, связанную с жизнью во всех ее проявлениях, просвещенностью, радостью, добром, возможностью видеть.

Но были выявлены и определенные расхождения в структуре этих концептов. Так, в структуру концепта СВЕТ в русском языке вошли следующие признаки, отсутствующие в английском: 1) круг лиц, принадлежащих к привилегированным классам общества, 2) окружающий мир, земля, Вселенная.

Лакунарными для русского языка оказались следующие признаки концепта LIGHT: 1) таланты, способности, 2) жизненная философия, 3) огонек, пламя, 4) гарантированное английским законодательством право на ничем не загораживаемый свет, 5) театральные атрибуты – огни рампы, афиша, 6) ключевое слово в головоломке.

Что касается деривационных гнезд, то в русском языке, благодаря гораздо более развитой системе словообразования, гнездо с производящим СВЕТ имеет большую глубину, включает большее количество дериватов, что позволяет выявить большее количество оттенков значения. Так, например, по семеме Д2 – ограниченный круг лиц, принадлежащих к привилегированному классу общества – образуется словообразовательное гнездо со следующими производными: светский, по-светски, светскость, великосветский, полусвет.

Большое словообразовательное гнездо образуется по семеме К1 – просвещенность. То же наблюдается и для английского языка. Например, to light (up) (освещаться, наполняться светом) ⇒ to lighten (осветиться, просветлеть от волнения, счастья).

Что касается системы словоизменения, то в русском языке, который является флективным, одна и та же лексема, выражая разные семемы, получает разные наборы словоформ: например, по семеме Д2 – место, откуда исходит освещение, пространство, где светло – имеется три словоформы: Д. п. – (подойти к) свету; В. п. – (выйти на) свет; П. п. – (стоять/оказаться на) свету. Единственное словоупотребление в П. п. с предлогом «в» отмечено у лексемы СВЕТ в значении «аспект, точка зрения»: в свете (новых законодательных актов).

В английском языке, который является аналитическим, на первый план выступает проблема сочетаемости той или иной лексемы, несущей разные семемы, с артиклями и предлогами. Например, по семеме Д2 – светофор – лексема LIGHT имеет флексию множественного числа -s, сочетается с определенным артиклем the и предлогами against, at, for: to stop at/for the light.

Таким образом, через анализ словоформ любой лексемы можно получить достаточно объективное представление о содержании выражаемого ею концепта.

Н. А. Красавский

Волгоградский государственный педагогический университет

РУССКАЯ И НЕМЕЦКАЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ЭМОЦИЙ

(опыт лингвокультурологического анализа словарных статей)

Понятие «концепт» было заимствовано зарубежными лингвистами благодаря трудам Г. Фреге и А. Черча из математической логики. Отметим, что концепт как термин использовался уже в

1928 году российским филологом С. А. Аскольдовым (псевдоним С. А. Алексеева). Однако в силу объективных и субъективных причин понятие концепта, не успевшее получить обстоятельного осмысления отечественными учеными, не успевает закрепиться в российском научном лексиконе. В настоящее время его активно используют не только в когнитивных науках (напр., в когнитивной лингвистике), но и в лингвокультурологии.

Концепт, как всякий сложный социальный феномен, не имеет однозначного толкования в науке о языке на современном этапе ее развития. Дискуссионными являются вопросы архитектоники (Степанов 1997, с. 40–42), классификации/типологии концептов (Бабушкин 1996; Лихачёв 1997, с. 282–284), облигаторности/факультативности их вербализации (Воркачев 2000, с. 54–61), методов их изучения (Степанов 1997, с. 40–76 и др.).

Мы солидарны с мнением тех ученых (Попова, Стернин 2000; Карасик 1997, с. 154–173), которые считают, что концепт не обязательно вербально оформлен. Он может существовать в сознании человека как некий мыслительный вербально не востребованный конструкт, чем, кстати, во многом объясняется факт принципиальной переводимости идей, мыслей с одного на другой национальный язык. Вместе с тем, мы полагаем, что культурно ценностные идеи, мысли необходимо оязыковываются различными номинационными техниками в том/ином этносе в силу их психолого-культурной значимости для человека (см. об этом: напр., М. Вебер 1990, с. 274).

Понимание культуры и языка, ее выражающего и развивающего, как семиотических систем позволяет учёному выработать и применить методики изучения данных феноменов как корреспондирующих друг с другом семиотических смысловых структур, фиксирующих познавательный, в том числе и оценочный, эмоциональный опыт homo sapiens.

Формой языковой экспликации концепта могут быть 1) лексемы, 2) различные фразеологические образования (идиомы, паремии, пословицы, поговорки, афоризмы и т. п.), 3) в целом тексты.

Понимание культурного концепта как 3-компонентной структуры (понятие, образ, ценность – см.: Карасик 1997, с. 154–173) предполагает использование соответствующих базисных исследовательских методов – 1. метод компонентного дефиниционного анализа; 2. этимологический анализ; 3. интерпретационный (текстуальный) анализ, 4. психолингвистические методы; 5. метод понятийного моделирования.

В данной статье мы ставим перед собой задачу показать целесообразность и достаточно высокую степень эффективности использования метода дефиниционного анализа номинантов эмоций (слова типа «радость», «печаль» и т. п.) и метода интерпретации специфического типа текста – словарных иллюстраций, фиксирующих вербально оформленные эмоциональные концепты русской и немецкой концептосфер. Под эмоциональной концептосферой мы понимаем совокупность эмоциональных концептов. Эмоциональный культурный концепт (далее – ЭК) есть этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия, образ и оценку, и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации множество однопорядковых предметов (в широком смысле слова), вызывающих пристрастное отношение к ним человека.

Словарную статью мы квалифицируем как культурно релевантный тип вербального текста, в котором раскрыта базисная (собственно понятийная) структура и ассоциативно-образная основа культурного концепта. Словарная статья состоит из собственно дефиниционной и иллюстративной частей. В первой из них раскрываются с точки зрения логики наиболее важные признаки определяемого понятия; во второй же содержатся его образы и оценки. Можно сказать, что в словарной дефиниции указаны границы определяемого понятия, в то время как в иллюстративной части словарной статьи эксплицированы его ценностные и образно-ассоциативные компоненты.

Сопоставительный анализ словарных номинаций эмоций, выражающих ЭК в немецком и русском языках, позволяет сделать следующий вывод. Число совпадающих семантических признаков номинаций эмоций, выражающих ЭК в сравниваемых языках (напр., длительность, кратковременность, интенсивность, контролируемость и т. д.), оказывается значительным.

Данный факт свидетельствует о совпадении понятийной характеристики ЭК в разных языковых сообществах. При этом, однако, следует заметить, что в немецкоязычных словарных определениях актуальными являются признаки *причины и последствий* переживания эмоции, в то время как в русскоязычных дефинициях значительно более продуктивны *оценочные* признаки («радостный», «скорбный», «тоскливый» и т. п.). Для составителей русскоязыч-

ных толковых словарей – элитарных языковых личностей – не столь важны сами по себе события, вызвавшие переживание той/иной эмоции, но более релевантны *само переживание, форма, характер* ее протекания с позиции эмоциональной оценки (подробнее см.: Красавский 1999, с. 162–172).

Метод компонентного дефиниционного анализа слов, эксплицирующих ЭК, как можно предположить, позволяет установить преимущественно их *базисную* смысловую структуру. Последней, в нашем понимании, далеко не исчерпывается содержание культурного концепта.

Интерпретационный *сопоставительный* анализ контекстов употребления номинаций эмоций (= экспликативная часть словарной статьи), составленных или отобранных из классической художественной литературы авторами толковых словарей, обнаруживает в русском и немецком языках как общность, так и несовпадение представлений «говорящего человека» о данном социально-психологическом явлении.

В ходе лингвистического анализа разноязычного лексикографического материала зафиксировано множество пересечений сопряжённых с эмоциями идей. Представителями двух лингвистических сообществ эмоции, как правило, вербально связываются с такими понятийными сферами, как «архетипы огня и воды», «свет и тьма», «действия человека/примата», «оценка», «борьба». Принципиально важным мы считаем указать на совпадение понятийных сфер, используемых для осмысления эквивалентных эмоций в русском и немецком этносе. Так, к примеру, страх и Angst сопряжены с понятиями борьбы и смерти, а радость и Freude, напротив, коррелируют с понятиями «светлости», «легкости», «положительной оценки». Это, однако, не значит, что образное мышление носителей, пользователей двух языков, представителей разных лингвокультур во всем имеет идентичную ассоциативную направленность.

Национально-культурная специфика концептов эмоций в русском языке по сравнению с немецким наиболее ярко иллюстрируется их: а) «цветовым» и «вкусовым» осмыслением (тоска зеленая, уныние темное; горе горькое и др.); б) корреспонденцией с понятиями «душа» и «сердце» (душа в пятки ушла [от страха] и др.); в) связью с понятием тяжести (тяжело на сердце, на душе); г) ярко выраженным соматическим описанием эмоций в гиперболической форме (слезы в три ручья).

Эмоциональные концепты в немецком языке обнаруживают в первую очередь следующие специфические свойства: а) поиск для пере-

живания положительных эмоций; б) стремление избежать переживания негативных эмоций; в) указание на способы избавления от них, что позволяет говорить об известной гедонистической и витальной направленности мышления представителей немецкого этноса.

Эквивалентные лексемы (напр., печаль – Trauer; радость – Freude и т. п.), выражающие русские и немецкие эмоциональные концепты, в словарных статьях имеют разную степень отрефлексированности национальным сознанием. Русские концепты грусти, печали, тоски по сравнению с их немецкими эквивалентами мыслятся русским языковым сознанием многочисленными образами, располагают значительно более широкой ассоциативной направленностью.

Анализ лексикографического материала подтверждает суждение В. П. Нерознака (Нерознак 1998, с. 82–83) о том, что концепты «грусть-тоска», «тоска-печаль», «тоска-кручина» национально маркированы. Данные культурные эмоциональные концепты могут быть транслируемы в другой язык, в другую культуру *только* описательными средствами.

Культурологически важным является, по нашему мнению, указание в русскоязычном материале на такие каузаторы рассматриваемых эмоций как «грусть о доме, о родных; тоска по родине», не представленных в немецких словарных статьях. Концепты «дом», «родные», «родина», как известно, в высшей степени *ценностны* для русского этноса. Другими характерными признаками образного осмысления русской печали (грусти и т. п.) является, судя по лексикографическому материалу, ее сопряжение с понятием цвета (см. подробнее: Красавский 1994, с. 53–60), с идеями безысходности, фатализма. Кроме того, примечательно ее четко выраженное уподобление активным человекоподобным действиям. Эти лингвистические факты культурно симптоматичны. Они – свидетельство глубокой, детальной специфической «проработанности» *русским* сознанием данного концепта, о чем пишут многие современные лингвисты (напр., Вежбицкая 1997, с. 23–24).

В заключение укажем на динамический характер ЭК. Их более полное и адекватное панхроническое описание предполагает использование психолингвистических методов. В психолингвистике (см., напр., Мягкова 1990) накоплен определённый опыт изучения ЭК. В отличие от семасиологов, психолингвистам в силу специфики используемых ими методов удастся выявить *современное* состояние языкового сознания, а значит, обнаружить многочисленные *образные* и *оценочные* характеристики того или иного вербально

оформленного культурного концепта на конкретном этапе его развития.

Обнаружение ассоциативных признаков, приписываемых языконосителями (термин Д. С. Лихачева) ЭК, социально релевантно. Их выявление помогает исследователю вскрыть особенности национального менталитета. Сопоставление ассоциаций, вызываемых именами ЭК в диахронии той или иной культуры, позволяет наблюдать определённые ценностные изменения в сознании homo loquens. Попутно заметим, что ассоциативные данные, вероятно, могут успешно использоваться при толковании номинаций эмоциональных концептов в словарях, в особенности в их экспликативной (иллюстративной) части.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 61–287.

Вежибицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.

Воркачёв С. Г. «Две доли» – две концепции счастья // Языковая личность: проблемы креативной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 54–61.

Карасик В. И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов) // Концепты: Научные труды Центроконцепта. Архангельск, 1997. Вып. № 2. С. 154–173.

Красавский Н. А. Цветовая номинация эмоций в русском и немецком языках // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград, 1994. С. 53–60.

Красавский Н. А. Семантическая структура номинантов эмоций в немецком и русском языках // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград, 1999. С. 162–172.

Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 280–287.

Мягкова Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990.

Нерознак В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: Межвуз. сб. науч. тр. Омск, 1988. С. 80–85.

Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 2000.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

О. Н. Ракитина

Воронежский государственный университет

КОНЦЕПТ МОРЕ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Слово *море* часто встречается в русском фольклоре (сказках, пословицах и поговорках, загадках).

Фольклорное *море* подробно характеризуется с точки зрения его пространственных качеств, восприятия и оценки его человеком.

I. Пространственные характеристики моря

Море – элемент пространства, место, где происходит перемещение, а также препятствие при передвижении, мера пространства, ориентир в пространстве, граница между «своим» и далеким «чужим» пространством: *Вздумалось старику: повезу сына за море, отдам учиться птичьему языку; Ни море, ни земля; корабли не плавают, а ходить нельзя (болото); Едет он морями и месяца, и два, и три...; Жизнь пережить, что море переплыть; Царь прискакал к морю, видит, что дорога заставлена, и поворотил домой; Полетели за море гуси, прилетели тож не лебеди.* Большое пространство: *Тут Василиса Премудрая махнула назад полотенцем – и сделалось великое-великое море. Море, что горе: и берегов не видно. Каменное море кругом вертится, белый заяц подле ложится, всему миру годится (жернова и мука);*

II. Специфика данного типа пространства по сравнению с остальными

1) Море – место, где (много) воды/жидкости, водоем. *Царь!пусти меня на море сходить, водички испить, кишочки всполоскать; Побежал медведь на сине море глаза промывать, а бычок все вперед да вперед; Промеж двух морей, по мясным горам, гнутый мостик лежит (коромысло с ведрами).*

2) Место обитания рыбы, птиц. *Стали они ходить по морскому берегу, стали раков душить, да в кучу складывать; Щука в море хвостом виляет, горы ставит (косьба); Утка в море, хвост на горе (ковш).*

III. С точки зрения отношения к нему человека:

1) Море – бурное, непредсказуемое, ненадежное: *Тут Иван проснулся, смотрит – место пустынное, корабля и следов нет, а море страшно волнуется; Стал купец молитву творить – и тотчас ветры стали, море успокоилось...; Не верь тишине морской; Тихо море, поколь на берегу стоишь.*

2) Море – опасное, враждебное, погибельное место, где можно утонуть: *Счастлив твой бог, что я прежде того не спознал; я бы тебя, разиню, в море утопил! Золота кубышка, на море не топнет и в огне не горит (месяц). Солдату умереть в поле, матросу – в море, Морских топят море, а сухопутных крушит горе; То пропало, что в море упало.*

3) Море – труднодоступное, причем имеется в виду не само море, а его дно. Море гибельно не только для людей, но и для созданных ими вещей, которые, попав на дно моря, уже недостижимы для людей, погибли для них. *Ну, добрый молодец, – говорит щука, – полезай ко мне в рот, я тебя на дне моря спрячу; Утка тотчас яйцо выронила, и упало это яйцо в море. Иван-царевич, видя беду неминуемую, залился горячими слезами.*

4) Море – волшебное место, где обитают мифические существа: *В самую полночь сине-море всколыхается, выйдет у тебе Чудюдо; Морской царь вынес его в самую полночь, оставил на берегу, а сам ушел в море.*

Анализ текстов, в которых говорится о море, позволил выявить те семантические признаки, которые являлись основными у носителей русской фольклорной картины мира. Интересно, что очень четко прослеживается мысль о несолености, пресности воды, то есть лексема «море» в фольклорных текстах подразумевает на самом деле большое озеро. На это указывают такие значения, как «водоем», «источник воды», куда приходят умыться, набрать воды, напиться, а также животные и птицы, обитающие на этом море: рак, ерш, щука, карась, утка – заведомые обитатели пресных вод.

О том же говорят и этимологические данные. Словари определяют море как водоем вообще, в противоположность суше. Также праславянское *mor'e возводят к и.-е. корню, в германских языках корень этот имел значение «стоячая вода» (в противоположность текучей воде – реке). Это, по мнению исследователей, свидетельствует о том, что это слово возникло еще до периода великих миграций, то есть до знакомства наших предков с открытым морем. Что касается нашего материала, то он еще раз указывает на то, что создатели и носители фольклора занимали территории, прилегающие к большим озерам, таким как Ладожскому, Онежскому. Вместо с тем некоторые контексты указывают на тождественное современному содержание концепта «море»: *Солдату умереть в поле, матросу – в море.* Такие тексты являются более поздними и их немного. Таким образом, в фольклоре сосуществуют два *моря* –

славянское несоленое, иначе говоря, озеро, и «настоящее», современное; однако первое преобладает.

Итак, анализ семантики лексемы «море» в фольклорных текстах показал разницу в архаическом и современном содержании концепта *море*, а также позволил выявить его основные семантические признаки в сознании носителей русской фольклорной картины мира.

А. В. Рудакова

Борисоглебский государственный
педагогический институт

МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА БЫТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Предметом нашего исследования является концепт «быт» как элемент русской концептосферы. Изучаемый концепт занимает особое место в концептосфере русского человека. Он характеризуется тесной связью с национальной культурой, национальным характером и поведением народа, его менталитетом.

Цель нашего исследования – выявив максимально полно состав языковых средств, репрезентирующих изучаемый концепт, и описав максимально полно семантику этих единиц, построить теоретическую модель содержания концепта «быт» как глобальной ментальной единицы в ее национальном, возрастном, гендерном, социальном и др. своеобразии.

Были использованы следующие приемы описания.

1. Анализ ключевого слова

Ядро концепта объективируется в русском языке лексемой «быт». При анализе ключевого слова возможны два подхода: диахронический и синхронический. Современные словари дают возможность судить о семантике лексемы, репрезентирующей концепт «быт». Наиболее полное представление о современной семантике исследуемой лексемы содержит «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (СПб, 1998), в кото-

ром представлены три семемы лексемы «быт»: 1) условия существования, жизненный уклад какого-либо народа, социальной среды и т.д. (городской быт, сельский быт); 2) повседневная жизнь человека в ее привычных проявлениях; установившийся порядок жизни (домашний быт, семейный быт); 3) домашняя обстановка, хозяйство и заботы по его ведению (быт заел).

Расширяют представление о понятии «быт» энциклопедические данные, по которым быт – это уклад повседневной жизни, внепроизводственная сфера, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей (в пище, в одежде, жилище, поддержании здоровья), так и освоение духовных благ, культуры, общение, отдых, развлечения.

Дополняют словарные значения и субъективные дефиниции, полученные в ходе эксперимента со словом «быт». Испытуемым предлагалось выполнить задания типа: «Напишите, пожалуйста, своими словами, как Вы понимаете – что такое быт?» или «Пожалуйста, закончите любыми способами фразу «быт для меня – это прежде всего ...». Анализ результатов эксперимента выявил некоторые дополнительные смыслы лексемы «быт»: 1) отношения в семье, внутри семьи; 2) пользование сферой услуг; 3) состояние уюта, комфорта, приятного времяпрепровождения; 4) принудительный аспект существования; 5) интимное, глубоко личное, непубличное, сокровенное в жизни отдельного человека, отдельной семьи; 6) обстоятельства, в которых человек может быть самим собой; 7) сфера конфликтов, ссор, ежедневных проблем.

Диахроническое изучение семантики лексемы «быт» позволяет выявить тот предметно-чувственный образ, который лежит в основе концепта. Первоначально в ядре концепта «быт» находился когнитивный признак – «имущество, скарб», т. е. конкретные предметы домашнего обихода. Таково же было и первоначальное значение лексемы «быт» (В. В. Виноградов «История слов»). Эксперимент показал, что до сих пор этот концептуальный признак находится в ядре концепта: при определении и объяснении значения слова «быт» испытуемые чаще всего называли конкретные предметы домашнего хозяйства (плита, стол, диван) или деятельность, связанную с ведением домашнего хозяйства (стирка, уборка, готовка, покупка продуктов и вещей и т. д.).

Однако в настоящий момент в ядре концепта находится и когнитивный слой «повседневная жизнь человека», сформировавшийся достаточно поздно (XIX век).

2. Анализ синонимических единиц, репрезентирующих концепт «быт»

Анализ словарей синонимов и толковых словарей показал, что системных синонимов лексема «быт» не имеет. Однако эксперимент выявил ряд единиц, близких по значению лексеме «быт»: «обиход», «повседневность», «каждодневность», «образ жизни», «уклад», «обычай», которые вербализуют когнитивный компонент концепта «привычный порядок жизни». Близкими по значению лексеме «быт» являются также лексемы, репрезентирующие когнитивные признаки изучаемого концепта: «уют» – удобство, благоустроенность в домашней обстановке, быту, «обустроенность» – наличие необходимых условий обеспечения жизни человека.

3. Анализ образных номинаций, объективирующих концепт «быт» в русском языке

Концепт «быт» образно вербализуется в языке лексемами «рутина», «будни», «серость», «нудятина», «обыденщина», «однообразие», «беспросветность», «трясина», «текучка» и др. Данные лексемы репрезентируют периферийные когнитивные слои концепта «быт»: «механическое повторение одних и тех же явлений, действий»; «отсутствие разнообразия», «надоевшее и «убивающее» живую творческую мысль».

Особенностью данной группы лексем является однородность, схожесть их семантики, а также стилистической окрашенности. Большинство из них содержит негативную оценку.

4. Анализ словообразовательной парадигмы ключевого слова, репрезентирующего концепт «быт»

В настоящее время лексема «быт» является производной. «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова отмечает следующие однокоренные единицы: бытовой, бытовать, бытописатель, бытовизм, бытовик, бытовка, бытописание, жилищно-бытовой, электробытовой, старобытный и др. Данные лексемы репрезентируют когнитивный слой концепта – «повседневная жизнь». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля были и другие однокоренные единицы, в настоящий момент вышедшие из употребления: бытейский, бытейный, бытний, бытопись, бытословие, бытописец и др., которые также вербализуют названный когнитивный слой.

В разговорной речи встречаются единицы: бытовуха, бытовня, бытово (наречие).

5. Анализ репрезентации концепта «быт» в русских паремиях

Достаточно последовательно и системно концепт «быт» вербализуется в русских паремиях. Материалом для данного исследования послужил сборник В.И.Даля в двух томах «Пословицы русского народа».

При анализе было выявлено, что концепт объективируется ключевой лексемой «быт», которая характеризуется низкой частотностью (в сборнике слово «быт» было встречено всего в трех пословицах): «свой быт милее», «земной быт – не всему конец», «бабий быт – за все бит». Ядерный слой концепта «быт» репрезентируется также в языке лексемой «обиход», которая встретила в сборнике в шести пословицах: «у всякого попа свой обиход», «дом господский, а обиход сиротский», «вдовый обиход не уход», «каков приход, таков и обиход», «без ухода нет обихода», «держи обиход по промыслу и достатку». Лексема «обиход» имеет значения – «хозяйство», «образ жизни».

Концепт «быт» объективируется также лексемой «житье» (в значении «имущество», «жизненный уклад, образ жизни»): «прихоти господские, а житье нищенское», «житье скупое – платье носит худое», «в добром житье кудри выются, в худом секутся», «каково житье, такова и смерть».

Лексема «быть» репрезентирует в языке один из когнитивных компонентов концепта – «жизнь в низшем значении, быт»: «житье наше быть – вставши, да за выть».

Первоначально в ядре концепта находился компонент «скарб, пожитки, имущество, предметы, необходимые для жизни». В слове В.И.Даля указывается устаревшая форма для обозначения данного смысла – «быто». В пословицах это значение реализовалось в лексеме «живот» – «он животом поплатился», «пошли животы на великого государя» (в опале отбирали имущество).

Со временем смысл «имущество» расширяется до значения «хозяйство, заботы по его ведению». Данный слой концепта объективируется лексемами: «хозяйство» – «не хозяин, кто своего хозяйства не знает»; «обрядня» (женское хозяйство по дому,стряпня, кухня, печь) – «какая деревня, такая в ней и обрядня», «не до обедни, коли много обрядни», «либо к обедне ходить, либо обрядню водить»; «порядня» – «в доброй порядне не в торг, а в клеть ступай»; «домостройство» – «не наряд девку (жену) красит – домостройство».

Огромный пласт среди пословиц и поговорок занимают высказывания с лексемой «дом» в значении «хозяйство отдельной семьи»: «дом – полная чаша», «дом: одни буйны ветры по углам перекликаются», «мило тому, у кого всего много в дому», «хозяин добр – и дом хорош, хозяин худ – и в доме тож», «всякий дом хозяином держится», «не дом копить, козла купить, воду возить», «без ухажей не дом, а булдырь», «дом вести – не лапти плести», «дай Бог под злат венец стать, дом нажить, детей водить» и др.

Среди пословиц встречаются и такие, которые свидетельствуют о небитии, отсутствии, нехватке имущества, хозяйства: «ни кола, ни двора», «художить тому, у кого ничего нет в дому», «счастье отпало, ничего в доме не стало» и др.

Ближняя периферия концепта «быт» репрезентируется в языке пословиц лексемой «будни» в переносном значении «повседневная, не праздничная, обыденная, привычная жизнь»: «наш народ по будням затаскан», «у умного мужа жена выхолена, у глупого по будням затаскана», «праздники памятливы, а будни забывчивы», «язык один, и в будни и в праздник», «в праздники – Груша, а в будень – клуша», «деньга на будень, деньга на праздник, да деньга на черный день», «трутням праздник и по будням» и др.

К периферийной части концепта «быт» относится когнитивный признак «обыденность, будничность», репрезентируемый лексемой «житейское»: «житейское делай, а смерть помни!», «прельщает нас мир житейскими сладостями», «море житейское подводных камней преисполнено», «год – житейский, день – в святцах, а месяц на небе».

К периферийной части концепта «быт» относится и смысл, объективируемый в языке лексемой «обычай» в значении «привычный образ действий»: «в каком народе живешь, того обычья и держись», «у вдовушки обычай не девичий», «купецкий обычай, что брюхо отрастить», «женский обычай – слезами беде помогать», «женский обычай – не мытьем, так катаньем (а свое возьмет)» и др.

Анализ пословиц и поговорок В. И. Даля показал, что концепт «быт» в русских паремиях представлен достаточно широко в разных аспектах, но, как правило, не целиком. При этом низкая частотность ядерной лексемы «быт», репрезентирующей центр исследуемого концепта, свидетельствует о том, что концепт сформировался достаточно поздно, хотя большинство пословиц и поговорок В. И. Даля фактически отражают поведение человека в быту, его отношение к быту, оценку человека по качествам, проявляющимся в быту и т. д.

6. Анализ афоризмов и фразеологических единиц, объективирующих в русском языке концепт «быт»

Лексема, репрезентирующая в языке концепт «быт», имеет неширокую фразеологическую парадигму. В словаре отмечены такие устойчивые сочетания: Дом быта, служба быта. В ходе эксперимента были определены наиболее частотные сочетания, содержащие лексем, репрезентирующие концепт в языке: бытовая техника, бытовая химия, в быту морально устойчив (советское), бытует мнение и др. Данные сочетания вербализуют когнитивный слой «привычная, повседневная жизнь».

Достаточно редкими являются и афоризмы, содержащие единицы, репрезентирующие концепт «быт» в языке, например: «любовная лодка разбилась о быт» (В. Маяковский).

7. Анализ вербализации концепта «быт» в индивидуально-авторских номинациях

Объективация концепта осуществляется также и в индивидуально-авторских номинациях (в виде текста): «жизнь прошла между плитой и кастрюлями» (= в быту), «стирка, уборка, готовка (= быт) – вот враги всего духовного, творческого», «плита (= быт) – не для меня».

Таковы некоторые приемы анализа содержания концепта «быт» в русском языке. Применение совокупности приемов анализа позволяет достаточно полно представить содержание концепта быт в сознании русского человека.

И. А. Морозова

Борисоглебский государственный педагогический университет

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Свободный ассоциативный эксперимент широко известен и давно используется в психолингвистике (см. обзор литературы: Залевская, 1979), в семасиологии (см. описание: Левицкий, Стернин, 1989), а в последнее время – в когнитивной лингвистике.

Нами проводился свободный ассоциативный эксперимент с целью выявления специфики содержания концепта «рябина» в русском языковом сознании.

Испытуемым предлагалось записать 5 первых пришедших им в голову реакций (слов, словосочетаний, предложений) на слово – стимул. При обработке результатов эксперимента учитывались все ассоциаты, в том числе и единичные. В эксперименте участвовали 222 испытуемых: 127 студентов I, III курсов филологического факультета и 95 студентов I, III курсов факультета дошкольного воспитания Борисоглебского государственного педагогического института. Возраст испытуемых – 8–20 лет, родной язык – русский. Получено 1110 ассоциативных реакций, из них 222 первые реакции.

При обработке результатов сходные по смысловому содержанию ассоциаты обобщались.

Полученные данные были распределены по семантическим группам:

«чувственные» ассоциаты (всего 363)

ассоциаты по цвету (*красная* 168, *черная* 11, *зеленая* 10, *огненная* 5, *горит* 4, *красная* 4, *яркая* 4, *рубин* 1 – 207),

ассоциаты по вкусу ягод (*горькая* 76, *кислая* 25, *зрелая/незрелая* 14, *вкусная/невкусная* 6, *сладкая* 5, *сочная* 6, *вязкая* 3, *наливная* 2 – 137),

ассоциаты по запаху (*душистая* 9, *пахучая* 3 – 12),

ассоциаты осязательные (*замороженная* 4, *мерзлая* 3 – 7)

когнитивные ассоциаты (всего 183):

песенные (*кудрявая* 73 / «ой, рябина кудрявая...»/, *тонкая* 34 / «Рябина» И. Сурикова. «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?»/, *песня* 25, *дуб* 4 /, *стоит* 4, *качается* 4, *Н. Кадышева* 2 – 146);

фольклорные (*девушка/девица* 5, *судьбина* 3 – 8);

литературные (*стихи* 9, *Цветаяева* 5 – 14);

символические (*одиночество* 10, *Россия* 4 – 14);

кинематографические (*Шукшин* 1/ ошибочно: фильм «Калина красная»/1);

ассоциаты, связанные с природными явлениями (*зима* 45, *мороз* 39, *осень* 35, *снег* 12, *заморозки* 7, *лето* 4, *солнце* 4, *холод* 2, *дождь* 2, *иней* 1, *весна* 1, *май* 1 – 153);

ассоциаты, характеризующие родовое и видовое понятие (*дерево* 71, *высокое/невысокое* 12, *листья* 10, *ветви* 10, *куст* 8, *черноплодная* 7, *стройная* 6, *цветет* 3, *кора* 1, *в сережках* 1, *пушистая* 1, *изогнутая* 1, *раскинувшаяся* 1, *склонившаяся* 1 – 134);

ассоциаты, относящиеся к животному миру (*снегири* 68, *птицы* 18, *воробьи* 5, *синички* 3, *корм* 2 – 96);

ассоциаты, связанные с использованием рябины, продуктами из нее:

бусы 17, *плеваться из трубочки* 5, *букет* 2, *дрова* 1, *поделки* 1, *орнамент* 1, *рогатка* 1, *килограмм* 1, *прибыль* 1, *подарок* 1, *сбор* 1 – 32; *вино* 11, *на коньяке* 8, *настойка* 3, *варенье* 3, *чай* 2 – 27;

лекарство 2, *здоровье* 2, *целебная* 1, *больница* 1 – 6;

ассоциаты, имеющие отношение к местам произрастания рябины /среди них много индивидуальных / (*дом* 9, *лес* 7, *у окна* 4, *деревня* 4, *огород* 2, *забор* 2, *скамейка* 2, *палисадник* 1, *балкон* 1, *городской парк* 1, *кладбище* 1, *морг* 1, *река* 1, *аллея* 1, *школа* 1, *стадион* 1, *посадки* 1 – 40);

ассоциаты, связанные с эмоциями и оценкой (*красивая* 29, *грустная* 5, *молодая* 3, *полезная* 3, *печаль* 3, *прекрасная* 2, *хорошая* 2, *веселая* 1, *смех* 1, *любовь* 1, *пустота* 1 – 51);

регионально-групповые ассоциаты (*улица* 12 / в центральной части Борисоглебска есть ул.Рябиновая/, *«Театралка»* 7 /студенческое жаргонное название Театральной площади, где растут рябины/ – 19) ;

индивидуальные ассоциаты (*физкультура* 1, *песок* 1, *смерть* 1, *веснушки* 1, *железная дорога* 1, *овал* 1 – 6).

Аналогичные семантические группы были выделены и в ходе экспериментального исследования концептов «береза», «клен».

Полученные данные позволяют проверить некоторые теоретические положения, рассматриваемые в когнитивной лингвистике. Известно, что ученые предлагают разнообразные модели структуры концепта (проф. З. Д. Попова – в виде облака, проф. Н. Н. Болдырев – в виде снежного кома, проф. И. А. Стернин в виде плода). Исходя из результатов проведенного эксперимента, мы получили модели концептов «рябина», «клен», «береза», которые соответствуют модели И. А. Стернина: концепт – несколько слоев «мякоти», обволакивающих центральное ядро, «косточку». По мнению этого исследователя, базовый слой/«косточка»/ концепта закодирован в чувственной форме. Это подтверждается экспериментальными данными: «чувственные» ассоциаты – самая многочисленная семантическая группа, кроме того, к ней могут примыкать ассоциаты, связанные с природными явлениями, животным миром, местом произрастания, родовой и видовой характеристикой дерева. В количе-

ственном отношении это 786 ассоциаций, т. е. 71 % от всех полученных реакций.

На базовый слой «нарастает» когнитивный слой, компоненты которого появляются в процессе познания, культурного развития: в нашем случае это группа «когнитивных» ассоциатов и ассоциатов, связанных с применением рябины, а также с эмоциями и оценкой. В количественном отношении 299 ассоциаций, т. е. 27 %.

Следующие слои, более «тонкие», представлены регионально-групповыми и индивидуальными концептуальными признаками. Соответствующие семантические группы составляют 2 % и 0,5 % от общего числа реакций.

Таким образом, ассоциативный эксперимент служит практическим подтверждением «послойного» строения концепта и может являться достаточно эффективным методом исследования структуры различных концептов в когнитивной лингвистике.

1. *Залевская А. А.* Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. Калинин, 1979

2. *Левицкий В. В., Стернин И. А.* Экспериментальные методы в семиологии. Воронеж, 1989.

И. В. Хорошунова

Воронежский государственный университет

КОНЦЕПТ ПОЛЬЗА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Концепт, по определению Кубряковой Е. С., это единица «информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека», «некий квант знания», отрезок информации (Кубрякова, 1996, 90).

Концепты могут быть независимы от языка, и не все концепты могут фиксироваться языковыми средствами, но самые важные концепты кодируются именно в языке. К числу последних относится концепт ПОЛЬЗА. Этот концепт имеет немаловажное значение для всей концептосферы в целом, т.к. он постоянно «работа-

ет» в голове у человека: любой факт, любое явление, событие, действие и т. д. человек характеризует как полезный или вредный.

Исследователи выделяют следующие типы концептов в зависимости от их содержания: схема, представление, понятие, фрейм, сценарий, гештальт. Концепт ПОЛЬЗА, с нашей точки зрения, относится к такому типу, как понятие (концепт, состоящий из «наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления» (Попова, Стернин, 2000, 18)).

Одним из методов обнаружения концептов через рассмотрение данных языка является анализ словарных толкований ключевого слова, т. е. имени концепта.

Так, «Словарь языка А. С. Пушкина» (т. 3, с. 377) определяет слово *польза* следующим образом:

1. Благотворное для кого-нибудь, чего-нибудь воздействие чего-нибудь, нечто полезное. *Университетская жизнь принесла ему мало пользы.*

2. Интересы, нужды. *Государственная польза требует его возвышения.*

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (т. 3, с. 267) дает следующие значения слова *польза* (В. И. Даль приводит также фонетический вариант *польга*): льгота, облегчение; помощь, прок, подспорье, улучшение; выгода, прибыль, барыш, нажива:

Что пользы в посулах! Глупому дитяти не в пользу богатство. Тут всего пользы нам будет по грошу с аршина. От лекарского снадобья польги мало. Что пользы в ссорах? Тут всего пользы нам будет по грошу с аршина. Что в рот полезло, то и полезно. Без ума – не в пользу и сума. Все добро, да не всякому на пользу.

Прилагательное *полезный* В. И. Даль определяет как «служащий на пользу, ее доставляющий» (там же, с. 267):

За полезный труд спасибо, за бесполезный дурака скажут. Это полезное изобретение, снадобье, намерение.

В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова (т. 3, с. 553) слово *польза* объясняется так:

1. Положительное, благотворное воздействие, хороший результат для кого-нибудь, чего-нибудь. *Польза спорта. Лекарство не принесло ему никакой пользы. Отпуск пошел ему на пользу. Польза проведенных мероприятий.* // Выгода, интересы. *От этого мне пользы мало. Без всякой пользы для себя.*

2. *Нажива, барыш (устар.). Получил на продаже тысячу рублей пользы.*

Прилагательное *полезный* определяется в этом же словаре (с. 515) следующим образом:

1. Приносящий пользу; противоп. *вредный*. *Полезный человек. Полезное растение. А кто полезен вам, к тому вы нерадивы.* Крылов. *Здоровью моему полезен русский холод.* Пушкин. // Содействующий здоровью, поддерживающий силы и бодрость. *Гулять очень полезно. Полезная пища.*

2. Пригодный, нужный для какой-нибудь определенной цели; составляющий ту часть целого, которая может быть использована по непосредственному назначению (*спец.*). *Полезная жилая площадь. Полезный объем помещений. Полезный эффект работы.*

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова толкует слово *польза* как «хорошие, положительные последствия, выгода» (с. 512). *С пользой для дела. Польза спорта.*

Слово *полезный* (с. 507) определяется в этом словаре так:

1. Приносящий пользу. *Полезная книга. Полезная деятельность. Молоко пить полезно.*

2. Пригодный для определенной цели, идущий в дело. *Полезная жилая площадь.*

«Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (с. 277) дает следующее толкование слова *польза*:

1. Хороший результат, благоприятные последствия для кого-либо, чего-либо. *С пользой для дела.*

2. *разг. устар.* *Нажива, барыш. Иногда дед мечтал: – Помог бы Господь продать домишко этот, хоть с пятьюстами пользы, – отслужил бы я молебен Николе Угоднику.* М. Горький, *Детство.*

Прилагательное *полезный* в этом словаре (с. 257) определяется так:

1. Приносящий пользу, способный приносить пользу. *Полезные начинания. Полезная пища.*

2. *спец.* Составляющий ту часть целого, которая может быть использована по непосредственному назначению. *Полезная площадь.*

Исследуемый концепт репрезентируется, помимо лексем *польза*, *полезный*, и многими другими лексемами. Тем не менее даже на основе анализа словарных толкований этих двух лексем можно выделить основные признаки концепта ПОЛЬЗА:

1) благотворное для кого-нибудь, чего-нибудь воздействие чего-нибудь; хороший, положительный результат; благоприятные последствия;

- 2) льгота, облегчение;
- 3) помощь, подспорье;
- 4) прок;
- 5) улучшение;
- 6) нажива, барыш (устар.);
- 7) интересы, выгода;
- 8) нечто содействующее здоровью;
- 9) нечто пригодное, идущее в дело.

Набор этих семантических признаков показывает, что концепт ПОЛЬЗА формировался из жизненных наблюдений над реальными ситуациями, в условиях которых человек получал какое-либо облегчение (вначале физическое, материальное, потом и моральное).

Подтверждение находим в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера: «польза, диал. *польга* – то же, ... укр. *пільга* «облегчение, успокоение», ср. польск. *ulga* – то же; др.-русс. *польза* (начиная с Остромир.); русск.-цслав. *пользевати* «быть полезным» и *пользовати*. ... Из ро и *l̥ga; ср. *легкий*».

Далее эти конкретные семантические признаки (облегчение; помощь, подспорье; прок; улучшение; нажива, барыш; нечто содействующее здоровью) были обобщены, в результате чего сформировалось абстрактное понятие (благотворное воздействие; хороший, положительный результат, благоприятные последствия).

Из всего сказанного видно, что концепт ПОЛЬЗА состоит из отражения наиболее общих признаков соответствующего явления действительности, сформировался как результат рационального отражения и осмысления действительности, т. е. является понятием.

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1956.
2. *Кубрякова Е. С.* и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
3. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1973.
4. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 2000.
5. *Словарь русского языка:* В 4-х т./Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988.
6. *Словарь языка А. С. Пушкина:* В 4-х т. М., 1956–1961.
7. *Толковый словарь русского языка:* В 4-х т./Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1938–1941.
8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М., 1971.

О. О. Ипполитов

Воронежский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СТРОЕНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА ДОРОГА

Концепт «дорога», занимающий важное место в русской концептосфере, обладает многослойной и многокомпонентной структурой, организуя большое количество лексических единиц современного русского языка. Строение базового когнитивного слоя, отражающего основные значения ядерной лексемы концепта, было рассмотрено ранее (3).

В настоящей работе проводится краткое описание некоторых черт строения весьма объемного интерпретационного слоя изучаемого концепта (6, стр. 17), состоящего из сравнительно слабо структурированных предикаций, отражающих основные признаки концепта в форме установок сознания, часто - констатирующего характера.

Эти установки, вытекающие преимущественно из ментально-языковой культуры русского народа, на лексическом уровне выражаются, как правило, в форме стилистически дифференцированных определений, многочисленных пословиц, поговорок, загадок, свидетельствующих об огромной значимости понятия «*дорога*» в жизни русского человека.

Следует отметить, что рассмотрение фразеосочетаний, поговорок и пословиц дает исключительно важный материал для углубленного изучения производных (как денотативных, так и коннотативных) значений слов, связанных с формированием понятия в сознании человека и являющихся «конструктивными компонентами» общей структуры концепта. Это наглядно показано, например, в работе М. М. Копыловой и З. Д. Поповой (4).

Значительная часть интерпретационного слоя концепта «*дорога*» в той или иной степени организуется архисемами, связанными с природной и хозяйственно-экономической спецификой области проживания и жизненного уклада носителей русского языка. Приемами могут служить:

– обширность пространства, влекущая за собой восприятие дороги как чего-то огромного, отражающееся в определениях типа «бескрайняя», «долгая» и др. Тот же фактор обусловил появление в русском языке пословиц и поговорок типа: «в дорогу идти - пятеры лапти сплести», «хлеб в дороге не тягость» (2, стр. 126–

127), «лежит Дороня, никто его не хороня; а встанет, до неба достанет» (2, стр. 502);

– континентальный климат основной части территории проживания носителей языка и связанные с этим фактором четко выраженные сезонные изменения среды обитания: фразеосочетания «мокрая дорога», «слякотная дорога» (различение по дифференциальной семе функциональности); народные загадки типа: «По какой дороге полгода ездят, а полгода ходят?» (2, стр. 502);

– традиционная длительность и сложность поездок (фразеологические сочетания и поговорки: «собираться в путь-дорогу», «не хвались отъездом, хвались приездом», «ни конному, ни пешему ни проходу, ни проезду» (2, стр. 127) и ряд других.

Обширная структурная компонента интерпретационного слоя возникает под действием архисемы «характеристика дороги» (нередко с образованием антонимов по соответствующей дифференциальной семе): долгая-близкая, трудная-легкая, кривая-прямая, узкая-широкая, торная, столбовая и др. Лексемы, репрезентирующие данную компоненту, как правило, достаточно тесно связаны с ядерной. В то же время, для полной характеристики указанной структурной составляющей исследуемого концепта, кроме денотативной части соответствующих семем, большое значение имеет коннотативная часть, влияющая на их смысловые оттенки и проявляющаяся в таких устойчивых фразеосочетаниях, как «(встретиться) на узкой дорожке», «(выводить) на столбовую дорогу», «(встать) на кривую дорожку», «(идти) прямой дорогой» (7, стр. 182) и др.

Интегральная сема «перемещение по дороге» организует структурную составляющую интерпретационного слоя с лексемами: идти (какой-то дорогой), везти (по дороге), вести (кого-то правильной дорогой), ступать (своей дорогой), ехать (по дороге), нестись (по дороге), отправиться (какой-то дорогой) и др. Следует обратить внимание на то, что наличие явно выраженных областей взаимного перекрытия указанных выше компонент свидетельствует о семантической близости (в разной степени) входящих в них лексем и фразеологических сочетаний, употребляемых в живом русском языке.

Отдельная структурная компонента концепта «дорога» образована совокупностью не прямых значений лексем, связанных в устойчивых фразеологических сочетаниях русского языка с ядерной лексемой через семемы определенного вида:

– денотативная вторая [5, стр. 119–120], отражающая производно-номинативное значение слова: уступать дорогу, заступать дорогу, встать на дороге и др.;

– коннотативная мотивированная, отражающая ассоциативное значение слова: собирать в дорогу, искать дорогу, заказывать дорогу, перейти (кому-то) дорогу, скатертью дорога и др.;

– коннотативная немотивированная: туда (ему) и дорога и др.

Существенную часть структуры исследуемого концепта составляют множества понятий, объединяемых такими интегральными семемами, как:

– *тип дороги* с репрезентирующими лексемами: шоссе, трасса, автострада, большак, шлях, грейдер, магистраль, тропинка, авеню, аллея, улица, проселок, стезя и др.;

– *компонента дороги* с репрезентирующими лексемами: перекресток, развязка, разъезд, поворот, тупик, заулочок, тротуар, проезжая часть, обочина, переход, брод, перевал и др.;

Завершая краткое описание некоторых компонент, входящих в периферийную часть структуры концепта «дорога», необходимо также отметить существование понятий, имеющих четко выраженное самостоятельное значение, но в то же время обладающих (в различной степени) связностью с ядерной лексемой «дорога».

Одним из таких примеров (имеющим весьма высокую степень связности с понятием «дорога») может служить понятие, репрезентируемое лексемой *встреча*. Интересно, что связь указанных понятий, по-видимому, является совершенно независимой от специфики русской концептосферы и отчетливо прослеживается в человеческом сознании без какой-либо соотнесенности с временной, пространственно-географической или национальной привязкой. Это наглядно показал выдающийся русский филолог М. М. Бахтин в своих исследованиях по исторической поэтике, привлекая для анализа разнообразный литературный материал различных стран и эпох, от античности до средневековья: «Особенно важное значение имеет тесная связь мотива встречи с хронотопом дороги... Мотив встречи – один из самых универсальных не только в литературе (трудно найти произведение, где бы вовсе не было этого мотива), но и в других областях культуры, а также в различных сферах общественной жизни и быта...» (1, стр. 248).

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе (Очерки по исторической поэтике)*//Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 234–407.

2. Даль В. И. *Пословицы русского народа*. СПб.: ТОО «Диамант», 1997. 544 с.

3. *Ипполитов О. О.* Лексические средства объективации концепта «дорога» в русском языке // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX–XXI вв: Сборник статей. Воронеж, 2001. С. 142–144.

4. *Копылова М. М., Попова З. Д.* Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка). Воронеж: ВГУ, 1989. 191 с.

5. *Попова З. Д.* Общее языкознание. Воронеж: ВГУ, 1987, 212 с.

6. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999. 30 с.

7. Фразеологический словарь русского языка. // Под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд. М.: Русский язык, 1987. 543 с.

О. Ю. Лукашкова

Воронежский государственный университет

КОНЦЕПТ ДРУГ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Социальные, культурные, духовные, этические концепты представляют особый интерес для семантического анализа, поскольку именно они дают наиболее интересный материал для осмысления картины мира носителей данного языка, национального менталитета.

Концепт, репрезентируемый в русском языке словом «друг», весьма важен для сознания русского человека, тяготеющего к общности, к слиянию с другими людьми.

В рамках когнитивно-лингвистического исследования нам необходимо очертить и проанализировать средства объективации данного концепта в национальном языке, чтобы составить представление о содержании концепта в национальном сознании.

Основные лексемы, представляющие рассматриваемый концепт в русском языке – «друг» (частотность по данным словаря Л. Н. Засориной – 817); «дружба» (115). Концепт представлен также производными словообразовательными единицами, обозначающими лиц (другок, подруга), качества (дружественный, дружеский, дружный), действия (дружить(-ся), подружить(-ся), сдружить(-ся), состояния (дружно), а также рядом синонимов: товарищ, приятель, наперсник, побратим, кореш. В последнее время появилась в этом значении лексема «брат».

Первым шагом при исследовании концепта было установление значения основной лексемы, репрезентирующей его в языке.

В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой «друг» определяется как «человек, связанный с кем-либо дружбой». «Дружба» толкуется как «отношения между кем-либо, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов».

Однако слово своим значением обычно представляет в языке лишь часть концепта. Получить о концепте более полное представление, выявить дополнительные присущие ему признаки можно путем анализа парадигматических связей основной лексемы – репрезентанта, особенностей ее употребления, а также путем изучения устойчивых единиц языка, включающих данный репрезентант – фразеологизмов, пословиц, поговорок.

Сравним значение синонимов «друг», «приятель», «товарищ». Словарь синонимов под ред. А. П. Евгеньевой содержит следующие пояснения:

- Друг (человек, близкий по духу, по убеждениям, на которого можно во всем положиться).
- Товарищ (человек, близкий по роду деятельности, занятий, по условиям жизни, связанный дружескими отношениями).
- Приятель (человек, с которым сложились хорошие, простые, но не очень близкие отношения).

Сопоставление синонимов выявляет специфические для слова «друг» семы: «избранный» (ср. «Приятелей у Гаврика было много, а настоящих друзей всего один – Петя») и интимный (ср. «друг» и «товарищ»).

Своеобразные «эталоны» концепта «друг» выявляются при наблюдении за лексической сочетаемостью. Так, например, можно сказать «друг детства», «друг юности», но невозможно «друг зрелости», «друг старости». Отсюда, видимо, следует вывод, что одним из «эталонов» настоящего друга является в сознании говорящих длительность дружбы. Весьма частотное сочетание «настоящий друг», но невозможно «настоящий приятель» (по-видимому, для «приятеля» нет строгих критериев). Друг и приятель может быть «закадычным», но не товарищ. Отсюда следует, что степень эмоциональной близости – тоже один из важных эталонов концепта. Распространенное выражение «будь другом» (сделай для меня то-то или то-то) указывает еще на один признак – друг, это тот, кого можно попросить об услуге.

Интересно пронаблюдать и за синтаксическими формами выражения концепта. Замечено, что в последнее время характерная для слова *товарищ* конструкция с предлогом «по» (по оружию, по институту и т. д.) распространилась и на слово *друг*. Стало возможным употребление сочетаний типа «друг по даче, по гаражу» и т. п. Это может служить свидетельством стирания четких границ между понятиями *друг*, *товарищ* и *приятель* в сознании людей.

Экстралингвистическую информацию о содержании концепта содержит его интерпретационное поле, которое отражается в словицах, поговорках и афоризмах. Проанализировав массив русских пословиц, посвященных дружбе, мы выделили ряд установочных суждений, содержащих понимание русским народом понятия «друг».

1. Другом можно считать только того, кто выдержал испытание критической ситуацией («Друг не испытанный – что орех не расколотый», «Друзья познаются в беде»)

2. Старый друг предпочтительнее нового («Старый друг лучше новых двух»).

3. Тот, кто говорит правду, может потерять друзей («Правду говорить – так друга не нажить»)НО:

4. Друг должен быть правдивым, критичным по отношению к другу («Не люби друга потатчика, а люби друга спорщика»).

5. Бедный человек больше способен на дружбу, чем богатый («Богатому ни правды, ни дружбы не видать», «Чем беднее, тем роднее»).

6. Каждый человек выбирает друга, похожего на себя («Сапог с сапогом, лапоть с лаптем»).

Но:

7. Двум похожим людям трудно ужиться вместе («Два медведя в одной берлоге не живут»).

8. Мужчины больше способны на дружбу, чем женщины («Семь топоров вместе лежат, а две прялки – врозь»).

9. Лучше умный враг, чем глупый друг («Дай Бог врага, да умного, а друг да дурак – наплачешься с ним»).

По данным опроса, проведенного среди современных носителей языка (им было предложено определить степень своего согласия с перечисленными утверждениями), наиболее актуальными в наше время остаются утверждения 1,2,4,9.

Богатство средств языковой репрезентации концепта «друг» в русском языке подтверждает его значимость для русского менталитета.

Поскольку концепты не имеют жесткой структуры, их содержание не может быть раскрыто в окончательном объеме. Анализ способов языковой репрезентации является продуктивным методом исследования концептов. Совокупность дополняющих друг друга методик позволяет выявить различные признаки концепта.

Л. В. Лаенко

Воронежский государственный университет

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СОЛЕННЫЙ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Метод исследования «от семантики слова к содержанию концепта» позволяет посредством анализа сем и семем различного типа, актуализирующихся при функционировании лексических репрезентантов *солёный*, *salt* в речи, вычленив концептуальные признаки, образующие содержание концепта исследуемого признака «солёный» в русском и английском языках.

Семантическое пространство концепта «солёный» отражают как эквивалентные, так и национально-специфические семемы лексических репрезентантов в русском и английском языках.

Совпадают те плоскости пространства концепта, которые выражены следующими типами денотативных семем:

– Д1 «имеющий вкус, свойственный соли» /*солёный вкус, It tastes salty*/;

– Д21 «содержащий соль» /*солёные брызги, a salt lake*/;

– Д22 «приготовленный в растворе соли» /*солёная камса, salted almond*/.

Значительная область семантического пространства английского концепта репрезентирована производно-номинативными семемами Д2 лексемы *salt* во фразеосочетаниях, востребованных, в основном, в бытовой и профессиональной сферах:

salt cellar – a disk or perforated pot holding salt;

salt-lick – a place where animals go to lick rock or earth impregnated with salt;

salt-marsh – a marsh that is flooded by the sea at high tide;

salt-pan – a natural or artificial hollow by the sea where salt is obtained from sea water by evaporation;

salt-shaker – a small container for salt;

salt-trick – a large vehicle that puts salt or sand on the roads in winter to make them less icy;

salt-box – a box in which salt is kept;

salt-cedar – a shrub or small tree;

salt-dome – a dome-like rock structure that is formed beneath the earth's surface by the upward movement of a mass of salt;

salt glaze – a ceramic glaze on stoneware produced by the chemical reaction that occurs when salt is thrown into a kiln during firing

salt hay – hay made of salt grass, often used as fodder, etc.

Анализируемый концепт репрезентируется в обоих языках и коннотативными семемами, но характер и структура их различаются.

Представляется, что мыслительный образ признака «солёный» является одной из составляющей русского культурного концепта «хлебосольный», выраженного семемой Д23 «гостеприимный, радужный» /*хлебосольный хозяин*/.

Так, русский концепт «солёный» выражается следующими коннотативными семемами:

– K1₁ «выражающий чувство горечи, обиды, утраты» /*солёные слезы*/;

– K1₂ «грубый, непристойный, нарушающий правила вежливости» /*солёные словечки, солёный анекдот*/;

– K1₃ «опытный, зрелый» /*просоленный моряк*/.

Важно отметить, что в английском языке устойчивые коннотативные фразеосочетания включают не признаковое слово, а существительное *salt*, некоторые из образов денотата которого схожи с русскими: *сыпать соль на рану* и *rub salt into somebody's wounds*; *пуд соли съест* и *eat a peck of salt with somebody*.

С другой стороны, в сознании англичан хранятся свои, национальные образы, сконструированные на основе образа денотата *salt*. Они отражены в следующих коннотативных семемах:

– «the excellent of the earth» /*salt of the earth*/;

– «быть способным, хорошо работать» /*worth one's salt*/;

– «опытный» /*old salt*/;

– «очень быстрый» /*like a dose of salt*/;

– «занимать высокое положение в обществе» /*sit above the salt*/;

– «тонкое остроумие» /*attic salt*/;

– «поймать, изловить» /*put salt on somebody's tail*/;

– «есть хлеб не даром» /*earn one's salt*/;

– «быть гостем, пользоваться гостеприимством» /*eat somebody's salt*/ – «быть на хлебах у кого-либо, быть в зависимом положении» /*not eat somebody's salt*/;

– «юношеский задор» /*the salt of youth*/.

Таким образом, в глубине исследуемых концептов, локализованных в сознании носителей русского и английского языков, выстроены весьма разные цепочки мыслительных образов. Представляется, что одной из причин возникновения национально-специфических коннотативных семем являются их разные концептуальные основания: в русском сознании они формируются по основаниям *какой – что* /*соленое слово, соленые слезы*/ и *какой кто* /*просоленный моряк*/, в английском – по основанию *делать что-то с солью* /*sit above the salt, rub salt into somebody's wounds, put salt on somebody's tail, etc.*/.

А. В. Кирилина

Московский государственный лингвистический университет

МУЖЕСТВЕННОСТЬ И ЖЕНСТВЕННОСТЬ КАК КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ

Разработка методологических вопросов изучения гендерных аспектов языка и коммуникации – одна из наиболее актуальных задач лингвистической гендерологии.

Сегодня существует ряд различных подходов, начиная от идеологически ангажированного направления, называемого феминистской лингвистикой, и заканчивая автороведческой экспертизой в криминалистике. Не секрет, что гендерные исследования в отечественном языкознании пока не пользуются популярностью среди известных лингвистов. Напротив, отношение к ним часто весьма скептическое. Во многом это связано с тем, что ГИ часто ассоциируются с феминистской лингвистикой и на этом основании им отказывают в научности (см. на эту тему: Добровольский, Кирилина, 2000). Как правило, энтузиастами развития нового направления становятся молодые лингвисты, которые сами еще не вполне уяснили себе методологические вопросы. Сообщество гендерологов состоит из представителей различных – часто довольно далеких друг от друга – дисциплин, поэтому обсуждение научно-

ных проблем на семинарах и конференциях, посвященных исключительно гендерным вопросам, практически невозможно: из-за широкой междисциплинарности приходится выдерживать лишь поверхностный уровень обсуждения. Кроме того, гендерная проблематика в последнее время становится модной, следствием чего является появление «скоропелых» работ, не ставящих своей целью глубокое осмысление проблемы.

Выход из создавшегося положения видится мне в углубленном изучении именно частно-научных аспектов гендерной проблематики и в усиленной разработке общеметодологических подходов к изучению гендера в лингвистике. Одним из таких подходов может стать сочетание когнитивного и лингвокультурологического аспектов, то есть исследование женственности и мужественности как культурных концептов.

Культурный концепт

Концепт понимается нами в интегративном смысле – как многомерное культурно значимое социопсихическое образование в коллективном сознании¹.

На наш взгляд, следует учитывать, что концепт – при всем разнообразии его толкований – представляет собой научный конструкт, модель, при помощи которой определяются объект и план исследования, его рамки, ограничения и т. д. Необходимо установить, как может исследоваться концепт и что в лингвистическом анализе должно рассматриваться для того, чтобы выявить его специфику. Структурную модель концепта предлагает Ю. С. Степанов (1997, с. 40 и след.), понимая под концептом явление того же порядка, что и понятие, рассматриваемое в рамках математической логики и культурологии. По Степанову, концепт структурирован следующим образом: 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительные, «пассивные» признаки, являющиеся историческими; 3) внутренняя форма, запечатленная во внешней, словесной форме (Там же, с. 44).

Создание структурированной модели концепта позволяет разработать адекватные методики исследования, применимые на каждом из его уровней. Так, для уровня внутренней формы предлага-

¹ Индивидуальная (вариативная) составляющая концепта оставляется нами здесь без рассмотрения, хотя и это направление исследования следует признать перспективным. В статье мы обсуждаем инвариант концепта женственности и мужественности, т. е. ту его часть, которая относится к коллективному сознанию говорящих на данном языке.

ется обращаться к материалу народных обрядов, обычаев, фольклора, т. е. искать буквальный смысл (Степанов, 1997, с. 42). Этот же метод предлагается Д. О. Добровольским (1997) для установления культурной специфики языка, исходя из существования нескольких культурных кодов: фольклора, мифологии, сказок, обрядов, языка. Культурно значимые символы могут быть достоверно определены, если удастся доказать их параллелизм в нескольких культурных кодах.

Для изучения пассивного слоя концепта рекомендуется обращение к историческому методу, т. е. выявление закономерностей развития словаря в связи с идейным развитием общества. В лингвистическом исследовании этот метод объективируется как рассмотрение материала в диахронии.

Актуальный слой рассматривается прежде всего с социальной стороны, то есть выявляются категории коллективного сознания путем синхронного анализа. Наиболее значимы здесь тексты СМИ, языковая интерпретация актуальных событий и т. п.

Такая постановка вопроса позволяет на практике применить понятие *концепт* в качестве инструмента лингвокультурологического анализа².

Мужественность и женственность: гендерная метафора

В настоящее время убедительно доказано, что мужественность и женственность не являются только лишь следствием действия природных факторов, но в большой степени обусловлены культурной традицией, что позволяет рассматривать их как культурные концепты, то есть применять для их исследования понятийный аппарат лингвокультурологии. Необходимо также учитывать метафорический характер этих номинаций, который, как будет показано ниже, непосредственным образом влияет на восприятие этих понятий и объем содержания концепта.

«Если пол осмысляется в категориях «мужчина» и «женщина», то гендер – в терминах «мужественность» (мужское начало) и «женственность» (женское начало) (Рябов, 1997, с. 6). Однако эти понятия сосуществуют в тесной взаимосвязи, что показало развитие когнитивной лингвистики: была осознана «человечность» языкового знака и категоризации – категории познания не заданы природой вещей, а образуются в процессе осмысления человеком мира

² Новая трактовка культурного концепта предложена В. И. Карасиком (1996) и Г. Г. Слышкиным (2000). В основе их подхода лежит аксиологический критерий.

и себя в мире. Категоризация происходит на основе опыта, а опыт человека как физического существа всегда связан с его телесной деятельностью. Отсюда в языке появляется «телесная метафора» (Lakoff, Johnson, 1980). Выражения *рукой подать, два шага, одна нога здесь, другая там, делать что-либо у кого-либо за спиной и т.п.* содержат телесную метафору, то есть осмысление мира через посредство собственного тела – первой сферы человеческого опыта.

Связь концептуальной системы с физическим и культурным опытом объясняет принцип антропоморфизма, действующий в номинативной системе языка. В данном случае нас интересуют номинации «мужественность» и «женственность». Они встречаются во всех космогонических представлениях народов, являясь изоморфными двум ипостасям человеческого бытия – мужчинам и женщинам, объединяющих в себе совокупность противоположных начал. В любой мифологической картине мира присутствует ряд бинарных оппозиций: *верх – низ; свет – тьма; правое – левое* и т. д. Во многих философских системах также имеет место ряд полярных категорий: *природа – культура; активность – пассивность; рациональность – иррациональность, логика – эмоции; дух – материя; власть – подчинение.*

Левый член каждой из оппозиций атрибутируется мужественности, а правый – женственности. Важно подчеркнуть, что каждая пара признаков составляет самостоятельную оппозицию, не имеющую причинно-следственной связи с принадлежностью людей к тому или иному полу. Однако каждому из полов приписывается набор соответствующих качеств, играющих важную роль в создании прототипа мужского и женского в общественном и индивидуальном сознании. Так, в древнекитайской мифологии и натурфилософии обнаруживаются два противоположных начала – темное *инь* и светлое *ян*, практически постоянно выступающие в парном сочетании. Миф об андрогинах также отражает дихотомию пола, раскрывая принцип гармонии, которая воцаряется при соединении мужского и женского начал.

Очевидно, что в основе понятий «мужественность/женственность» лежит концептуализация человеческого опыта и «телесная метафора». Эти категории отражают классифицирующую деятельность человеческого сознания, выводимую из опыта. Наличие двух типов людей – мужчин и женщин – мотивировало название метафизических категорий «женственность» и «мужественность», составив базу сравнения метафоры. Метафора представляется «как пересечение двух концептуальных систем в целях применения к основному субъекту

метафоры свойств и ассоциативных импликаций, связываемых с ее вспомогательным субъектом» (ЛЭС, с. 297). Механизм метафоризации обнаруживает закономерности, обусловленные действием принципа антропоморфизма, то есть культурного и телесного опыта человека. С одной стороны, *tertium comparationis* метафоры отсылает реципиента к реальным мужчинам и женщинам, которым также начинают приписывать данные природой черты: активность/пассивность, интеллект/эмоции и т. д. Как отмечал А. Белый, «не женщина вовсе определяет женственное: наоборот, женственностью определена она сама» (Белый, 1991, с. 103). С другой стороны, образность метафоры, референтное несовпадение с *tertium comparationis*, позволяет использовать ее в применении к объектам разного рода, не связанным непосредственно с полом.

Так, в ряде историко-философских работ выдвигается идея о *мужественности* немецкого национального характера и *женственности* русского. Совершенно очевидно, что в таких случаях не производится прямого соотнесения с мужчинами и женщинами. Речь идет о комплексе признаков, объединенных под терминами *мужественность/женственность*.

Мужское начало трактовалось «как аполлоновское начало формы, идеи, инициативы, активности, власти, ответственности, культуры, личности, разума, абстрактного понятийного мышления, сознания, справедливости. Женское начало – как дионисийское начало материи, пассивности, подчинения, природы, рода, чувства, инстинктивности, бессознательного, конкретного мышления, милосердия» (Рябов, 1997, с. 29). Такая интерпретация мужских и женских качеств традиционна и для философии, и для массового сознания. Метафоричность этих номинаций не всегда осознается носителями языка.

Понятия «мужественность» и «женственность» получили категориальный статус и рассматривались в качестве прототипов для описания реальных мужчин и женщин. После появления работ Лакоффа и Джонсона, разработавших вопрос о человеческом теле как базе мышления и воображения – «опыт в значительной мере структурируется еще до любой концептуализации и вне зависимости от нее» (Лакофф, 1996, с. 169), – обоснованным представляется вывод о том, что *влияние оппозиции «мужественность/женственность» на реальный половой диморфизм не односторонне, а взаимно обусловлено*, о чем свидетельствует уже сама номинация «мужественность» и «женственность», базирующаяся на телесной метафоре и возводимая к наличию двух полов в природе. Поэтому исследование мужественности и женственности неразрывно связано с изучением мужского и женского поведения: метафорическая

номинация в силу своей семантической двойственности оказывает влияние на реальных мужчин и женщин.

В силу своей внутренней формы номинация соотносится с людьми разного пола, поэтому противоположные черты и качества приписываются людям в соответствии с названием их пола и становятся нормативными. В сознании носителей языка семантическая двуплановость метафоры ведет к отождествлению качеств, приписываемых мужественности и женственности, с качествами реальных мужчин и женщин.

Как видно из сказанного выше, *мужественность* и *женственность* – важные атрибуты общественного сознания. Являясь универсальными, то есть присутствующими в любой культуре концептами, они вместе с тем включают в себе и определенную специфику, свойственную данному обществу. В языке фиксируется гендерная стереотипизация, свойственная коллективному сознанию. Исследование женственности и мужественности должно, таким образом, включать описание стереотипов, связанных с ними, и средства манифестации этих стереотипов в языке.

Гендерные стереотипы

В свете новых исследований представляется обоснованным говорить о том, что стереотипы – это особые ментальные формы хранения знаний и мнений, то есть структуры ориентирующего поведения (по Матуране, 1996).

Ментальные стереотипы могут фиксироваться языком или иным семиотическим кодом (кинесикой, зрительными образами и т.п.).

Гендерные стереотипы являются частным случаем *стереотипа* и обнаруживают все его свойства. Под *гендерными стереотипами* (ГС) мы понимаем культурно и социально обусловленные и прочно закрепленные в общественном сознании мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов. На наш взгляд, ГС участвуют в формировании концептов фемининности и маскулинности.

Исходя из сказанного, можно заключить следующее.

1. ГС могут быть «исчислены» посредством анализа структур языка.
2. В языке отражается обширный инвентарь ГС, однако частота употребления их в речи неодинакова. Анализ коммуникации делает возможным определение наиболее частотных стереотипов. Многообразие ГС позволяет манипулировать ими. Особенно это касается систем коммуникации, направленных на коллективного адресата, в первую очередь – средств массовой информации.

3. Анализ текстов, обращенных к коллективному адресату и текстов, продуцируемых в канонической речевой ситуации, позволяет выяснить, какие ГС встречаются наиболее часто на данном историческом отрезке и как меняется их динамика в диахронии.

4. ГС связаны с языковым выражением фемининности и маскулинности, но не обязательно идентичны им. Являясь ментальными образованиями, ГС реализуются не только в виде вербальных единиц. Они включают также и невербальные компоненты.

5. Выражение фемининности и маскулинности на разных уровнях языка оказывает неодинаковое воздействие на концептуализацию гендера в сознании носителей языка.

6. Сопоставление отражения ГС в разных языках позволяет сделать вывод об их культурной специфике, однако, сама методика сопоставления нуждается в научном осмыслении: после нескольких лет широких лингвокультурологических исследований раздался голос в пользу более строгого научного подхода к культурной специфике, зафиксированной в языке, а также к правомерности атрибутирования определенных доминант той или иной этнокультурной общности, поэтому важным вопросом является проблема исчисления ГС, валидности полученных данных и их верифицируемости.

Сама возможность объективного выделения культурных доминант в языке не подвергается сомнению, однако, указывается, что, хотя специфика языка не позволяет добиться стопроцентно строгого формального описания, «полный отказ от попыток операционализации используемых понятий переводит соответствующие тексты из сферы науки в сферу эссеистики» (Добровольский, 1997, с. 37).

Обобщая работы, посвященные повышению строгости описания (Карасик, 1996, Телия, 1996, Фрумкина, 1996, Добровольский, 1997) и собственный научный опыт, можно сделать вывод, что оправдывают себя следующие подходы:

1. Сравнительный подход. Анализ внутренней формы с целью выявления различий в концептуализации действительности в разных языках. Некоторые из таких различий могут быть культурно значимыми. Релевантно при этом обнаружение культурно значимых следствий такой концептуализации, для чего привлекается материал фольклористики, описание обычаев и традиций, что предполагает выход за рамки «чистой лингвистики».

2. Интроспективный подход: рассмотрение языка вне сопоставления с другими. В этом случае рекомендуется использовать психолингвистический эксперимент, призванный выявить специфику исследуемых единиц с точки зрения носителей данного языка.

3. «Картирование» соответствующих лексических или фразеологических групп, сопоставления ценностных установок, вытекающих из стереотипов поведения, зафиксированных в значениях слов, устойчивых выражений, прецедентных текстов (Карасик, 1996, с. 14).

4. Учет сочетаемостных возможностей, условий референции, прагматические и текстообразующие функций лексических единиц.

Такая работа в отечественной лингвистической гендерологии только началась. Ее развитие идет бурно, но стихийно, поэтому я сочла необходимым остановиться именно на общеметодологических аспектах изучения гендера. Научный, свободный от идеологии подход, широкий охват материала и всестороннее изучение гендерного концепта повысит престиж исследований в этой области и, несомненно, принесет интересные результаты.

1. *Белый А.* Вейнингер о поле и характере // Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991. С. 100–105

2. *Добровольский Д. О.* Национально-культурная специфика во фразеологии (1) // ВЯ, 1997. № 6. С. 37–48

3. *Добровольский Д. О., Кирилина А. В.* Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания: Сб.ст. М.: Рудомино, 2000. С. 19–35.

4. *Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 3–15

5. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23, М.: Прогресс, 1988. С. 12–51.

6. *Лакофф Дж.* Когнитивная семантика (из книги «Женщины, огонь и опасные предметы») // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996. С. 143–184.

7. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.

8. *Матурана У.* Биология познания // Язык и интеллект: Сб. Статей / Под ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1996.

9. *Рябов О. В.* Женщина и женственность в философии серебряного века. Иваново, Ивановский гос. ун-т, 1997.

10. *Слышкин Г. Г.* От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

11. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.

12. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

13. *Фрумкина Р. М.* «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // ВЯ, 1996. № 2. С. 55–67.

14. *Lakoff, G., Johnson, M.* Metaphors we live by. – Chicago, 1980.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ

И. В. Миронова

Тамбовский государственный университет

ЗООМЕТАФОРА В СВЕТЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТИ ЯЗЫКА (на материале английской лексики)

Для современной лингвистики характерно обращение к проблеме «человеческого фактора» в языке. Ученые, работающие в области когнитивной лингвистики, обратили внимание на то, что язык по своей сути антропоцентричен, то есть описывает действительность через ее восприятие человеком, а также имеет богатый набор средств для описания и характеристики самого человека.

Нельзя не согласиться с Е. С. Кубряковой, что антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в изучении объектов науки по их роли для человека и по их назначению и функции в его жизнедеятельности, то есть знаменует тенденцию «поставить человека во главу угла» (Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 212).

По мнению многих ученых, принцип антропоцентризма не может не проявляться в языке как одной из когнитивных способностей человека, ибо языковая деятельность ориентирована на человека.

Человеку свойственно оценивать действительность – оценка обусловлена самой природой человека. Обращение, в частности, к признакам представителей животного мира для сравнения аспектов жизнедеятельности человека, на наш взгляд, подтверждает тезис о том, что употребление оценки ограничивается «освоенной и осваиваемой частью Вселенной» (Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М: Школа «Языки русской культуры», 1999. – С. 182). Думается, что зоометафоры можно рассматривать как один из видов оценочной номинации.

Легко заметить, что для сравнения человека и его действий привлекаются характеристики тех представителей животного мира, которые знакомы человеку из его практической деятельности, значимы для него. Это обусловлено прагматическими целями: образы известных человеку животных помогают четко обрисовать ситуацию, характер человека или тип человеческой личности. Цель зоометафор – в оценивании человека. Сами названия животных и лексика, называющая их характеристики оценки не содержат. Она появляется при переносе на человека.

Зоометафора приобретает окраску тех ценностей, которые приняты в мире людей. По нашему мнению, основой для сравнения характеристик человека и признаков животного могут являться повадки представителей животного мира, внешние признаки животных, наблюдаемые действия. В большинстве изученных нами примеров оценочная коннотация зоометафор возникла за счет традиционно сложившихся в данной культуре ассоциаций, на основе наблюдения за повадками животных.

Итак, в процессе сравнения человек неизбежно вступает в область оценки. При сравнении человека с животным чаще возникает отрицательная оценка: bear – *медведь* и *неуклюжий человек*; mule – *осел* и *глупец*; shrimp – *креветка* и *тщедушный человек*; leech – *пиявка* и *вымогатель*; to peck – *клевать* и *подвергать нападкам*; to hatch – *высиживать птенцов* и *тайно замышлять что-либо*; to wallow – *валяться в грязи* и *приобрести дурную привычку*; to bark – *лаять* и *говорить грубым, приказным тоном* и т. д.

Можно найти несколько объяснений факту наличия большого количества единиц с отрицательной коннотацией.

Во-первых, в сознании человека большинство представителей животного мира являлись носителями отрицательных качеств, так как не до конца покорившаяся природа, в частности животный мир, представлял определенную опасность для человека. Такое антагонистическое отношение закрепилось в языке.

Во-вторых, человеком испытывается определенный «комплекс сверхполноценности» по отношению к животным как братьям нашим меньшим, находящимися на более низкой ступени развития. Это обусловило появление отрицательной оценки в зоометафорах.

В-третьих, в лексике, ориентированной на человека положительная оценка осознается как норма, не нуждающаяся в особом выделении языком. А отклонения от нормы в мире людей, такие как бесконтрольные действия, неадекватное поведение и т. д., получают отрицательную оценку, и номинируются, в том числе при помощи зоолексик.

Таким образом, признаки животных часто приобретают при переносе на человека оценочные семы, наделяя человека психическими, социальными, этическими и другими свойствами. Суть антропоцентрической парадигмы заключается в поиске того, как в лексике отражается сам человек во всех своих проявлениях. А наличие в зоометафорах оценочной семы иллюстрирует, как в языке проявляется интерпретация человеком окружающего мира.

С. В. Иволгина

Тамбовский государственный университет

УРОВНИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КОЛИЧЕСТВА И ИХ ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ (на материале английского глагола)

В целях адекватного представления концепта количества необходимо начать с изучения психологических основ процесса его формирования.

Процесс формирования концепта количества можно разделить на два этапа – примитивный этап и комплексный. Примитивный этап представляет собой отражение количественных характеристик на конкретно-чувственном уровне, отражение в совокупности всех параметров – качественных, количественных. Такое отражение свойств объекта обладает количественными параметрами, хотя собственно количественным понятием, скорее всего, не является. Целесообразнее назвать первый этап образования количественных понятий количественным представлением. Количественное представление является первым уровнем концептуализации количества.

В процессе онтогенеза примитивный уровень формирования количественных понятий постепенно сменяется комплексным. Комплексный этап характеризуется абстрактным уровнем формирования понятий. Количественные параметры на данном этапе выделяются в отдельную категорию, проводится дифференциация между качественными и количественными характеристиками предмета или множества. На данном этапе формируется представление об абстрактном количестве, но еще как о сращенном единстве – единстве нерасчлененном, недискретном. Таким образом, второй уро-

вень концептуализации количества образуется количественным понятием недискретности.

Концепт числа, сформированный под влиянием социальной среды и культуры, осложняет процесс восприятия количества. С усвоением системы счисления когнитивный аппарат приобретает абстрактный количественный эталон, результатом сравнения с которым является собственно количественный, числовой показатель. В связи с этим формируется точное числовое выражение количества, определяющее количественную определенность дискретного множества. Итак, количественное понятие дискретности является третьим уровнем концептуализации количества.

В соответствии с теорией прототипов структуру концепта количества можно условно представить в виде концентрической сетки, в центре которой находится множественность как наиболее типичный (или прототипичный) представитель количества. Градуальность структуры прототипических категорий и непрерывность категориального континуума предполагают, что остальные значения расположены на различном удалении от центра категории в зависимости от характера и набора количественных признаков, то есть образуют периферию с различным уровнем градации. Предельным значением представляется значение единичности.

Прототип рассматриваемого концепта представлен признаком дискретности. Признак дискретности является наиболее выделенной для нашего сознания характеристикой количества. Следовательно, более периферийное положение в структуре концепта отводится сознанием для недискретного признака. Переход от дискретности к недискретности имеет градуальный характер: являясь центральным, признак дискретности ослабевает к периферии, в то время как значение признака недискретности, напротив, усиливается.

Область дальней периферии отводится количественному представлению. Количественное представление в наименьшей степени связано с количественным понятием дискретности, поэтому в наибольшей степени удалено от прототипа.

Итак, концепт количества представляется разнородным и многоуровневым единством.

Рассмотрим языковое выражение количества. Глагольное количество отличается большим разнообразием по сравнению с именем существительным. Кроме пространственных характеристик, действие обладает еще и временной протяженностью. Действие может быть долгим, кратким, интенсивным, обладать фазами или иметь предел. Все это многообразие количественных значений свя-

зано именно с временной протяженностью действия. Больше того, эти два типа количественных значений могут комбинироваться между собой.

Такое деление количественных значений на два типа имеет серьезные основания. Дело в том, что количественные значения, связанные со счетом, характеризуют глагольное действие как *дискретное множество*, в то время как количественные значения, связанные с измерением и установлением временных параметров действия, характеризуют его как *недискретное множество*.

Таким образом, мы сталкиваемся с двойственным характером проявления количественных характеристик глагольного действия. Способность глагольного действия реализовывать как количественные характеристики дискретного типа множества (количество), так и недискретного типа множества (меры), находит свое отражение в структуре категории количественной квалификации действия.

Совокупность трех уровней концептуализации количества и средств их реализации образуют категорию количественной квалификации действия.

В английском языке концепт количества получает многоплановую актуализацию. Эти языковые единицы представляют различные уровни категориальной иерархии и в разной степени выражают глагольную количественность. Среди таких категорий мы выделяем категорию глагольной множественности и ее подвидов – мультипликатива, итератива, дистрибутива – в противовес категории иквалитива (то есть собственно согласования субъекта действия и предиката), категорию коллективатива, категорию мгновенности, категорию предельности, категорию фазовости, категорию интенсивности и категорию детерминации. Каждая из категорий занимает свое место в структуре и использует индивидуальный набор средств для актуализации закрепленной за собой области концепта.

Подводя итог всему вышесказанному, можно утверждать, что все три уровня концептуализации количества получают свою реализацию в глагольной системе английского языка. Прототипом категории количества является понятие дискретности, которое актуализируется по средствам категорий иквалитива, глагольной множественности и коллективатива. Количественное понятие недискретности отстоит от прототипа и реализуется через категории предельности, фазовости и интенсивности. Периферийное значение количества представлено количественным представлением, которое получает языковую реализацию средствами категории мгновенности/продолженности.

Е. Л. Кочкина

Тамбовский государственный университет

МЕТОД ПРОТОТИПА В АНАЛИЗЕ КАТЕГОРИИ ОБЪЕКТА

Исследуя категорию объекта, в качестве одной из целей исследования мы ставим перед собой выявление состава и структуры категории. С этой целью нами используется метод прототипа, который заключается в том, чтобы выявить прототипические, ядерные элементы категории.

Под объектом нами, вслед за Н. Н. Болдыревым, понимается «тот элемент события, который выделяется в качестве его неактивного (в противоположность субъекту) участника, на который данное событие направлено или который так или иначе вовлечен в это событие». (3:47–48). Термин «событие» используется в широком, обобщающем смысле для обозначения онтологических событий окружающего мира, являющихся референтами конкретных языковых «ситуаций», классифицируемых как действия, состояния и т. п. (см. 2, 3, 5 и др.)

Принятая нами широкая трактовка объекта позволяет наиболее адекватно отразить состав категории. Такое адекватное отражение категории возможно в рамках прототипического подхода к формированию категории. Одним из основных постулатов данного подхода является тезис о том, что для того, чтобы тот или иной элемент стал членом какой-либо категории, ему необязательно обладать всеми признаками данной категории, достаточно, чтобы он реализовывал несколько или хотя бы один из признаков, ей присущих.

В качестве прототипических признаков категории объекта можно выделить следующие: 1) комплетивность; 2) инактивность или пассивность; 3) претерпевание видоизменения, которое, в свою очередь, также градуируется по характеру видоизменения, которое бывает следующих типов: а) конкретно-референтное; б) обобщенно-референтное; в) нереферентное.

Признак комплетивности, суть которого заключается в том, что без объекта значение глагола остается неполным, незаконченным, является общим прототипическим признаком всей категории. Особое значение данного признака подчеркивалось многими лингвистами, указывавшими на тесную связь предиката с объектом. (см.: 10,1, 6, 4, 3, 2 и др.)

Прототипичность признака комплетивности для категории объекта подтверждается и лингвистическим анализом. Различные типы объектов, обладая различным набором категориальных признаков, неизменно реализуют признак комплетивности.

Прототипом категории объекта является объект-пациенс, который наиболее полно и в наиболее «чистом» виде сосредотачивает в себе все признаки, характеризующие категорию. (см.: 1, 7, 8, 4, 3, 11 и др.)

Идеальным условием появления объекта-пациенса является прототипическая переходная конструкция, предложенная П. Дж. Хоппером и С. А. Томпсон, которая описывается как конструкция, передающая событие, в котором конкретный субъект-агенс совершает конкретное намеренное действие, направленное на конкретный объект-пациенс, и добивается определенного видоизменения этого объекта, включая его создание или разрушение (см.: 9, с. 3)

В рамках объекта-пациенса возможно выделить разновидности данного типа объекта (например, объект физического и объект ментального действия и др.), которые не будут обладать одинаковым категориальным статусом. Объект ментального действия (например, *He continued his monologue*) менее прототипичен, чем объект физического действия (например: *He shifted his chewing gum to another side and entered the lift*). Снижение степени прототипичности происходит за счет реализации данного типа объекта средствами абстрактной семантики.

Наиболее прототипичным синтаксическим средством реализации категории объекта является прямое дополнение. Однако объект может реализовываться и при помощи других типов дополнения (например, *The mournful music followed them*, *They talked of commonplace things*), при помощи обстоятельств (например: *They drove down Dame Street*) и придаточных предложений (*Polly knew that she was being watched*), если специфика глагола такова, что требует пропозициональной семантики.

К глаголам, требующим пропозициональной семантики Н. Д. Арутюнова относит такие глаголы как глаголы говорения и сообщения, глаголы суждения и мышления, глаголы эмоциональных переживаний, глаголы слухового восприятия и ряд других. (1:126–130)

Итак, обобщим: прототипом категории объекта является объект-пациенс, выступающий как объект конкретного физического действия, синтаксически представленный прямым дополнением (например: *He broke the window*).

Выравнивание всех остальных членов происходит по линии объекта-пациенса. Члены категории образуют градацию. Положе-

ние того или иного члена в данной градации зависит от количества и качества реализуемых им признаков. Чем больше признаков реализует тот или иной член категории, тем ближе к прототипу, а значит, тем большей степенью прототипичности он обладает.

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. М.: Наука, 1988.
3. Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола. С.-Петербург – Тамбов, 1995
4. Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации//Теория функциональной грамматики. СПб.: Наука, 1992.
5. Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994.
6. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978.
7. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь//Новое в зарубежной лингвистике. Вып.Х. М.: Прогресс, 1981.
8. Givon T. *Syntax: A Functional-Typological Introduction*. Vol.I. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
9. Hopper P.J., Thompson S. A. *Transitivity in Grammar & Discourse//Language*. 1980. Vol. 56.
10. Kenny A. *Action, Emotion, and Will*. L.: Clarendon Press, 1963.
11. Palmer F. R. *Grammatical roles and relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Е. А. Козлова

Тамбовский государственный университет

МЕТОНИМИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ КАТЕГОРИЗАЦИИ СОБЫТИЙ В ЯЗЫКЕ

Категоризация окружающего мира является, как известно, одним из базовых когнитивных процессов. Как показывают многочисленные исследования представителей когнитивной лингвистики, язык, будучи неотъемлемой частью нашего сознания, самым непосредственным образом вовлечен в этот процесс. Любой акт номинации какого-либо объекта или события знаменует собой акт его категоризации. И наоборот, категоризация событий и объектов является необходимым условием их номинации конкретным словом [см., например: Чейф 1983: 50].

Использование глагола для номинации конкретного события означает его (глагола) соотнесение с определенной категорией, в рамках которой это событие осмысливается. Это, в свою очередь, предполагает категоризацию самого глагола в языке как соотнесение с определенным лексическим и лексико-грамматическим классом слов, объединенных общей семиотической функцией. В итоге категоризация события отражается в категориальном значении глагола [Болдырев 1995]. При этом событие категоризируется в двух планах: в плане онтологии, т.е. интерпретируется как представитель некоторой естественной категории – движение, звучание и т. п., и в языковом плане – как определенный тип языкового представления ситуации – действие, процесс, состояние и т.п. Если онтологическая категоризация события отражается в лексическом значении глагола, то языковая категоризация события объективируется в его грамматическом категориальном значении, т. е. категориальном значении акциональности, процессуальности, статальности и т. п.

Поскольку реальная речевая практика демонстрирует возможность различной языковой интерпретации одного и того же события, то, по мнению Н. Н. Болдырева, грамматическое категориальное значение глагола не является раз и навсегда за ним закрепленным, а формируется каждый раз как бы заново в момент построения высказывания с помощью разнообразных языковых средств: лексического и грамматического значения глагола, синтаксической конструкции, ближайшего лингвистического контекста [Болдырев 1995]. При этом ингерентное категориальное значение глагола может подвергаться различным видоизменениям – модификации, когда глагол реализует свои системные категориальные характеристики лишь частично, перекатегоризации, когда глагол реализует характеристики другой категории, и поликатегоризации, когда глагол реализует характеристики одновременно нескольких категорий [Болдырев 1995]. За возможностью разнообразной интерпретации событий в языке и ее объективации в разнообразных глагольных категориальных значениях стоят определенные когнитивные и языковые механизмы, одним из которых является метонимия.

В русле когнитивного подхода метонимия трактуется как когнитивная модель – концептуальная структура, между элементами которой существует отношение замещения [Lakoff 1987: 78]. Такая модель «накладывается» на некоторое концептуальное пространство, в частности на событийное пространство, и передает ему

заложенную в ней структуриацию. В результате событие получает метонимическое осмысление. Это может быть осмысление события в терминах его части:

The door opened = Sbd opened the door.

The key opened the door = Sbd opened the door with the key.

Либо событие метонимически осмысливается через какое-либо событие-признак:

I blush to think of the things I did when I was younger [Longman: 123] = I am ashamed to think ...

The smell of his cooking stank us all out of the house [opt. cit.: 1304] = The smell of his cooking caused (by stinking) us to go out of the house.

Соответственно, разнообразные метонимические модели концептуализации событий объективируются в метонимическом использовании глаголов.

Необходимо отметить, что метонимическая модель накладывается на уже структурированное пространство, т.е. на некоторый событийный фрейм как конвенциональную форму представления какого-либо события. В результате метонимическая концептуализация события представляет собой переструктурирование некоторого событийного фрейма.

Процессы концептуализации и категоризации тесно взаимосвязаны друг с другом таким образом, что первый обуславливает последний. Категория как объединение неких сущностей формируется на основе какого-либо концепта или концептуальной структуры, выражающих идею подобия или сходства объединяемых единиц, а механизм категоризации состоит в сопоставлении двух концептуальных структур в результате которого и делается вывод о принадлежности к той или иной категории [КСКТ 1996: 46].

Как показывает Дж. Лакофф на примере некоторых маркированных концептуальных категорий в языке дьирбал аборигенов Австралии и японском языке, а также на примере языковых – лексических и синтаксических – категорий, объединение элементов в категорию может производиться и на основе метонимической когнитивной модели [Lakoff 1987]. Поскольку концептуализация события на основе метонимической когнитивной модели по сути своей представляет собой переструктурирование его конвенционального представления, то и его категоризация будет осуществляться на основе новой, нетипичной структуры. Это обуславливает необходимость подстраивания категориального значения глагола-метонима под выражаемый смысл, т.е. его полного или частичного переосмысления.

Так, в предложении «The door opened» ингерентно акциональный глагол «open» выражает функциональное категориальное значение процессуальности, т.е. подвергается перекатегоризации, а в предложении «The key opened the door» тот же самый глагол выражает действие, но представляет его как ненамеренное и неконтролируемое, т.е. его ингерентное категориальное значение модифицируется. Поликатегориальное осмысление глагола можно увидеть в предложении «The smell of his cooking stank us all out of the house», где глагол «stink» реализует одновременно категориальные значения процессуальности и каузативности.

Таким образом, метонимическая модель концептуализации события выступает в конечном итоге в качестве когнитивного инструмента языковой категоризации события через грамматическую категоризацию выражающего его глагола.

В качестве методологической базы исследования языковой категоризации событий с помощью метонимии выступают следующие подходы:

- прототипический подход к формированию категорий, который подразумевает, что категория не имеет четких границ, а для включения какого-либо элемента в категорию не обязательно наличие у него всех характеристик данной категории, достаточно даже одной из них. Поэтому в категорию могут входить и менее прототипичные элементы, что и происходит при использовании метонимии в качестве инструмента категоризации;
- фреймовый подход как метод изучения взаимодействия значения слова и структур энциклопедического знания;
- функционально-семиологический подход, предложенный Н. Н. Болдыревым [Болдырев 1995], предполагающий изучение формирования значения знака в момент построения высказывания.

1. Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола. СПб. Тамбов: Изд-во РГПУ/ ТГУ, 1995.

2. КСКТ: Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996.

3. Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. М.: Прогресс, 1983.

4. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago; L., 1987.

Источники иллюстративного материала:

Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman Group UK Limited, 1992.

С. Г. Виноградова

Тамбовский государственный университет

ТЕКСТОВЫЕ ФАКТОРЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ АНГЛИЙСКИХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В данной работе целью исследования является определение характера формирования категориальных значений английских экзистенциальных глаголов с учетом специфики поэтического текста. Исследование проводится на материале малых форм английской и американской поэзии.

Категориальное значение языковой единицы изучается в рамках функциональной (грамматической) категоризации и представляет собой динамическую структуру, отражающую соотношение предмета мысли с той или иной концептуальной категорией. Функциональная категоризация глагола может рассматриваться как результат взаимодействия различных факторов: лексической семантики глагола, значения его грамматической формы, структуры предложения-высказывания, ближайшего лингвистического контекста в виде всех элементов предложения-высказывания (Болдырев 2000: 14–17).

С этих позиций, английские экзистенциальные глаголы (*be, decay, exist, flourish, grow, live, loom, occur, prevail, remain, reside, stay, survive, wait* etc.) относятся к разряду неакциональных, выражают обобщенное состояние существования и обладают системным категориальным значением статальности. В предложениях-высказываниях, где исследуемые глаголы реализуют такое значение, субъект обладает нереперентной активностью и является экспериенцером, носителем состояния. В свою очередь, объект не обнаруживает видимых изменений, то есть испытывает нереперентное воздействие. При этом, глаголы характеризуются низкой степенью переходности, употребляются в формах неопределенного настоящего времени, некоторые из них используются в безличных конструкциях. Например:

1. *Some species exist* in this small area of forest and nowhere else on Earth (Cambridge 1996: 479).

2. A writer's words can *live* beyond his death (ССАЯ 1992: 612).

3. Child abuse *occurs* in all classes of society (Oxford 1995: 800).

4. It *remains* possible that bad weather could tear more holes in the tanker's hull (Collins 1997: 1398).

Однако функциональная категоризация глагола не исчерпывается актуализацией в предложении-высказывании его ингерентной смысловой основы. В конечном итоге, она также предполагает погашение системного значения и образование нового (перекатегоризацию) или одновременное объединение разных значений глагола (поликатегоризацию) (Болдырев 1995: 124). По-видимому, главными источниками перекатегоризации или поликатегоризации английских экзистенциальных глаголов в поэтическом тексте будут жанровые особенности произведения.

Известно, что в лирике, эпосе, драме, языковые единицы ведут себя неодинаково в плане передачи значения. Стиховое слово испытывает на себе воздействие звуковых повторов (рифмы, аллитерации), повторов ритмо-метрического рисунка, специфики композиционного построения произведения.

Поскольку поэтический текст – это замкнутая система, некий микрокосм, за которым стоит сознание автора, его элементы, слова, тесно связаны друг с другом как по смежности (через последовательную зависимость), так и по эквивалентности (через ассоциативную зависимость). Посредством внутренних и внешних аналогий между составляющими стихотворения на эвфоническом, ритмо-метрическом, лексико-категориальном, стилистическом и других уровнях, элементы поэтического текста организуются в «пучок» ассоциаций или ассоциативно-функциональную систему (Казакова 1974).

Текст воспринимается гештальтно как целостный, комплексный образ. Следовательно, стиховое слово участвует в порождении смысла не только отдельно взятого предложения-высказывания, а всего произведения. В то же время, именно текст задает концептуальные ориентиры для формирования значений слов в лирике.

Таким образом, правомерно говорить о необходимости расширения лингвистического контекста для определения функциональной категоризации языковых единиц в поэтическом тексте до пределов всего произведения. Кроме того, обобщение опыта изучения стиховой речи позволяет утверждать, что характерные черты поэзии, а также особенности ее восприятия, в частности:

1. эквивалентность поэтической речи, благодаря которой тождественность звуковой формы ведет к смысловому параллелизму;

2. наличие внутренней меры стиха (метра) и деление стиховой речи на сопоставимые между собой единицы – стихи;

3. единство и теснота стихового ряда;

4. концептуальная аналогия между элементами поэтического текста;

5. единовременный характер восприятия поэзии;

6. интенсивность, свернутость, компрессия стиховой речи, следует считать текстовыми факторами формирования категориальных значений языковых единиц в произведениях жанра лирики. Эти факторы, вероятно, будут играть значительную роль в процессе функциональной категоризации слов в поэтическом тексте, в том числе и английских экзистенциальных глаголов.

В русле вышеизложенного, предлагается следующая методология исследования функциональной категоризации конкретного английского экзистенциального глагола в конкретном поэтическом тексте:

1) изучение лексической семантики глагола, значения его грамматической формы, анализ структуры предложения-высказывания и ближайшего лингвистического контекста, то есть определение линейных, синтагматических связей глагола с элементами поэтического текста и на этой основе выделение категориальных признаков глагола, установление его категориального значения;

2) подробный анализ произведения в рамках теории стилистики, определение словесно-ассоциативной композиции стихотворения и на этой основе формирование концепта поэтического текста;

3) обнаружение вертикальных, парадигматических связей глагола внутри текста с другими словами с учетом текстовых факторов и на этой основе выявление категориальных признаков глагола и установление его окончательной функциональной категоризации на уровне всего текста.

Необходимо подчеркнуть, что деление на синтагматический и парадигматический уровни формирования категориальных значений языковых единиц в поэтическом тексте носит условный характер, поскольку процесс порождения смыслов в стихотворении идет по всем направлениям одновременно.

Болдырев Н. Н. Теоретические аспекты функциональной категоризации глагола // Моделирование процессов функциональной категоризации глагола. Тамбов, 2000.

Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола. СПб. Тамбов, 1995.

Казакова Т. А. Система ассоциативных связей слова в поэтическом тексте и стихотворный перевод: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.

Словари:

ССАЯ – Словарь современного английского языка. М., 1992.

Cambridge International Dictionary of English. London, 1996.

Collins Cobuild English Dictionary. London, 1997.

Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford, 1995.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЗРАСТНЫХ КОНЦЕПТОВ

Е. Б. Чернышова

Борисоглебский государственный
педагогический институт

КОНЦЕПТ ВЕЖЛИВОСТЬ В ДЕТСКОМ КОММУНИКАТИВНОМ СОЗНАНИИ

Концепт «вежливость» занимает особое место в детском коммуникативном мышлении и имеет яркую возрастную специфику.

В данной статье мы представим результаты начальной стадии экспериментального исследования концепта «вежливость» как одной из базовых категорий коммуникативного мышления старшего дошкольника.

В исследовании были применены методики направленного ассоциативного эксперимента и наводящей беседы.

В ходе ассоциативного эксперимента испытуемым предъявлялась инструкция следующего содержания:

«Давай с тобой поиграем в слова. Я назову слово, а ты подбери к нему подходящие слова.

1. Вежливый человек – какой?

2. Грубый человек – какой?»

В ходе наводящей беседы дошкольникам задавались вопросы:

1. Вежливый человек – что делает?

2. Что нельзя делать вежливому человеку?

3. Грубый человек – что делает?

4. Какой ты – вежливый или грубый? Всегда ли ты бываешь вежливым (грубым)?

Поясним содержание инструкций. Как показали предварительные наблюдения, концепт «вежливость» в детском сознании представлен дихотомией «вежливость–грубость», поэтому вопросы имеют контрастный характер. Кроме того, основное содержание концепта в сознании шестилетнего ребенка представлено конкретным чувственным образом («*Вежливость – это когда человек (или тетя, дядя, мальчик...) не грубит, не орёт, говорит «спасибо»...*»)

вследствие чего лексема *вежливость* заменена в эксперименте на словосочетание *вежливый человек*.

Испытуемыми были дошкольники, посещающие детские учреждения (детские сады и экспериментальную площадку кафедры теории и практики коммуникации ВОИПКРО – детский учебный центр «Букварёнок»), а также дети, обучение и воспитание которых проходит дома.

Опрошено 62 ребенка, из них обучающихся в учебном центре «Букваренок» – 24 человека, посещающих детский сад – 21 человек, «домашних» детей – 17 человек.

Эксперимент показал, что опрашиваемые в ходе наводящей беседы не испытывали трудностей в ответах на вопросы, что свидетельствует о том, что концепт «вежливость» находится у дошкольников в активной зоне языкового сознания. Затруднение вызвали вопросы ассоциативного эксперимента. 25% детей не дали ответ на первый вопрос, 66,6% – не ответили на второй вопрос.

В ответах детей встречались признаки, которые в смысловом отношении фактически дублировали друг друга; при обработке результатов такие реакции обобщались в одну, а их частотность суммировалась.

Приведем результаты эксперимента. Приводятся реакции с указанием процентного отношения ко всему массиву ответов испытуемых.

Данные направленного ассоциативного эксперимента:

«Вежливый человек – какой?»

Добрый, ласковый – 66,1%;
хороший – 58,1%;
отсутствие ответа – 25,8%.

«Грубый человек – какой?»

Плохой – 27,4%;
невежливый – 16,1%;
злой, жестокий – 14,5%;
отсутствие ответа – 66,1%.

Данные наводящей беседы:

«Вежливый человек – что делает?»

Помогает маме, другим людям (всем помогает) – 45,2%;
Здоровается, говорит «спасибо», «до свидания» – 24,1%;
Уступает дорогу, место в автобусе – 22,5%;

Машину ремонтирует, дом строит, целый день работает, убирает, не мусорит – 16,6%;

Уважает других – 9,7%;
Не кричит на всех, не орет – 8,1%;
Слушается маму – 8,1%;
Делает добро – 3,2%;
Отсутствие ответа – 8,1%.

«Что нельзя делать вежливому человеку?»

Нельзя грубить, кричать, ругаться – 40,3% реакций;
Нельзя драться – 32,2%;
Нельзя разбрасывать всё, беспорядок делать – 22,5%;
Нельзя обижать других – 16,1%;
Нельзя делать плохие дела – 8,1%;
Нельзя не выполнять просьбы – 3,2%;
Отсутствие ответа – 16,1%.

«Грубый человек – что делает?»

Может поругать кого-нибудь, скандал устроить, обозвать кого-нибудь, язык показать, нагрубить – 50% реакций;
Может телефон сорвать, стол сломать, чашку разбить, парту свалить, насорить и т.д. – 32,2%;
Может побить кого-нибудь – 14,5%;
Не здороваются – 9,7%;
Никогда не помогает, не уступает место – 3,2%;
Не делает вежливые дела – 1,6%;
Ворует детей – 1,6%;
Отсутствие ответа – 16,1%.

«Какой ты – вежливый или грубый?»

Вежливый – 87% реакций;
Иногда бываю грубым(ой) – 64,5%;
Никогда не грублю – 32,2%;
Я нормальный – 1,6%;
Не знаю – 1,6%.

Анализ полученных результатов показывает следующее.

Концепт «вежливость» формируется в детском сознании на основе противопоставления категорий «добро» и «зло» и репрезентируется лексемами *хороший* (58,1%), *добрый* (62,9%), *ласковый* (3,2%).

Представление о вежливом человеке в коммуникативном сознании ребенка имеет возрастную специфику и может быть в целом сведено к следующим суждениям: вежливый человек должен оказывать помощь окружающим (67,7%), использовать в об-

щении этикетные формулы (24,1%) и быть трудолюбивым (16,6%); вежливый человек не должен грубить и кричать (40,3%), драться (32,2%) и создавать беспорядок (22,5%).

Представление о грубом человеке складывается из таких признаков: грубый человек может ругаться, грубить, обзывать, показывать язык, т.е. дразнить (50%), может нанести ущерб (сломать стул, сорвать телефон и т.д.) (32,2%), может подраться (14,5%).

В сознании 87% детей собственное коммуникативное поведение отражается в основном как вежливое, хотя 64,5% дошкольников сообщают, что *иногда* бывают грубыми (или *только один раз*) и это бывает по объективным причинам (*грублю, когда другие ругаются; грублю, когда надо идти в больницу; дерусь, когда пристаю*).

Подводя общий итог, можно сказать, что в старшем дошкольном возрасте (6–7 лет) происходит формирование концепта «вежливостьна базе образного представления «вежливый человек», что является очень важным этапом становления детского коммуникативного сознания.

Н. А. Лемяскина

Воронежский ИПКиПРО

СОДЕРЖАНИЕ НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТОВ В СОЗНАНИИ ПЕРВОКЛАССНИКА

У ребенка семи лет, как показывает исследование, существует определенный коммуникативный идеал собеседника. Это взрослый, который обладает определенными качествами: добрый (этот признак отмечает 40% опрошенных детей), веселый (22%), красивый (11%), молодой (7%), интересный рассказчик (7%).

Был проведен опрос учащихся первых классов г. Воронежа (92 человека) для того, чтобы выявить содержание концептов, которые выражены данными словами.

Исследование показало, что в сознании ребенка концепт «красивый» представлен следующими смысловыми компонентами: хороший (22% реакций), чудесный (14%), умный (9%), добрый (9%), великолепный (4%), прекрасный (4%), благодарный (4%).

Концепт «молодой»: красивый (27%), маленький (14%), молодец, молодчина (14%), умный (4%), у кого нет морщин (4%), кому мало лет (4%), хороший (4%).

Концепт «добрый» оказался представлен более разнообразно: хороший (50%), вежливый, воспитанный (50%), помогает людям, помогает в трудную минуту (27%), красивый (15%), жизнерадостный, веселый (15%), приятно с ним общаться (14%), у него доброе сердце (8%) не обижает маленьких (8%), извиняется (8%), всегда спокойный, не нервный (8%), доброжелательный (4%), добродушный (4%), умный (4%), если спросить, он дает (4%), не обзывается (4%), не жадный (4%), не злой (4%), аккуратный (4%), стеснительный (4%). Некоторые дети, кроме вербальных пояснений, сделали рисунки, изображающие, по их мнению, доброго взрослого (с улыбкой на лице).

Концепт «веселый» представлен следующим образом: смеется, улыбается, улыбающийся (57%), радостный (43%), смешной (38%), всех смешит, забавляет, веселит, шутит, рассказывает смешные анекдоты, шутки (32%), играет в веселые игры (13%), добрый (11%), хороший (2%), интересный (2%), песни поет (2%), добродушный (2%), приятный (2%), не грустит (2%), всех любит (2%), красивый, потому что его лицо расплывается в улыбке (2%). Дети предлагают рисунки улыбающегося человека с надписью «Это веселый человек».

Концепт «интересный рассказчик»: автор, т.е. человек, который сочиняет интересные рассказы, стихи, истории, сказки, страшилки, делает мультики (56%), человек, который интересно, смешно рассказывает, фантазер, может сам придумать рассказ (22%), выразительно рассказывает, как артист; соблюдает знаки препинания (8%), ласковый (8%), шутит (8%), любит детей (8%), добрый (4%), хороший (4%).

Приведенные выше результаты показывают, что у первоклассника концепты «добрый», «красивый», «молодой», «веселый», «интересный рассказчик» представлены в значительной степени не дискретно и вербально толкуются друг через друга. Это свидетельствует о том, что в сознании ребенка присутствует на данном этапе его развития некий интегрированный концепт, в котором доминирует признак «хороший».

Таким образом, коммуникативный идеал в сознании первоклассника может быть определен концептом «хороший», содержание которого может быть описано следующим образом: хороший – это

добрый (50%), красивый (36%), в меньшей степени молодой (4%), интересный рассказчик (4%), веселый (2%).

Обращает на себя внимание тот факт, что при многочисленных опросах первоклассников само слово «хороший» встречается крайне редко, дети практически не используют его как вербальную характеристику.

В связи с этим возникла необходимость выявить содержание концепта «хороший» в сознании ребенка. Результаты оказались следующими: добрый (62%), умный (31%), красивый (25%), хороший (19%), ласковый (19%), вежливый (16%), заботливый (16%), веселый (10%), все покупает, дарит подарки (10%), не бьет никого, никого не обижает (7%), играет со мной, гуляет со мной (7%), меня любит (7%), молодой (3%), прекрасный (3%), не жадный (3%), замечательный (3%), отличный (3%), молодец (3%), умница (3%), делает что-то хорошее, любит людей, любит собак (3%), кошек не гоняет (3%), помогает картошку сажать (3%).

Выделяется ряд ответов, в которых концепт «хороший» персонифицируется детьми. «Хороший» – это прежде всего «мама» (16%), папа (10%), учитель (7%), бабушка (3%).

Таким образом, в коммуникативном сознании первоклассника существует недискретный (интегрированный) положительно-оценочный концепт, характеризующий идеального для них собеседника. Он может быть выражен как «хороший-добрый-красивый-веселый». Этими же словами в основном и вербализуется данный концепт в речи детей. При этом лексема «хороший» мало употребляется в их речи, основные средства вербализации – добрый, красивый, молодой.

В процессе исследования коммуникативного поведения первоклассника было также выявлено, что детям данного возраста нравится, когда человек «красиво говорит». Для первоклассников это означает: говорит ласково, нежно, с добром (отмечают 50% опрошенных), отчетливо, четко, внятно (42%), не грубит, не ругается плохими словами (8%), а также говорит умно (8%), понятно (8%), правильно (4%), без ошибок (4%), без запинки (4%); интересно (4%), плавно (4%), умеет убеждать в чем-то уговаривать (4%), пожелать чего-нибудь или поздравить, это человек, который всем нравится; жалеет, ласкает.

Таким образом, в представлении младшего школьника существует некий речевой идеал – «говорить красиво», основные составляющие которого следующие:

- ласково, нежно, с добром, с любовью – 50%;
- четко, внятно – 42%;
- вежливо – 8%;
- выразительно – 8%;
- умно – 8%;
- понятно – 4%;
- правильно – 4%;
- плавно – 4%.

Кто же, по представлениям первоклассника, «говорит красиво»? Это учитель (21%), мама (13%), папа (13%), подруга (друг), одноклассник (13%), а также брат (сестра) (8%), артисты (8%), дядя (4%), бабушка (4%), директор (4%). Причем при указании учителя, одноклассников чаще всего называют имя или имя и отчество (Саша, Лидия Митрофановна), т.е. имеют в виду конкретного человека.

Исследование также показывает, что большинство первоклассников хотят научиться «красиво говорить», а значит, подражают тем людям, речь которых для них является образцом. Уровень речевой культуры данной категории собеседников определяет развитие речевой культуры младших школьников.

Такова специфика некоторых концептов в сознании первоклассника.

Е. И. Гришук

Воронежский ИПКиПРО

АБСТРАКТНАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ: МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Многолетний опыт преподавательской работы, предварительные наблюдения и эксперименты показывают, что наши представления о структуре и содержании абстрактных лексем в сознании подростка весьма далеки от реальности.

Во-первых, те семантические компоненты, которые образуют значение абстрактного слова в сознании учащегося старших классов, практически всегда оказываются значительно меньше «словарного» значения по объему;

во-вторых, они очень часто содержат ложные, «неправильные» семантические компоненты;

в-третьих, часто уверенность человека в правильности собственного понимания предъявленного ему абстрактного слова оказывается совершенно неоправданной – хотя он утверждает, что знает значение слова, в результате эксперимента выясняется, что представление учащегося о соответствующем значении либо ложное, либо он подменяет значение анализируемого слова значением его паронима.

Предметом исследования является языковое сознание старшеклассника, так как именно в этом школьном возрасте идет активное формирование концептов как концептов сознания. Концепты исследуются через их лексическую объективацию системно-языковыми средствами.

На предварительном этапе исследования нами был определен круг лексики, представляющей интерес для изучения в названном выше аспекте. Для отбора слов был использован Частотный словарь русского языка под редакцией Л. Н. Засориной (М., 1977). Было отобрано 130 высокочастотных слов (с частотой 10 и выше), демонстрирующих высокую коммуникативную релевантность, которые были распределены по нескольким смысловым группам:

- морально-этическая лексика (совесть, достоинство, ответственность, правда и т. д.);
- общественно-политическая лексика (свобода, демократия, прогресс);
- субъективно-психологическая лексика (любовь, грусть, жальность, обида);
- коммуникативно-психологическая лексика (воспитание, молва, общение, такт);
- имущественно-прагматическая лексика (богатство, роскошь, бедность, быт);
- философская лексика (душа, прошлое, личность, право);
- интеллектуально-рациональная лексика (ум, талант, хаос, невежество).

Знание о том, как понимают учащиеся именно эти единицы, позволяет получить представление о концептах, значимых с интеллектуальной и воспитательной точки зрения.

В ходе предварительного эксперимента отработывалась методика исследования. Цель этого этапа исследования – выявление психологически реальных компонентов значения слов в сознании

подростков. На основании результатов предварительных экспериментов должен быть составлен список основных компонентов значений исследуемых слов.

За системное значение слова, с которым сравнивались реально представленные в сознании старшеклассников компоненты значений абстрактных слов, были приняты сводные словарные дефиниции. «Сводились» они из дефиниций, представленных в Словаре русского языка С. И. Ожегова, (1990), Словаре русского языка (в 4 томах) под ред. А. П.Евгеньевой (1981–1984), Большого толкового словаря русского языка С. А.Кузнецова (1998).

Затем проводилась экспериментальная проверка на известность испытуемым всех отмеченных словарями значений методом опознания значений по составленному списку. Испытуемым предлагалось указать, какие из предложенных значений они:

- знают и употребляют,
- знают, но не употребляют;
- не знают.

Известные подросткам значения проверялись на знание тех или иных отдельных компонентов значения.

Кроме того, методом субъективных дефиниций выявлялось реальное содержание исследуемых значений в сознании старшеклассников. Им предлагалось:

- продолжить фразу: душа – это ...
- объяснить значение предъявленного в эксперименте слова человеку, который его в первый раз слышит (иностранцу);
- описать зрительный образ, который вызывает слово,
- назвать слово, близкое по значению;
- назвать слово, противоположное по значению.

Затем методом ранжирования компонентов по яркости определялись компоненты, наиболее важные для сознания испытуемых.

Рассмотрим использованную методику на примере слова *бдительность*. *Бдительность* в словарях определяется так:

<p>Очень внимательный, неослабно настроженный (бдительность) С. И. Ожегов</p>	<p>Насторожен-ность, неослабное внимание. А. П. Евгеньева</p>	<p>Проявляющий постоянное, неослабное внимание к кому-, чему-л. Проникнутый неослабным вниманием; выражающий его. С. А. Кузнецов</p>
---	---	--

Обобщающее определение, рассматриваемое в дальнейшем как системное значение слова, имеет следующий вид: *настороженность, постоянное неослабное внимание к кому-, чему-либо.*

В результате анализа субъективных дефиниций получены следующие компоненты значения слова *бдительность* (опрошено 50 ии): внимательность 11, осторожность 7, внимание к происходящим событиям 7, настороженность 6, наблюдательность 5, подозрительность 2, чрезмерная мнительность 2, зоркость 2, сосредоточенность, собранность 2, умение быть начеку, всегда наготове 2, думать, что говорить и кому 1, трезвый ум 1, ответственное отношение 1, поступать правильно 1.

Из этих компонентов конструируется содержание концепта «бдительность» в языковом сознании учащихся.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

О. Н. Чарыкова

Воронежский государственный университет

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Как известно, концепт, будучи когнитивной единицей, в языке репрезентируется лексемой. Концепт имеет слои, лексемы имеют семемы. Концепт содержит компоненты (концептуальные признаки), семемы – семантические признаки (семы). Полисемантическое слово обычно репрезентирует многослойный концепт.

Существуют общенациональные, групповые и индивидуальные концепты. В художественном тексте репрезентированы индивидуально-авторские концепты, которые мало исследованы в когнитивном плане.

Некоторые особенности индивидуально-авторских концептов в художественном тексте чрезвычайно наглядно выявляются при анализе такого художественного приема: в рамках одного текста автор дает парадигму разных семем *одной* лексемы, что свойственно прежде всего глаголу в силу специфики его семантики. Вот несколько примеров из Б. Пастернака.

Брось, к чему швырять тарелки,

Бить тревогу, *бить* стаканы?

В контексте сопоставлены семема Д1 и семема К1 семантемы глагола *бить*.

Здесь прошелся загадки таинственный ноготь.

Поздно, всплусь, чем свет перечту и пойму.

А пока не разбудят, любимую *трогать*

Так, как мне, не дано никому.

Как я *трогал* тебя! Даже губ моих медью

Трогал так, как трагедией *трогают* зал...

Здесь тоже контекстуально сопоставляются семемы Д1 и К1.

А вот строки, обращенные к замечательной актрисе Алле Тарасовой:

Здесь сопоставляется значение «сочинить, составить (песню, стихотворение и т. п.)» и значение фразеологизма «умереть, погибнуть ради чего-то».

Приведенные примеры ярко демонстрируют гибкость, мобильность семантики глагола, что позволяет ему легко переходить в другое смысловое качество, актуализируя те или иные семы. Столкновение в одном контексте разных лексико-семантических вариантов одной лексемы придает тексту особую экспрессию и реализует специфику авторского мировосприятия: актуализируясь в сознании художника, тот или иной концепт, репрезентируемый данной глагольной лексемой, предстает комплексно и динамично, высвечивается одновременно несколькими гранями, уровнями, слоями. Специфика их соотношения между собой, как и наличие специфических концептуальных признаков, определяется индивидуальной картиной мира данного автора, отличительными особенностями его индивидуальной концептосферы.

Н. В. Фоминых

Борисоглебский государственный педагогический институт

КОНЦЕПТ, КОНЦЕПТОР И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

«Язык представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли» (В. фон Гумбольдт). Механизм «превращения» загадочен и привлекателен.

Современная когнитивная лингвистика ищет ключи к тайнам познания. О сложности проблемы свидетельствует различный смысл, вкладываемый исследователями в термин «концепт».

Определим в качестве рабочего положения концепт как мыслительную организованную структуру, основой которой является первообраз (И. А. Стернин) и «коллективное бессознательное» (Г. Юнг). «Концепт – объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления че-

ловека о мире «Действие». (А. Вежбицка). Не все компоненты концепта вербализуются, часть из них остается на уровне интуитивного знания.

Описание концептов может производиться двумя путями.

Первый путь: от концепта, который конструируется гипотетично, к текстам различной природы.

Второй путь предполагает исходной позицией литературный текст: от текста – к концепту. Отметим, что в обоих случаях возможен как диахронический, так и синхронический анализ.

Методики описания в обоих случаях будут различны, а результаты будут дополнять друг друга.

Попытаемся по аналогии с фонологией найти соответствие между идеальной единицей, в качестве которой мы рассматриваем концепт, и реальными речевыми построениями. Предположим, что концепт – это инвариант, тогда как в речи его воплощениями являются концепторы, которые выступают в виде вариантов и вариаций.

Концепторы – варианты различны по своей языковой репрезентации. Это может быть слово, фразеологическая единица, синонимический ряд, целостный текст или его фрагмент и т. д. Вариации – это словоизменительные парадигмы и словообразовательные ряды (гнезда).

В литературных текстах генетически близкие концепты могут быть представлены одним концептором. Происходит так называемая «нейтрализация» на пространстве пересечения двух семантических полей. Сектор пересечения заполнен концепторами, способными манифестировать как один, так и другой концепт.

В конкретном речевом воплощении реализуется не концепт в целом, а лишь его отдельный (отдельные) компоненты. Литературные тексты конкретного автора, взятые в совокупности, позволяют делать определенные выводы о концептосфере данного мастера художественного слова, а через его мироощущение, его языковую картину мира, судить об определенном качестве концептосферы того народа, представителем которого выступает автор, чьи тексты являются материалом исследования: «литературные тексты содержат значительную по объему информацию относительно многообразных социальных явлений, характерологических особенностей людей, межличностных отношений и личных переживаний.» (А. А. Брудный).

Концепторы вступают между собой в определенные внутритекстовые отношения, актуализируя то один, то другой элемент концепта, то их комбинацию или совокупность.

На наш взгляд, все основополагающие концепты, типа *жизнь*, *смерть*, *любовь*, *ненависть* и т. д., – необходимо описывать бинарно, т. к. полнота знания не может опираться только на одну составляющую. Возможно определение отношений внутри самой оппозиции, что еще требует теоретического осмысления и описания.

Попытаемся проиллюстрировать отдельные моменты вышесказанного материалом, основанном на творчестве писателя-философа А. Платонова. По наблюдениям Г. О. Винокура, частотность использования языковых единиц в тексте имеет художественную нагруженность. 94,7% текстов А. Платонова содержат концепторы, представляющие концепты «жизнь – смерть». Тексты взяты безотносительно жанра (от романа до частных писем и заметок в записных книжках) и без учета субъектности речи.

Одним из концепторов концепта «смерть» оказался концептор в виде парадигмы слова «скука», синонимического ряда с тем же словом в роли доминанты. Значение «смерть» у лексем «скука» поддерживается ее функционированием на фоне лексем поля «жизнь».

В текстах А. Платонова концептор «скука» имеет различную ориентацию: на смысл «смерть», уходящий своими корнями в далекое прошлое, и на современный смысл, зафиксированный толковыми словарями, – особое состояние человека, связанное с отсутствием деятельности.

Глубокие скрытые ассоциации подтверждаются замечаниями различных авторов словарных статей. Так, у В. И. Даля находим трактование слова «скука» как «тягостное чувство от недействительного состояния души» и примеры устойчивых сочетаний: *скука смертная*, *удавиться от скуки*, *со скуки пропадешь*, *забота не съела*, *так скука одолела*. И далее: *тоска*, *грусть*, *томление горем*, *печалью*, *хворать*, *болеть* (Он головой скучает. По ночам ногами скучает, скудается). Последнее слово оказывается однокоренным со словами *скучить* – *скулить* (Собаки скучать перед окнами, не к добру). У М. Фасмера слово «скука» соотносится со словом *кукушка*. В славянской традиции именно у *кукушки* спрашивают о жизни (= смерти). В традиции славян имеется обряд «хоронить *кукушку*». Наплывы на коре дерева – «*кукушкины слезы*». У Преображенского и Фасмера *кукать* – *горевать*. В сербскохорватском *кукать* – *плакать*. Не имеет ли это отголосок в обряде «оплакивать умерших»?

По Маценауэру слово «скука» созвучно литовскому «причинять боль». Черных П. Я. делает предположение о выделении корня *съкук-*, что приводит к «стрелять», «травить», т. е. эти глаголы

обозначают действие лишения жизни. В творчестве Платонова отразилась традиция русских людей, «превращающих смерть в факт жизни» (Т. Ю. Хатунцева). В синхронии эта традиция выступает в виде фоновой памяти, а в творчестве А. Платонова это – актуализация древних связей.

Однажды удачно найденное слово для того, что больше мысли, логики, употребляется автором на уровне подсознательном. Отсюда одни и те же концепторы в текстах различного жанра.

Ср.: – А чего он живет один? Одни умирают.

– А он добрый. Видишь – ему скучно!

– А отчего ему скучно?

– Ему чужих жалко, добрые и по чужим скучают.

– И нас ему жалко, у нас папы нету («Житейское дело»).

– Все это чепуха какая-то! – сказал отец. – Не задуривай ты меня... скучно мне, Люба, с тобою, а я жить еще хочу.

(«Возвращение»).

Он посмотрел вокруг себя... на скучное поле вдаль, безлюдное без коров. (Записные книжки).

... Здесь дошло до того, что мне делают прямые угрозы... Оставим эту скуку, милая невеста, вечное счастье мое! Два дня назад я пережил большой ужас. (Письмо жене).

А. Платонов всем своим творчеством пытается ответить на вопросы: что есть жизнь, смерть, что есть то, что между ними. Не столь страшна смерть телесная, сколь смерть души человеческой. Поэтому душевное умирание, угасание, томление воплощаются в русском сознании не только концепторами «смерть» и тем, что прямо реализуют концепт «смерть-жизнь» в речевом воплощении, но и такой ключевой лексемой, как «скука». Происходит переплетение концептов, их взаимообогащение, основанное на генетической близости, и текстовая нейтрализация, что находит свое отражение в общих для разных концептов концепторах.

Содержание

От научного редактора 5

МЕТОДОЛОГИЯ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Попова З. Д. (Воронеж). Из истории когнитивного анализа в лингвистике	7
Кравец А. С. (Воронеж). Топологическая структура смысла	17
Болдырев Н. Н. (Тамбов). Концепт и значение слова	25
Залевская А. А. (Тверь). Психолингвистический подход к проблеме концепта	36
Кашкин В. Б. (Воронеж). Универсальные грамматические концепты ...	45
Бабушкин А. П. (Воронеж). Концепты разных типов в лексике	52
и фразеологии и методика их выявления	52
Стернин И. А. (Воронеж). Методика исследования структуры концепта ...	58
Уфимцева Н. В. (Москва). Сопоставительное исследование языкового сознания славян	65
Сорокин Ю. А. (Москва). Семиосфера и ментосфера	71
Карасик В. И., Слышкин Г. Г. (Волгоград). Лингвокультурный концепт как единица исследования	75
Гольдберг В. Б. (Тамбов). Лакунарные концепты в концептосфере носителей русского и английского языков	81
Топорова В. М. (Воронеж). Логосхема как медиатор концепта в семантическое пространство языка	88

МЕТОДИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТОВ

Листрова-Правда Ю. Т. (Воронеж). Концепт БОГ в языковом сознании русского народа	93
Медведева А. В. (Воронеж). Концепт ДОМ в русской и английской концептосферах	102
Ивашенко О. В. (Воронеж). Эмоциональная составляющая русских интеллектуальных концептов	106
Воеводская О. М. (Воронеж). Лексико-грамматическое поле концепта	111
Красавский Н. А. (Волгоград). Русская и немецкая концептосферы эмоций (опыт лингвокультурологического анализа словарных статей)	113
Ракитина О. Н. (Воронеж). Концепт МОРЕ в русском фольклоре	119
Рудакова А. В. (Борисоглебск). Методика описания содержания концепта БЫТ в русском языке	121
Морозова И. А. (Борисоглебск). Ассоциативный эксперимент как метод когнитивного исследования	126

Хорошунова И. В. (Воронеж). Концепт ПОЛЬЗА в современном русском языке	129
Ипполитов О. О. (Воронеж). Некоторые черты строения интерпретационного слоя концепта ДОРОГА	133
Лукашкова О. Ю. (Воронеж). Концепт ДРУГ в русском языке	136
Лаенко Л. В. (Воронеж). Национальная специфика репрезентации концепта СОЛЕНЬИЙ в русском и английском языках	139
Кирилина А. В. (Москва) МУЖЕСТВЕННОСТЬ и ЖЕНСТВЕННОСТЬ как культурные концепты	141

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ

Миронова И. В. (Тамбов). Зоометафора в свете антропоцентричности языка (на материале английской лексики)	149
Иволгина С. В. (Тамбов). Уровни концептуализации количества и их языковая репрезентация (на материале английского глагола)	151
Кочкина Е. Л. (Тамбов). Метод прототипа в анализе категории объекта	154
Козлова Е. А. (Тамбов). Метонимия как инструмент категоризации событий в языке	156
Виноградова С. Г. (Тамбов). Текстовые факторы функциональной категоризации английских экзистенциальных глаголов в поэтическом тексте	160

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЗРАСТНЫХ КОНЦЕПТОВ

Чернышова Е. Б. (Борисоглебск). Концепт ВЕЖЛИВОСТЬ в детском коммуникативном сознании	163
Лемяскина Н. А. (Воронеж). Содержание некоторых концептов в сознании первоклассника	166
Грищук Е. И. (Воронеж). Абстрактная лексика в языковом сознании старшеклассников: методика исследования	169

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Чарыкова О. Н. (Воронеж). Индивидуальные концепты в художественном тексте	173
Фоминых Н. В. (Борисоглебск). Концепт, концептор и художественный текст	176

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Научное издание

ЛР ИД № 00437 от 10.11.99. Подписано в печать 13.09.2001.
Формат бумаги 60x84/16. Бумага офсетная. Объем 11,5 п. л.
Тираж 500. Заказ 564.

Типография ВГУ.
394000, Воронеж, ул. Пушкинская, 3.